

Марсия Андес

Я СГОРАЮ

разве ты не видишь?

Эмме несладко. Её брат погиб на войне, отец всё ещё служит по контракту, а мать совершенно перестала её замечать, и единственное, что остаётся девушке — бег. Она бежит каждый день настолько много, чтобы потом не оставалось сил ни на какие переживания.

Она бежит от всего: от матери, отношений, проблем и ответственности.

До тех пор, пока не встречает странного парня с психическим расстройством "пиромания", каким-то образом связанного с её прошлым. Смогут ли они быть вместе, если тайна, которую он хранит, может разбить ей сердце?

Я сгораю. Разве ты не видишь?

ShamRain — Passing Shadows

Хриплое дыхание вырывается из моего рта вместе с паром, растворяясь в холодном утреннем воздухе. Лёгкие горят от нехватки кислорода, щёки пылают, ног я почти не чувствую — я бегу уже двадцать минут по пустой улице. Несмотря на пробежку, мои руки холодные, словно я недавно держала их под струёй ледяной воды. Пальцы не слушаются, и я понимаю, что почти не могу согнуть их.

4 утра. Солнце медленно начинает появляться из-за горизонта, и предрассветное небо постепенно становится бледно-розовым — июнь в этом году обещает быть тёплым.

Я останавливаюсь, чтобы перевести дыхание, и осматриваюсь. В наушниках играет тихая мелодия группы ShamRain, накрывающая все мои мысли и не позволяющая думать ни о чём, кроме слов песни и подкашивающихся коленях, которые норовят подвести меня и поцеловаться с асфальтом.

Футболка взмокла, волосы, собранные в хвост, растрепались, и мне приходится убрать выбившуюся прядь за ухо, чтобы она не мешалась.

Город всё ещё спит. Пустые улицы окутывает тишина, и складывается такое впечатление, что все жители просто взяли и исчезли и что в этом мире нет никого, кроме меня. Я осматриваю ровно подстриженные газоны, красивые домики с маленькими заборчиками, замечаю флаг США, неподвижно замерший из-за безветренного утра.

С ужасом понимая, что меня охватывает дикое безразличие, я срываюсь с места и продолжаю свою пробежку. Щёки пылают, хочется остановиться и присесть на ближайшую скамейку, но я этого не делаю. И не потому что скамеек поблизости нет — я наоборот ускорюсь, чтобы довести своё тело, а главное разум до вымотанного состояния, чтобы у меня не осталось сил ни на движения, ни на мысли.

Занятия в школе начинаются в девять — у меня есть несколько часов, чтобы вернуться домой, принять душ, позавтракать и доделать некоторые задания. Потом приедет школьный автобус, чтобы забрать моего соседа на занятия, а я как обычно сяду в машину матери и буду слушать скучную классическую музыку.

Моя мама виолончелистка. Она мечтала колесить по стране и выступать на концертах классической музыки, но у неё ничего не получилось. Она встретила моего отца, забеременела, вышла за него замуж и позабыла о своих планах. Теперь она работает в музыкальной академии, преподаёт уроки игры на виолончели, и каждое утро подвозит меня на занятия, потому что её работа находится по пути в мою школу.

Я ненавижу классическую музыку. И все попытки матери привить мне любовь к музыкальным инструментам провалились. Я не собираюсь осуществлять её несбывшиеся мечты только потому, что у неё не хватило на это сил. Я — не она.

Хотя отец всегда говорил, что мы с ней очень похожи. Наверное, поэтому у нас с ней в последнее время не складываются дружеские отношения.

Я всегда любила больше отца, мы находили общий язык даже в самые трудные моменты. Он военный, часто в разъездах. Участвует в боевых операциях, командует отрядами, иногда его посылают в горячие точки.

Он не был дома уже больше трёх месяцев, и я безумно скучаю по нему.

Музыкант и военный. До сих пор не могу понять, каким образом мои родители умудрились полюбить друг друга.

Бок начинает колоть и силы постепенно покидают меня, но я уже вижу впереди очертания своего дома. Мамина красная машина перед закрытым гаражом, плотно занавешенные окна, дерево перед домом, на котором когда-то висели качели. Я помню, как в детстве просила папу сделать на нём домик, но у него так и не дошли до этого руки, а теперь он мне и не нужен.

Я сбавляю скорость и постепенно перехожу на шаг, упираясь рукой в бок и пытаюсь избавиться от боли. Еле переставляя ватные ноги, я подхожу к дому и из последних сил добираюсь до белоснежной двери. Она открыта — я знаю, что мама ещё не проснулась, а я её даже не запирала. Тихо приоткрыв её, я захожу внутрь.

Сонная атмосфера наваливается на меня тяжёлой массой, и я вдруг понимаю, что чертовски хочу спать. 4 утра. Зачем я просыпаюсь каждый день в это время и выхожу на пробежку, я ума не приложу. Нормальные люди сладко спят в своих тёплых постелях, а я как сумасшедшая нарезаю круги по улице.

Обычно я не возвращаюсь в кровать после тренировки, иду в душ, перекусываю, доделываю домашние задания, иногда успеваю послушать музыку или посмотреть фильм, но вот именно сегодня мне почему-то жутко хочется спать. Я скидываю кроссовки — один из них заваливается на бок — и плетусь к лестнице, чтобы подняться на второй этаж и оказаться у себя в комнате.

Я зеваю и потираю глаза. Раздеваться сил нет, поэтому я прямо в одежде заваливаюсь на кровать, перед этим бросив телефон в кресло и даже не выключив музыку. Наушники свисают с края и почти дотягиваются до пола.

Я утыкаюсь носом в подушку и практически сразу засыпаю.

Massive Attack — Dissolved Girl

— Эмма, иди завтракай! — громкий крик матери, которая явно зовёт меня спуститься вниз уже не в первый раз, заставляет моё сознание резко и мучительно вырваться из лап сна.

Я вздрагиваю и немного приподнимаюсь на локте — сердце бьётся так быстро, словно я только что пробежала несколько километров, и я не сразу понимаю, что происходит. Где я? Кто я? Что я здесь делаю?

Яркое солнце ослепляет — я морщусь и отворачиваюсь от окна, осматриваю идеально-чистую комнату, сумку на полу, из которой торчат тетради и книги, мятую одежду на кресле и будильник. Сейчас уже почти половина девятого — очередная волна страха накрывает меня с головой, и я вскакиваю с кровати, бегом направляясь в ванную.

— Я проспала! — ору я маме, совершенно не ожидая, что та ответит мне.

И как вообще я умудрилась уснуть после утренней пробежки и забыть завести будильник? Такое со мной впервые. Обычно у меня вечная бессонница — я плохо и, признаться, совершенно мало сплю.

Наспех почтив зубы и умывшись, я привожу свои пепельные волосы в порядок, неровно крашу ресницы, чтобы мои яркие зелёные глаза казались немного привлекательнее, выливаю на себя полбанки маминых духов — я ведь так и не была сегодня в душе после пробежки —

и возвращаюсь в свою комнату. Мне требуется меньше пяти минут, чтобы надеть школьную форму, схватить сумку и помчаться на кухню. Я быстро спускаюсь по лестнице — юбка задирается, и я поспешно поправляю её — влетаю на кухню и сажусь за стол, бросая сумку на пол.

Матери нигде нет, но передо мной уже стоит тарелка с яичницей и стакан с молоком. Ненавижу яйца, но привередничать сейчас нет времени, потому что я знаю, что ровно в восемь часов тридцать пять минут мама выходит из дома, чтобы сесть в машину и уехать на работу, и ждать, пока я нормально поем, эта женщина явно не будет. У меня есть две минуты — я запикиваю в рот яичницу и, практически не прожевав, глотаю.

Запиваю молоком. Делаю глубокий вдох, чтобы успокоить сердце, и на мгновение прикрываю глаза. Успокойся, Эмма, ты просто проспала. Не позволяй такому пустяку выбить тебя из колеи, ведь сегодня просто ещё один день школьной жизни, который не принесёт ничего нового. Я отсижу уроки до трёх часов, схожу на дополнительные занятия, после школы пробегусь по спортивной площадке, вернусь домой примерно в пять или, возможно, в шесть вечера, сделаю домашнее задание на завтра, может быть, посмотрю какой-нибудь фильм, а потом снова в 4 утра я проснусь и отправлюсь на пробежку. Вот и всё. Такой пустяк, как опоздание, не изменит моих планов...

— Я уйду, — голос матери вырывает меня из своих мыслей, и я вздрагиваю, распахивая веки.

Мама проходит по коридору к двери, ровно постукивая своими каблуками по паркету, — я слышу звон ключей от машины и звуки закрывающейся сумочки. Отправив в рот последние кусочки яичницы, я залпом допиваю молоко и вскакиваю на ноги прямо в тот момент, когда хлопает входная дверь.

Схватив сумку, я бегу в коридор, надеваю туфли, и практически кубарем вылетаю из дома, сбегая по ступенькам крыльца. Дверь красного кадиллака хлопает, и двигатель оживает. Я оказываюсь рядом с машиной прежде, чем мама меняет передачу и давит лакированными красными туфлями на педаль газа. Запрыгнув внутрь, я бросаю сумку под ноги и пристёгиваюсь прямо в тот момент, когда авто рывком разворачивается и срывается с места.

Из мамы плохой водитель, нет, даже больше, просто ужасный, но, к счастью, она ещё ни разу за свою жизнь не попадала в аварию. Как-то она предлагала мне сдать на права, чтобы я смогла сама подвозить себя до школы, но я категорически против. Никакое событие ни за что на свете не заставит меня сесть за руль! Я не знаю, откуда у меня такая ненависть к машинам. Наверное, не хочу быть как остальные глупые девчонки, стремящиеся показать, что они могут быть независимыми и крутыми за рулём своей тачки. У нас практически все старшие классы забили парковку возле школы. Это глупо. Мне лично нравится сидеть на пассажирском сидении и смотреть в окно, а не следить за дорогой и бояться, что я собою кого-нибудь.

Мама молчит. Она вообще у меня не разговорчивая, хотя со своими подругами поговорить любит. Иногда она часами проводит с телефоном в руках, обсуждая очередной маникюр у секретарши её босса. Со мной же у неё нет общих тем, кроме учёбы, отца и... И всё. Раньше она была другой. Как и я. Раньше мы любили проводить вечера вместе, обсуждать мальчиков и соседских девчонок, пить горячий шоколад, смотреть фильмы и танцевать. Я любила танцевать со своей мамой зимними вечерами, мы включали музыку на полную громкость и подпевали новогодним песням. Мама не только прекрасно играет на

виолончели, но и красиво поёт. Пела. Раньше.

Пока мой старший брат не погиб год назад. Он служил вместе с моим отцом по контракту и его группа попала в зону боевых действий. Его убили прямо на глазах у папы, и тот до сих пор не хочет обсуждать этот случай и рассказывать подробности, но по официальной версии они все попали в засаду и были атакованы противниками. Моему брату просто не повезло.

С тех пор виолончель пылится в тёмном углу на чердаке, мама больше не поёт, не проводит со мной время и вообще не горит желанием общаться. Может быть, она винит меня в смерти Рори? Наверное, она хотела бы, чтобы я была на его месте.

Мама отчаянно давит на газ, словно хочет вывернуть руль и покончить с собой, но ничего подобного не происходит. Её красные лакированные туфли играют с педалями, словно со струнами, красный пиджак расстёгнут, блузка обтягивает грудь, а чёрная юбка слегка задирается. Мы тормозим на светофоре — мама поправляет прядь светлых волос, смотря в зеркало, и поджимает губы.

Я смотрю на свои наручные часы — до занятий ещё десять минут. В принципе, успеваю.

— Папа не звонил? — спрашиваю я, чтобы не сидеть в молчании.

— Нет, — коротко отвечает она, выворачивая руль так резко, что я практически ударяюсь лбом о стекло. — Ты же знаешь, что он в горячей точке, возможности звонить домой каждый день у него нет.

— Я знаю, — помолчав пару секунд, говорю я.

Мы снова молчим. Мне неудобно находиться с ней наедине, словно что-то тяжёлое давит на меня сверху и тянет вниз. Я не могу долго смотреть в глаза матери, не могу говорить с ней, не могу дышать рядом, поэтому как можно меньше стараюсь проводить с ней времени. Мне немного обидно, что она забыла о моём существовании. Иногда мне хочется спросить, что я делаю не так, раз она не замечает меня, но каждый раз я себя останавливаю.

Машина останавливается возле ворот школы — я поспешно отстёгиваю ремень безопасности, хватаю сумку и, не проронив ни слова, выбираюсь на свободу. Дышать становится легче, и тошное напряжение испаряется. Бросив взгляд вслед уезжающей машины, я отворачиваюсь и иду в сторону школы.

Это просто очередной бессмысленный день моего существования. Вот и всё.

Roya Torabi — Invasion

Рядом с кабинетом географии находится музыкальный класс, и каждый день после занятий кто-то закрывается внутри и играет на фортепиано. Каждый раз, когда я возвращаюсь с пробежки со школьного стадиона, где на футбольном поле тренер неистово надрывается, пытаюсь натренировать команду по регби, я прохожу мимо запертой изнутри комнаты и слышу её, музыку, которую ненавижу больше жизни.

Но не смотря на мою неприязнь к классике, мне нравится, как этот таинственный человек играет на старом, потрёпанном временем, пианино. Я не знаю, он это или она, но ему стоит отдать должное. Музыка прекрасна. Я, человек, выросший среди музыкантов, могу с уверенностью сказать, что в мелодии нет ни единой погрешности. Ни одного изъяна. Она великолепна и идеальна, и каждый раз, когда я слышу игру этого человека, моё сердце замирает.

Я замираю. Я останавливаюсь возле кабинета, прислоняюсь спиной к стене и слушаю. Коридор пуст, школьники давно разошлись по домам, кроме тех, кто всё ещё тренируется на футбольном поле, ни один звук не перекрывает игру фортепиано, и в этот миг есть только я и только этот таинственный незнакомец.

Я никогда не пыталась узнать, кто это, потому что не хочу. Не хочу рушить иллюзии, не хочу терять эту ниточку, связывающую меня как с прошлым, так и с будущим. Мне нравится эта неизвестность, поэтому каждый раз, когда мелодия растворяется в тишине, я ухожу.

Но в этот раз всё переворачивается с ног на голову и рушит мой привычный распорядок событий.

— Эмма? — голос моей подруги вырывает меня из своих мыслей, эхом разлетаясь по пустому коридору, и мелодия в кабинете резко обрывается, словно незнакомец, услышав голоса, испугался. — Что ты тут делаешь? Я думала, ты уже ушла домой.

Я отстраняюсь от стены — сердце взрывается адреналином, и я буквально вижу у себя в мыслях, как дверь открывается, выпуская на свободу музыканта.

Я не хочу, чтобы он знал, что я стояла под дверью и подслушивала. Я не хочу вообще знать, кто это такой.

— Как раз собираюсь, — переборов смущение, выдавливаю я.

Нина подходит ближе и бросает взгляд на дверь позади меня. Я не знаю, слышала ли она музыку и знает ли вообще про то, что кто-то каждый день запирается в музыкальном классе, чтобы поиграть.

— Как тренировка? — я пытаюсь сменить тему и отвлечь её от мыслей о том, почему я стою здесь в одиночестве последи пустого коридора.

Нина улыбается и первая направляется в сторону раздевалки, и я облегчённо вздыхаю, следуя за подругой.

— Устала до чёртиков.

Нина — теннисистка в третьем поколении. Её мать и бабушка участвовали в соревнованиях и занимали первые места, они популярны, богаты и помешаны на спорте, но я

дружу с ней не потому что вокруг неё крутится куча парней, фанатов и прочих ненормальных. Мы с ней похожи. Она ненавидит спорт, а теннис особенно, так же как я терпеть не могу музыку, но в отличие от меня, Нина не может признаться в этом своим родителям. Она боится подвести их, боится опозорить семью. Она вообще трусишка, хотя со стороны и не скажешь.

— И я. В последнее время жутко устаю, сегодня вообще заснула после утренней пробежки, — жалуюсь я.

— Это же хорошо, — Нина поправляет съехавший хвост, и теперь её рыжие волосы выглядят ещё небрежнее, чем раньше. — Твоя бессонница отступает, выспишься хотя бы.

— Не думаю, что это хорошо, — я захожу в раздевалку — дверь скрипит, но я уже давно перестала обращать на это внимание. — Мне это не нравится.

Подруга заходит следом и прикрывает дверь. Я вижу, как Нина закатывает глаза.

— Тебе всегда не нравится, когда что-то идёт не по плану, — она стягивает блузку и бросает её на лавку, затем принимается за юбку. — Помнишь, что говорит по этому поводу Мил?

— Если что-то идёт не по плану, на то воля Императора! — хором пародируем мы свою подругу, а потом начинаем смеяться.

— Её, кстати, сегодня не было в школе, — замечаю я.

Нина пожимает плечом, роюсь в своём рюкзаке.

— Наверное, опять со своими дружками-задротами ищет еретиков.

Я фыркаю, немного улыбаясь. Мил ещё одна моя подруга, мы ходим с ней на одни и те же занятия, в отличие от Нины: та выбрала совершенно другое направление в учёбе, к тому же благодаря её спортивному таланту ей постоянно спускают с рук прогулы. Мил же тихая и странная. Любит компьютерные игры и фанатеет от вселенной Warhammer. На эту тему она может говорить бесконечно, но единственное, что я понимаю из её болтовни: модифицированные люди сражаются против своих братьев, погрязших в ереси. Они отошли от Императора, стали демонами или что-то вроде того и теперь пытаются захватить вселенную и свергнуть своего отца-Императора. Сама Мил на стороне Империи и якобы борется против «еретиков». Хаос. Красивое и будоражащее слово.

Мил где-то в сети откопала ещё троих фанатов этой вселенной и теперь они все «Во имя Императора» пытаются искоренить фанатов Хаоса.

Я даже не хочу знать, каким образом это всё происходит. Я не фанат компьютерных игр и прочей ерунды, мне ноутбук нужен только для музыки, учёбы и фильмов.

Я стягиваю с себя мокрую от пота футболку и спортивные шорты. Липкая кожа неприятно пощипывает, и дикое желание отправиться в душ сводит с ума.

— В душ идёшь? — спрашиваю я.

— Не, — Нина как раз в этот момент достаёт дезодорант и пшикает на себя. — Лень. Дома приму ванну. Лови.

Она бросает мне флакон, и я неумело подхватываю его, прежде чем тот окажется на полу. Что ж, сегодня мне придётся остаться без школьного душа, потому что Нина явно не собирается ждать меня.

Я вздыхаю и пытаюсь избавиться от неприятного запаха, после чего ставлю дезодорант на скамейку и потягиваюсь. Тело ломит после пробежки, мышцы неприятно стонут от движений. Мы быстро надеваем школьную форму и собираем вещи.

Я смотрю на Нину — верхние пуговицы её рубашки расстегнуты, юбка укорочена, выше

колен, галстук расслаблен. Подруга выглядит небрежно, но круто, в отличие от меня. Я выгляжу со стороны как прилежная девочка-ботаник.

Схватив сумки, мы выходим из раздевалки и бредём к выходу из школы, чтобы оставить этот ад позади. Когда мы проходим мимо музыкального класса, я вижу, что дверь распахнута. Не сдержав своего любопытства, я заглядываю внутрь, но там никого нет. Крышка пианино закрыта, словно бы никто сегодня даже не прикасался к чёрно-белым клавишам.

Syd Matters — To All Of You

— Тебе Трис не звонила?

Мы выходим из школы, когда Нина решает начать не особо приятный разговор.

Я поджимаю губы и пару секунд молчу.

— Нет. К счастью. А что?

Нина вздыхает и поправляет на запястье браслет, словно это наручники, натирающие кожу, — я смотрю на её профиль, скольжу взглядом по веснушкам и незаметному шраму на нижней губе. Подруга рассказывала, что этот шрам оставила ей когда-то Трис. Они подрались из-за парня.

— Да названивает мне в последнее время постоянно, — Нина немного раздражена. — Всё пытается узнать на счёт общественных работ перед каникулами.

— Кто бы сомневался, — тяну я.

Трис — третья моя подруга. Признаться, я к ней особой симпатии не испытываю. Она жуткая стерва, думающая, что мир крутится вокруг неё. Популярная, красивая и чертовски эгоистичная.

Итак, нас четверо. Эмма, Нина, Мил и Трис.

Когда я пришла в эту школу, Трис и Нина уже дружили. Они были лучшими подругами с самого детства, постоянно проводили время вместе, развлекались, ходили по вечеринкам, в общем, были не разлей вода. Потом они познакомились со мной, и нас стало трое. Через год к нам присоединилась Мил. Наш квартет дружно просуществовал примерно полтора года, после чего всё медленно и бесповоротно начало меняться. Я не знаю причины. Я еёпустила.

Нас было четверо, четверо и осталось. Как привычка, от которой трудно избавиться. Вот только собираемся мы реже и больше не веселимся все вместе. Трис и Нина теперь не лучшие друзья детства. Они общаются, но между ними плотно натянутая струна, готовая разорваться в любую секунда.

И вообще у меня такое чувство, что каждый из нас ведёт свою собственную жизнь, что мы больше не вместе, что доверие между нами постепенно испаряется и исчезает в прошлом.

Мил полностью погрузилась в свои игровые миры, постоянно проводит время со своими приятелями-задротами.

Нина тренируется, посещает теннисные турниры, ходит на светские вечера, чтобы заводить новые «полезные» знакомства, как всегда говорит её мать. Она полностью погружена в свою бесконечную «золотую» жизнь, от которой её уже тошнит.

Трис нашла себе шестерок, следующих за ней по пятам и соглашающихся со всеми капризами брюнетки, когда этого требует момент. Она постоянно пропадает на вечеринках,

которые сама же и устраивает, тусуется с крутыми ребятами, делает всё, чтобы выглядеть в этой школе самой красивой и популярной.

И я. Девочка, которая каждую свободную секунду бегаёт и которая сама не знает, зачем всё это. В моей жизни всё скучно и однообразно. Я просыпаюсь утром, ухожу на пробежку, иду в школу, после снова бегаю, а дома меня ждут школьные задания и, возможно, парочка серий нового сериала. Не считая моментов, когда я общаюсь с подругами, я всё время практически провожу одна. И это меня немного расстраивает. Даже у Мил есть приятели, а у меня кроме Нины, Трис и Мил нет никого.

Иногда я думаю, что если они исчезнут из моей жизни, то у меня больше не останется друзей. А нужны ли они мне вообще?

— А ты? — я смотрю на Нину. — Выбрала уже, где будешь отрабатывать всё это дерьмо?

Она смеётся, и это заставляет меня улыбнуться.

— Я проведу два дня в детской больнице, — рыжая разводит руками. — Мама говорит, что такая благотворительность поможет моей карьере. Репутация и всё такое.

Девушка замолкает.

Мы выходим за территорию школы и медленно плетёмся по тротуару. Я засматриваюсь на велосипедиста, пересекающего дорогу, и неожиданно вспоминаю брата. Он тоже любил кататься в свободное время — его горный велосипед до сих пор пылится в гараже.

— Мил вроде решила газеты разносить, — говорю я. — Её приятели будут ей помогать.

— Это лучше, чем сидеть с больными детьми и улыбаться фотографам, — язвит Нина. — Я уж точно не смогу им ничем помочь, если только мама не поднимет им настроения дорогими подарками. Меня уже тошнит от её «благотворительности», — рыжая делает кавычки в воздухе, и я немного улыбаюсь.

В этом вся Нина. Она ненавидит фальшь, но при этом постоянно находится в центре неё. Мне её даже жаль. Идти наперекор родителям — это практически всегда лишаться их.

Я вспоминаю свою маму, и мне становится грустно.

— А ты?

Девушка смотрит на меня, и я неуверенно пожимаю плечом.

— Я записалась на работы в скаутском лагере. Буду две недели жить в лесу и бегать от гриззли.

— Серьёзно? — Нина резко останавливается, и мне приходится затормозить. — Это же чертовски далеко! — она мгновение обиженно молчит, словно я бросаю её в самый важный момент её жизни, а потом идёт дальше. — И две недели — это как-то слишком.

— Я просто хочу уехать отсюда, — признаюсь я, смотря себе под ноги. — Папа возвращается только в августе. Я не выдержу каникулы наедине с матерью.

Я замолкаю, чтобы дать Нине время подумать.

— Уеду в середине июля, так что у меня есть ещё месяц, чтобы передумать, — улыбка трогает мои губы, но я замечаю, что Нине всё равно не по душе такая затея. Не понимаю, почему.

— Но ты не передумаешь, — как-то с упрёком говорит подруга.

— Я же не уезжаю навсегда! Всего две недели!

Девушка ничего не отвечает, и я почему-то чувствую себя виноватой. Почему она так расстроилась? У нас же не было никаких планов на это лето, да и Нина как обычно провела его в лагере для теннисистов. Тренировки и ещё раз тренировки. Да и вообще могу я хоть раз

в жизни сделать так, как хочу я?

Только вот почему-то когда я так делаю, все постоянно упрекают меня.

— Ладно, извини, — наконец, сдаётся подруга. Она толкает меня плечом и улыбается. — Просто ты ничего не говорила про это, а тут вдруг я узнаю, что ты уезжаешь куда-то в другой штат в лагерь скаутов. Могла бы сказать, о своих намерениях.

Мы останавливаемся у светофора, чтобы перейти дорогу, и едкое желание сказать, что я ничего никому не должна, начинает поедать меня изнутри, но я молчу.

— Я только вчера записалась. Не хотела, чтобы кто-то заставил меня передумать, — пожимаю плечом. — Даже мама не знает пока.

Я переступаю с ноги на ногу и незаметно вздрагиваю, когда мимо неожиданно проезжает автомобиль. Кто-то кричит где-то на заднем плане, а потом смеётся. На другой стороне улицы напротив нас в ожидание зелёного светофора стоит парочка и держится за руки. Я отвожу от них взгляд.

— Ладно-ладно, — сдаётся Нина. — Прости.

— Ничего.

Загорается зелёный, и я делаю шаг вперёд, чтобы перейти дорогу, но меня кто-то хватает за локоть, заставляя остановиться, — буквально через секунду передо мной пронесётся мотоцикл, заставляя моё сердце сжаться. Ещё бы секунда, и я могла оказаться прямо под колёсами.

Цепкие холодные пальцы отпускают меня, и я оборачиваюсь. Слева от меня чуть позади стоит парень, и я на мгновение думаю, что это Рори, мой старший брат, погибший в горячей точке, но потом я присматриваюсь и понимаю, что нет. Это не он. Незнакомец в чёрной кепке и с огромными затемнёнными очками. Я не могу разглядеть его лицо, но вижу вылезавший из-под ворота футболки шрам от ожога.

— Спасибо, — сдавленно мычу я.

Парень ничего не отвечает и, кивнув, проходит мимо, чтобы перейти на другую сторону улицы. В это же мгновение Нина хватает меня под локоть и силком тащит в ту же сторону. Мне кажется, что она даже не заметила, что пару секунд назад меня только что спасли от смерти.

Ruelle — Bad Dream

У меня странная привычка грустить в одиночестве: отчаяние сжимает меня в свои тиски каждый раз, когда я остаюсь одна или же когда на меня никто не смотрит, увлекаясь посторонними разговорами и оставляя меня в покое. Каждый раз я чувствую себя потерянной, расстроенной и грустной, словно падая в бездну пустоты всякий момент, как только выбираюсь из внимания людей. Я словно цепляюсь за них, чтобы не рухнуть в темноту, но всё равно мои пальцы постоянно соскальзывают и предают меня.

И вот сейчас, находясь в пустом доме, я сижу на кровати в своей комнате с учебником биологии в руках и пытаюсь прочитать материал, заданный учителем Филлесом, но мысли путаются, в груди разрастается неприятное тошное чувство тоски, и я никак не могу сосредоточиться. Я читаю одно и тоже предложение уже пятый раз.

Глубоко вздохнув, я захопываю книгу и откладываю в сторону, пряча лицо в ладонях и надавливая на глаза с такой силой, что появляются белые круги. Я обнимаю колени и замираю — тревожность только увеличивается, и я никак не могу избавиться от неё.

Я вспоминаю парня, который спас меня, и снова думаю о Рори. Его комната находится прямо у меня за спиной, нас разделяет всего одна стена. Комната заперта с тех пор, как брат погиб, и мама так ни разу и не заходила туда. Признаться, вообще никто там не был, даже я. Иногда мне кажется, что Рори сейчас внутри, лежит на своей кровати, подбрасывает бейсбольный мяч вверх, слушает музыку в наушниках и ждёт, когда же мы отопрём дверь и выпустим его, словно он наказан. Иногда мне хочется пойти к нему в комнату и убедиться в этом, но я знаю, что, во-первых, мать начнёт орать на меня, а, во-вторых, там никого нет. Это просто моё воображение. Мысли, которые сводят меня с ума.

Я снова глубоко вздыхаю, поддвигаю открытый ноутбук поближе и переключаю грустную приевшуюся песню в плейлисте, но это не помогает избавиться от тоски.

Единственный способ — это пробежка. Поэтому я и выматываю себя каждый день, чтобы не оставалось сил ни на какие страдания.

Мать ещё на работе. Или, возможно, снова отправилась гулять со своими подругами. Если бы отец был дома, мы бы с ним поехали за город и постреляли бы по банкам. Я люблю оружия, но терпеть не могу войну. Стрелять в банки — это не то же самое, что стрелять в людей.

Однако с момента смерти Рори я так ни разу и не брала в руки папин пистолет.

Звонок в скайпе вырывает меня из пучины воспоминаний, и я не сразу понимаю, кто хочет поговорить со мной. Несколько секунд я вглядываюсь в настойчивое окно вызова — мне не нравится звук в скайпе, потому что из-за него всегда хочется отклонить вызов и ни с кем не разговаривать. Как и сейчас.

Но я этого не делаю, потому что мне звонит Нина.

— Чего так долго? — рыжая появляется на моём мониторе, и я невольно улыбаюсь, забывая о плохом настроении.

— Сорри.

Девушка в домашней футболке с неровным пучком на голове — она лежит на кровати и

подпирает голову рукой. Сбоку я вижу телефон и какие-то фантики от конфет. Я сажусь в позе лотоса, настраивая экран, чтобы меня было лучше видно.

— Сейчас Мил присоединится, — говорит Нина.

— Угу.

— Чем занимаешься?

Я беру книгу по биологии и показываю подруге — она морщится, словно это что-то мерзкое и неприятное.

— А ты? — бросаю учебник в сторону.

— Уж точно не уроками, — Нина смеётся, смахивая в сторону фантики, чтобы я их не видела. Я знаю, как её мама тщательно следит за диетой дочери, и лишние сладости явно не входят в дневной рацион. — С Шоном болтала. Хочет, чтобы я поехала с ним в горы на все каникулы, но мать, естественно, меня никуда не отпустит.

Шон — это парень Нины. Они вместе уже почти год, у них любовь и всё такое, но мне почему-то кажется, что подруга начала с ним встречаться только из-за того, что Шон и Трис терпеть друг друга не могут.

— Может, отпустит, ты же не спрашивала, — шучу я.

— Пф-ф, — Нине приходит сообщение на телефон, и девушка на несколько секунд отвлекается. Затем снова смотрит на меня. — Этим летом будут очередные турниры, где я, конечно же, должна буду занять первое место. Затем светские вечеринки, ужины и встречи, чтобы покрасоваться перед фотографами, попасть в какой-нибудь журнал, познакомиться с кем-то и бла, бла, бла, — Нина замолкает. — Лучше бы я поехала в горы.

— Ты же ненавидишь снег, — замечаю я.

— Это лучше, чем всё вот это вот, — она показывает рукой то ли на свою комнату, то ли на свою жизнь. — Ты хотя бы в лагерь сваливаешь. Завидую.

— Что за лагерь, почему я об этом ничего не знаю? — голос Мил заставляет меня вздрогнуть — я и не заметила, как подруга подключилась к нам.

Теперь у меня на экране два окошка. Слева Нина. Справа Мил.

У Мил чёрные короткие волосы, голубые глаза, до жути белая кожа, родинка на правой щеке, брови немного неопрятные, но почти незаметные, широкие скулы, острый маленький нос, татуировка на шее в виде небольшой змеи и кольца в левом ухе. На ней синяя футболка, подчёркивающая её большую грудь, и аквила (подвеска в виде двуглавого орла, символ её веры в Империум и в Императора).

— Я...

Нина перебивает меня:

— Она собирается свалить на две недели в скаутский лагерь вместо общественных работ, — жалуется рыжая. — Представляешь? И ничего об этом не сказала!

Мил секунду молчит, словно думая, но, скорее всего, она просто чем-то занимается за компьютером и почти не обращает на нас внимания.

— Я бы тоже не сказала, — сосредоточенно тянет девушка. — Когда что-то кому-то рассказываешь, планы вечно рушатся. Тем более кто-нибудь да и попытался бы её отговорить. Хочет, пусть едет, тебе то что? — она обращается к Нине.

Та обиженно фыркает, кажется, она надеялась, что Мил окажется на её стороне. Я улыбаюсь. Хоть кто-то такого же мнения, как и я.

— И что там нужно делать? — медленно бормочет девушка. — В лагере?

Я пожимаю плечом.

— Не знаю. Наверное, буду вожатой, следить за детьми, за лагерем и всё такое, — я сворачиваю скайп, и окошки с изображением моих подруг уменьшаются, смещаясь в угол экрана.

— Но ты же не скаут, — усмехается Мил.

— Зато хорошо стреляю, — шучу я, думая о том, что уже давно не практиковалась.

Нина всё ещё обижается, утыкаясь в телефон. Наверное, переписывается с Шоном и жалуется ему на нас, но мне всё равно.

— А что скажет... Да твою мать! — почти орёт Мил. — Чёртовы Эльдары.

Она цокает и поджимает губы, затем откидывается на спинку стула и, кажется, сворачивает игру.

— Опять в свой Вархаммер играешь? — улыбаюсь я.

— Ага. Так, — девушка отрывается от своего увлечения и теперь полностью посвящает себя нам. — Что скажет твоя мама на то, что ты собираешься в лагерь?

Я какое-то время молчу. Нина всё ещё зависает в телефоне, а Мил терпеливо дожидается ответа. Я снова разворачиваю скайп на весь экран — вижу за спиной девушки на стене плакат с космодесантниками и заглядываюсь на их голубую мощную броню и болтеры (оружия). Кажется, это отряд Ультрамаринов, Мил как-то рассказывала про них.

— Да всё равно, — безразлично бросаю я. — Я без вариантов поеду туда. Тем более, что папа не против. Он сказал, что это пойдёт мне на пользу, — я приободряюсь, вспоминая недавний разговор по скайпу с отцом. — Природа и всё такое. Как раз вернусь к его приезду.

— Это здорово, — Мил улыбается.

Мне сразу становится хорошо, и я забываю о неприятном чувстве в груди. Иногда мне кажется, что только Мил меня по-настоящему понимает — никаких претензий, обид и упрёков, как это обычно делает Нина.

— Чёрт, Трис... — бормочет Мил. — Я подключу её.

— Не надо! — почти хором кричим мы с Ниной — та даже отрывается от телефона. — Не подключай!

— Поздно...

Мы замолкаем, наблюдая за тем, как к нашему диалогу присоединяется ещё один пользователь. Повисает тишина и напряжение, и мне вдруг на мгновение становится жаль Трис. Если бы я оказалась на её месте, мне было бы обидно. Она же прекрасно знает, что мы её недолюбливаем, но даже не обращает на это внимания. Или, может быть, она действительно такая глупая, что не замечает негатива с нашей стороны.

— Привет, сучки.

Голос Трис немного манерный, хотя в тот момент, когда мы с ней познакомились, он был совсем другим. Я не помню, когда подруга стала такой стервой, а самое главное, почему.

— Привет, — Мил первая нарушает тишину.

— Привет, — говорю я.

Нина игнорирует всех, снова утыкаясь в телефон, но Трис даже не обращает на неё внимания.

У неё распущенные каштановые волосы, карие глаза, всегда идеальный макияж, даже когда она сидит дома и никуда не выходит (хотя такие моменты бывают очень редко, потому что девушка вечно чем-то занята), обтягивающая красивая майка и множество аксессуаров: серьги, браслеты, подвески. Трис всегда выглядит так, словно собирается на вечеринку,

будто она сама вечеринка.

— У меня к вам гениальное предложение, — девушка улыбается. — Почему бы нам не собраться вчетвером перед каникулами и не повеселиться? Мы так давно не тусили все вместе, что я даже забыла, каково это.

Я молчу. Нина что-то бормочет на подобие «чёрта с два», продолжая рыться в телефоне. Мил словно надеется, что кто-то возьмёт ответственность на себя. Тишина напрягает.

— Ну, не знаю, — тяну я. — У тебя есть какие-то конкретные предложения?

Нина вскидывает голову и смотрит на монитор так, словно в любую секунду готова вцепиться в мои волосы и расцарапать лицо.

— Если это очередная твоя вечеринка, то я пас, — говорит рыжая.

Трис закатывает глаза.

— Согласна с Ниной, — решаю поддержать подругу. — Не люблю вечеринки, ты же знаешь.

— Это не вечеринка! — обижается Трис, немного надувая губы. — Просто встретимся как раньше, погуляем, поболтаем по душам.

Я скептически вскидываю бровь, совершенно не представляя, каким образом я буду разговаривать с Трис о своих проблемах. Да об этом тогда потом весь город узнает! У Трис язык без костей.

— У меня на носу игра, так что я вряд ли смогу, — Мил отказывается первая. — Мы сваливаем на несколько дней на тематическую встречу.

— Под «мы» ты имеешь в виду своих ботаников приятелей? — Трис, кажется, не обижается.

— Да, — а вот Мил это задевает, но она упорно старается не подать виду.

Я тщательно пытаюсь тоже придумать какое-нибудь оправдание, чтобы избежать подобной встречи. Нет никакого желания вообще с кем-то собираться и что-то делать.

— У меня турниры, мать не отпустит, — Нина безразлично утыкается в телефон.

Повисает тишина — я стараюсь не думать о том, что все ждут моего ответа, точнее, ждут, что я откажусь. А мне сложно сказать «нет», не люблю обижать людей. И ненавижу себя за это. Но выбора нет.

— У меня сейчас не лучшее время, чтобы веселиться, — признаюсь я. — Может быть, в августе? Когда я вернусь с лагеря.

Трис тут же цепляется за новость и моментально забывает про планы собраться вчетвером как в старые времена и затусить. На это я и рассчитывала.

— Лагерь? Что за лагерь? — её накрывает любопытство, и я понимаю, что если ничего не расскажу ей, то она замучает меня своими звонками и смс.

Подруги делают вид, что не при чём. Конечно, я сама нарвалась.

— Я еду в скаутский лагерь вместо общественных работ, — говорю я. — Ничего такого.

— Скаутский лагерь? — Трис скептически хмурится. Такая тема явно не для неё. — Как тебе вообще пришла в голову эта идея?

Я пожимаю плечом.

— Я просто попросила учителя подобрать мне что-нибудь, чтобы можно было уехать отсюда на пару недель. Он предложил мне скаутский лагерь, — я меняю положения на диване и выпрямляю ноги, которые уже начинают затекать. — Хочу сменить обстановку.

Трис несколько секунд молчит.

— Вот поэтому я и предложила вам встретиться, мы совсем перестали общаться, — на

мгновение мне кажется, что та прежняя Трис, с которой я познакомилась несколько лет назад, снова вернулась к нам, но потом секундный проблеск слабости исчез за её обычным манерным высокомерием. — Ладно, мне пора. В пятницу мы устраиваем вечеринку у Джо, так что, если надумаете, приходите.

— Ага, — бросает Мил.

Трис отключается.

— Стерва, — Нина недовольно морщится, словно съела кислый лимон.

Мы все молчим.

— Я тоже сваливаю, — Мил роется в ящике стола. — Мои задроты-приятели приехали, — передразнивает она Трис.

— Давай, пока, — говорю я.

Мы остаёмся с Ниной наедине, и нас снова окутывает молчание. Я не знаю, что сказать, да и, признаться, даже не хочу. Подруга откладывает телефон в сторону и переворачивается на другой бок. Мне кажется, она думает о Трис.

— Я, пожалуй, тоже пойду, — говорю я. — Надо готовиться к экзаменам.

— Да, экзамены, всё-такое, — тянет она. — Пока, Эмма.

Я немного улыбаюсь и отключаю звонок. Вот и всё. Пора снова брать в руки биологию и читать. Пусть на это совершенно нет никакого настроения.

Рем Дигга — На Юг

— У меня проблемы, — это первое, что говорит мне Нина, вбегая в школьную раздевалку перед очередной тренировкой.

Я озадаченно скидываю голову, отрываясь от завязывания шнурков, и непонимающе провожаю взглядом свою подругу, которая подлетает к своей спортивной сумке и начинает судорожно запихивать в неё вещи.

— Что случилось-то? — я тереблю в руке резинку для волос.

Девушка на секунду останавливается, переводя дыхание, затем оборачивается ко мне и напряжённо говорит:

— Шон в больнице.

Я скидываю брови, поднимаясь на ноги. Я не умею утешать людей и подбирать нужные слова, поэтому растерянно переступаю с ноги на ногу. Если Нина так взволнована, то случилось что-то серьёзное.

— Не справился с управлением, — девушка отворачивается, запуская руку в волосы и убирая их назад.

Она медлит, наверное, думая о том, что же ей сейчас делать. У неё теннисная тренировка, и если Нина по какой-то причине пропустит её, то вечером будет долгий и неприятный скандал с матерью. Я это знаю, и подруга тоже.

— Не знаю подробностей, но он вылетел на встречу и врезался лоб в лоб с

легковушкой, — рыжая стоит ко мне спиной, и я вижу, как подрагивают её плечи. — Он в реанимации. Я должна поехать к нему...

Она, словно убедив саму себя в правильности своих действий, застёгивает сумку, продолжая собираться.

— Хочешь, я поеду с тобой? — предлагаю я.

— Нет! — Нина поворачивается ко мне и быстро сокращает дистанцию. Она хватается за плечи, словно я должна спасти её жизнь. — Эмма, — её голос решительный, но в тёмных болотных глазах я вижу панику. — У меня будут проблемы, если я пропущу тренировку, — её пальцы холодные, и я вздрагиваю из-за мурашек, скользнувших по моему телу. — Прикрой меня. Просто скажи ей, что мне стало плохо, и я поехала домой. Заболела или ещё что. Придумаешь, — она замолкает и отводит взгляд в сторону. — Я должна поехать к Шону...

Её голос становится тише, и меня вдруг охватывает неприятная тоска. Я вспоминаю Рори, я думаю о дне, когда узнала, что брата больше нет, и мне становится невероятно больно. Я знаю, что если Шон не выкарабкается, то Нина окажется на моём месте.

— Всё будет хорошо, — я неожиданно для себя подаюсь вперёд и обнимаю подругу. — Я прикрою тебя. Не волнуйся.

Нина обнимает меня в ответ, утыкаясь в мои волосы — девушка выше меня и крепче телосложением, но в этот момент она кажется мне такой хрупкой и беззащитной, словно ваза.

— Иди, — я отпускаю её. — Позвони мне, как узнаешь подробности.

— Хорошо, — Нина отстраняется и быстро оказывается рядом со своей сумкой. Она даже не переодевается, оставаясь в костюме теннисистки. — Люблю тебя!

Рыжая бросает на меня последний взгляд и выбегает в коридор. Я остаюсь в одиночестве, пытаюсь осмыслить, что вообще происходит. Шон неплохой парень, отличный водитель и не пьёт за рулём. Да что уж там, он практически вообще не пьёт! У него не было ни одного штрафа после получения прав, а полтора года — это не так мало для водителя. Что же тогда случилось?

Я трясую головой и завязываю волосы в хвост. Нужно пойти к тренеру Нины и объяснить ей, почему моей подруги не будет сегодня на тренировке, а потом я отправляюсь на футбольное поле и немного побегаю.

Я шумно вздыхаю, хлопаю себя по щекам, чтобы взбодриться, и решительно направляюсь в тренерскую. Женщина, с которой занимается Нина, строгая и до жути праведная. Я с ней не знакома, но по рассказам подруги, с её тренером лучше не шутить. К тренировкам она относится предельно чётко и качественно.

Я останавливаюсь перед распахнутой дверью кабинета и собираюсь с мыслями. Надеюсь, я буду выглядеть предельно убедительной, и у Нины потом не будет проблем из-за меня.

Я прикусываю губу, поправляю волосы и только через несколько секунд решительно захожу в тренерскую. Сердце взрывается адреналином, когда я вижу женщину в спортивном обтягивающем костюме с тугим чёрным пучком на голове. Она просматривает бумаги, очевидно, готовясь к тренировке с моей подругой, но сегодня ей придётся с этим повременить.

— Добрый день! — мой голос на удивление громок, и я даже сама пугаюсь.

Я не знаю, как зовут эту женщину, а если когда-то и слышала её имя, то сейчас вряд ли

ВСПОМНЮ.

— Здравствуй, — она выжидающе смотрит на меня.

Я вздыхаю и подхожу ближе к столу, за которым сидит инструктор по теннису.

— Я на счёт Нины, — осторожно говорю я, замечая, как бровь женщины изящно поднимается. — Ей стало плохо, и она поехала домой. Что-то с желудком, кажется. Наверное, съела что-нибудь не то, — я осекаюсь. — Она просила, чтобы я передала Вам, что она не сможет прийти сегодня на тренировку.

Женщина внимательно вглядывается в меня, словно вот-вот поймёт, что я лукавлю, — я не отвожу взгляда в сторону.

— А почему она сама не позвонила? — интересуется женщина.

— Я не знаю, — я пожимаю плечом. — Я всё равно здесь на пробежку остаюсь, так что мне не трудно было заскочить.

Я легко улыбаюсь.

— Ну, я пойду?

— Ага. Спасибо, что зашла, — женщина кивает, бросая на меня последний взгляд.

Я облизываю губы и разворачиваюсь, чтобы уйти, но меня останавливают.

— Постой, — я замираю, пугаясь, что тренер всё-таки догадалась о том, что я соврала. — Эмма, верно? — я оборачиваюсь.

— Да.

— Это ведь ты каждый день бегаешь после уроков по стадиону? — она теребит в руке ручку.

Я неуверенно переступаю с ноги на ногу, не понимая, при чём тут вообще мои пробежки и откуда ей известно моё имя.

— Ну, да. Есть такое.

Я озадаченно смотрю на женщину, которая изучающе разглядывает меня. Мне становится неловко, и я заламываю руки за спину.

— Я со следующего учебного года набираю новеньких в команду по бегу. Если хочешь, я могу тебя записать. Я давно заметила, что ты бегаешь каждый день после уроков, — тренер улыбается.

Я вскидываю брови и ошарашенно осматриваюсь. Даже подумать не могла, что мне предложат вступить в школьную команду по бегу. Я, конечно, знала, что у нас есть ребята, которые выезжают на соревнования и тренируются периодически на поле в учебное время, но у меня никогда не возникали мысли, чтобы присоединиться к ним. Ведь я бегаю потому что мне это нравится, а не для каких-то там соревнований.

— Я не знаю, — я пожимаю плечом. — Как-то не думала даже...

— Ну, вот. Подумай, — она продолжает улыбаться. — После каникул будет объявлен набор новеньких, так что, если загорись желанием, я с радостью тебя возьму.

Я неловко улыбаюсь.

— Я подумаю, — киваю я. — Спасибо за предложение.

Поняв, что разговор окончен, я разворачиваюсь и оказываюсь в коридоре, всё ещё не веря в то, что меня вот так просто позвали в команду по бегу. Это как-то странно. Не знаю. Это...

Я улыбаюсь, совсем забывая о Нине, и направляюсь в сторону школьного стадиона.

Команда по регби как обычно бегают по полю под яростные крики тренера. Они выполняют упражнения, отрабатывают приёмы и броски, а под конец тренировки играют

друг против друга. Свист и громкие крики тренера эхом разлетаются по пространству, когда я покидаю здание и оказываюсь на беговой дорожке. Размявшись, я поправляю шорты с майкой и бегу. Несколько девчонок сидят на трибунах и наблюдают за тренировкой «Викингов», недалеко команда поддержки отрабатывают движения. Я вспоминаю, что через неделю у них последняя игра в этом сезоне. В следующем году старшеклассники покинут команду, и, как это всегда бывает, будет объявлен набор новеньких.

Я пробегаю мимо девчонок в коротких юбках, которые красуются перед парнями, и, наконец, завершаю первый круг. 250 метров. Обычно меня хватает на 10–15 кругов, а если я хочу вымотать себя полностью, то пробегаю все 20. Сегодня я не знаю, на сколько меня хватит, потому что мысли о Нине и новость о неожиданном предложении вступить в команду по бегу крутятся у меня в голове и сводят с ума.

Парни в массивной форме бросают друг другу мяч и отрабатывают силовые приёмы. Они как животные сбивают друг друга с ног и совершенно не думают о том, что могут покалечить кого-нибудь. Не особо люблю такой спорт, однако на играх «Викингов» я частенько бываю.

Их капитан, Майкл Филлинс, настоящий красавчик! По нему сохнут все девчонки нашей школы, да и не только. Я часто вижу, как на тренировку приходят девушки из соседних школ, чтобы полюбоваться им. А мне, если честно, всё равно. Да, я считаю его симпатичным, но желания познакомиться с ним поближе он не вызывает. Это всё равно что увидеть красивого актёра в фильме, он тебе понравится, но ты понимаешь, что в реальности у вас с ним ничего не получится. Так же и здесь. Майкл живёт своей жизнью, а я своей. И я не собираюсь делать так, чтобы они пересекались.

Да и вообще я не уверена, что мне всё это надо. Парни, отношения... У меня в жизни и без этого Санта-Барбара. Даже если бы я захотела с кем-то начать встречаться, то это был бы уж точно не Майкл Филлинс. А вот защитник под номер «9», Оливер Андерс, вполне мог бы привлечь моё внимание, если бы он не увлекался регби. Я как-то видела его в школьном коридоре, он стоял возле окна и читал Стивена Кинга. Я тогда ещё удивилась, спортсмен, да ещё и читает книжки. Как-то странно.

И вообще, почему я думаю о парнях?

Я не замечаю, как у меня за спиной замыкается девятый круг. Дыхание давно сбивается, а лёгкие начинают гореть, но я не останавливаюсь. Ещё как минимум парочка кругов, и тогда я могу подумать над тем, чтобы пойти домой. Главное, не останавливаться, иначе, если я приторможу, чтобы передохнуть, бежать дальше я уже не смогу. Точнее, не захочу. Один раз остановился, и всё. Конец.

Хочется пить. Я замечаю столик недалеко от тренера, на котором стоят банки с водой, и кривлюсь. Если стащу хотя бы одну, то меня мистер Диги сожрёт с потрохами. «Это же для кома-а-анды».

Я думаю о Нине. Как она там? Всё ли в порядке с Шоном? Надо будет позвонить ей после пробежки.

— Осторожно! — я слышу крик и невольно оборачиваюсь.

Я замечаю, как в мою сторону летит мяч. Голова пульсирует из-за бега, и я понимаю, что у меня два выхода. Либо уклониться, либо поймать его — он летит прямо в меня, и я даже не думаю — легко притормозив, я скольжу по земле и, прикинув траекторию полёта, останавливаюсь прямо в тот момент, когда мяч с силой вонзается мне грудь и оказывается в моих руках. Я морщусь от неприятной боли, всё-таки подача была сильная, но единственное,

что меня сейчас расстраивает: я остановилась. Надо было просто уклониться и продолжить бежать дальше.

Я прижимаю мяч к боку и смотрю на номер «1», который трусцой бежит в мою сторону. Капитан. Майкл Филлинс. Парень на ходу снимает шлем, и его взмокшие тёмно-коричневые, почти чёрные волосы превращаются в ёжик. Лицо капитана покрасневшее и потное — я впервые вижу этого парня настолько близко, и тем более, я первый раз в жизни контактирую с ним.

Пока Майкл приближается, я различаю шрамы под его губой, очевидно, после пирсинга. У него небольшая щетина и карие тёмные глаза. Он выше меня почти на голову, и на его фоне я выгляжу хрупкой и потерянной.

— Отлично поймала! — он улыбается, останавливаясь рядом со мной.

— Спасибо, — я бросаю ему мяч, который парень ловко ловит.

Я уже собираюсь попытаться снова возобновить пробежку, но Майкл говорит:

— Я часто тебя вижу здесь, — он запыхается.

Я осматриваю поле и замечаю, что остальные парни из команды наблюдают за нами.

— Да, — я перевожу дыхание. — Я каждый день здесь бегаю.

— Не видел тебя в команде по бегу, — Филлинс переступает с ноги на ногу.

Я прикрываю глаза и упираюсь рукой в бок, который начинает неожиданно покалывать.

— Я не в команде по бегу, — я вспоминаю о сегодняшнем предложении вступить в этот клуб, но не говорю об этом. — Я просто бегаю. Нравится мне это.

— Сегодня круг не дотянула, — он усмехается, намекая, что я пробежала всего девять кругов. Я скидываю брови. Он что считал? Или просто так ляпнул? — Я Майкл.

— Знаю, — я осматриваю его, думая о том, что ни за что на свете этот чувак не заставит меня вступить в его фан-клуб, а потом разворачиваюсь и перехожу на лёгкий бег.

Ноги сводит от усталости, и я понимаю, что дальше тренироваться я больше не смогу. Сегодня вообще какой-то странный день. Не мой, что ли...

Я больше не смотрю на капитана команды «Викинги», перехожу на шаг и медленно направляюсь в сторону школы. До раздевалки я дохожу быстро, а когда я прохожу мимо музыкального класса, я неожиданно понимаю, что оттуда не доносится музыка. Дверь открыта, и класс пуст. Странно. Может, я слишком рано? Или слишком поздно?

Я захожу в раздевалку и устало опускаюсь на скамейку. Нина. Надо позвонить ей.

Достаю сотовый из сумки и набираю номер подруги. Нина не отвечает. Я звоню ей ещё раз, но ничего не происходит. Ладно. Позвонит сама, наверное, просто не слышит из-за беззвучного режима. Я вздыхаю, какое-то время сижу на скамейке, а потом начинаю собираться домой. Сегодня нужно будет оповестить мать о том, что я уеду в лагерь на пару недель. Надеюсь, хотя бы с ней проблем не будет.

Lana Del Rey — Burn to die

Я возвращаюсь домой с мрачными мыслями, проверяя свой сотовый каждые пять минут, чтобы случайно ничего не пропустить звонок от Нины, но от неё нет никаких вестей. Даже сообщений. Я волнуюсь. Звонить Мил, а тем более Трис, чтобы расспросить их на эту тему, я не хочу, потому что почти уверена, что Нина ничего им не говорила. Наверное, она всё ещё в больнице. Как она там? Как там Шон?

На пороге дома я останавливаюсь и делаю ещё один звонок подруге, но у неё выключен телефон. Отлично! Я открываю дверь и захожу внутрь, с удивлением понимая, что мама дома, хотя в это время должна быть на работе. Её звонкий голос разносится по гостиной — женщина разговаривает по телефону, очевидно, с одной из своих подруг. Не люблю их, если честно. Они все зазнавшиеся идиотки, которые сплетничают за спинами друг у друга.

Наверное, это к лучшему. Чем быстрее я расскажу матери, что уезжаю в летний скаутский лагерь, тем скорее решу эту проблему. Я уже знаю её реакцию: матери будет всё равно, уеду ли я или же нет, буду ли я дома на каникулах или же отправлюсь в путешествие автостопом с друзьями-хиппи, которых у меня нет, и с тоннами травы.

Но всё же, сбрасывая кроссовки и оказываясь на пороге гостиной, я замираю и начинаю нервничать. В глубине души я надеюсь, что мама будет против. Тогда я пойму, что ей не плевать на меня и что я ей небезразлична.

Женщина сидит в кресле, перекинув ногу на ногу, и увлечённо разговаривает о каких-то поездках за город или о путёвках, я особо не вдаюсь в подробности. Она красива: так бы отозвался любой, кто бы увидел её сейчас. Изящный пучок на голове, несколько свисающих прядей, обтягивающая белая блузка, узкие джинсы и туфли на каблучке. Она больше походила на мою старшую сестру, чем на мать, и мне часто об этом говорили, но, смотря на неё, я вижу только холодную безразличную женщину. Раньше она была другой. Раньше, до смерти Рори, когда я смотрела на маму, внутри меня разливалась теплота, подобно камину в холодные зимние вечера.

— Мам, — громко говорю я, отвлекая её от разговоров.

Она переводит на меня взгляд, совершенно не удивляясь моему присутствию, и замолкает.

— Нам надо поговорить, — я прислоняюсь плечом к косяку, внимательно наблюдая за ней.

Она какое-то время смотрит на меня, затем коротко вздыхает, мол, хорошо, и просит кого-то в трубке подождать. Мама не отключает вызов — её рука с сотовым плавно опускается на колени, и меня это немного задевает. Это очевидный намёк на то, что много времени эта женщина не будет тратить на наш разговор.

— Этим летом я уезжаю в летний лагерь на две недели. Я уже подала заявку. Папа в курсе. Я вернусь к его приезду, — коротко говорю я, зная, что мать любит, когда говорят чётко и по теме.

Она секунду молчит, внимательно наблюдая за мной, и мне на мгновение кажется, что она вот-вот запретит мне ехать, но этого не происходит.

— Хорошо. Что-нибудь ещё? — она дёргает рукой, в которой держит телефон.

— Нет.

Мама отрывает от меня взгляд и возвращается к своему разговору. Я пару секунд стою на месте, ощущая невероятную пустоту и обиду в груди, а потом поджимаю губы и направляюсь на кухню. Кто бы сомневался. Всё так, как я и предполагала. Никаких возражений, никаких скандалов и пререканий. Ей всё равно. И это безразличие приносит гораздо больше боли, чем скандалы и не понимая, как это бывает у нормальных людей.

Я заглядываю в холодильник, нахожу апельсиновый сок и вкусные кексы. Прихватив это всё с собой, я поднимаюсь в свою комнату и запираюсь там. Хочется позвонить Нине и пожаловаться на безразличие матери, но я вспоминаю о несчастном случае с Шоном и передумываю. Телефон оказывается у меня в руках — я набираю номер Мил и падаю на кровать.

— Привет, будущая скаут-гёрл, — подруга отвечает быстрее, чем я думаю, и я даже теряюсь.

— Привет, — я улыбаюсь, услышав весёлые нотки в голосе Мил. — Нина тебе не звонила?

Девушка секунду не отвечает.

— Нет, — она, кажется, курит. — А что?

— Да так, — я сажусь на кровати и потираю глаза, смазывая макияж. Только потом вспоминаю о косметике и мысленно чертыхаюсь. — Она телефон отключила и трубу не берёт.

— Батарея села, — констатирует факт Мил. — Как у тебя дела с лагерем? Уже решила, что будешь брать с собой? Каблуки явно не пригодятся.

Она смеётся, и я невольно улыбаюсь.

— С мамой только что говорила на эту тему, — вздыхаю я, смотря в сторону сока, который покорно стоит на тумбочке и ждёт меня. — Оповестила её, что я уеду.

— А она что?

— Догадайся.

Я поднимаюсь на ноги и пытаюсь стянуть с себя верхнюю одежду. Мил недолго молчит, и я уже собираюсь сдаться и рассказать всё ей, но девушка меня опережает.

— Думаю, сделала вид, что ей всё равно, и отпустила тебя в самые непроходимые джунгли, переполненные змеями и ядовитыми пауками, — девушка делает жутковатый голос.

— Ага, — печально усмехаюсь я. — Сказала: «Хорошо. Что-нибудь ещё?», — передразниваю я мать.

— Ну, кто бы сомневался, — тянет Мил. — Ты расстроена?

— Немного.

Я бросаю футболку в кресло и морщусь от неприятного запаха пота, ведь в душе после пробежки я так и не была.

— Не парься, — она прокашливается. — Вот поживёте пару недель вдали друг от друга, может и проснутся в ней материнские чувства.

— Сомневаюсь. Ладно, пойду я в душ, а то от меня несёт, как от нашей команды по регби после недельной тренировки.

— Ага, — смеётся Мил. — Давай. Не хочу, чтобы моя подруга превратилась в тупого качка.

Я усмехаюсь, вспоминаю Майкла Филлинса, который подходил ко мне сегодня во время тренировки, а потом отключаю вызов. Так. Сок с любимыми кексами подождёт, а я в душ! Нужно расслабиться и подумать обо всём, что сегодня произошло.

О Нине с Шоном.

О предложении вступить в команду по бегу.

О капитане «Викингов».

О маме.

И о поездке в лагерь. До неё осталось меньше месяца, и мне нужно уже готовиться к отъезду. Не люблю всё делать в последний момент и впопыхах. Это лишние нервы и переживания.

Я потягиваюсь и выхожу из комнаты, оставляя все свои вещи на своих местах. Мама всё ещё разговаривает по телефону — я слышу её голос даже на втором этаже — но мне не интересно, что она обсуждает. Я захожу в ванную и скидываю грязную одежду, бросая её в корзину. Включаю воду и тут же забираюсь в ванную, позволяя шуму воды заглушить все посторонние звуки. Хорошо...

Мысли уходят на задний план, и я прикрываю глаза. Горячая ванна после тяжёлого дня — это лучшее, что можно придумать в этом мире. Пробыв здесь почти час, я, наконец, вылезаю из воды, обматываюсь полотенцем и возвращаюсь в комнату. Мамы больше не слышно — я думаю, что она вообще ушла из дома на встречу со своими подружками, но мне всё равно. Я прикрываю за собой дверь, подхожу к соку, открываю крышку и делаю глоток, с наслаждением прикрывая глаза. Обожаю апельсиновый сок и шоколадные кексы.

Я подхожу к кровати и хватаю пальцами сотовый, снимая блокировку и замирая. Шесть пропущенных от Нины.

Я прикусываю губу, пытаюсь унять сердце, и звоню подруге. Пока идёт гудок, я забираюсь на кровать с ногами.

— Шон в коме, — это первое, что я слышу, как только девушка поднимает трубку.

— Что? — осекаюсь я. — Я...

Я прокашливаюсь, не зная, что ответить.

— Сможешь приехать через час на наше место?

— Да, конечно.

— Жду.

Нина отключается, а я всё ещё ошарашенная сижу на кровати и не понимаю, что происходит. Шон в коме? Неужели там всё настолько серьёзно? Бедная Нина...

The Pretty Reckless — You

Наше место — это детская площадка, недалеко от школы. Раньше мы вчетвером частенько там зависали, обсуждая мальчиков и школьные сплетни, но со временем необходимость приходить туда исчезла так же постепенно, как и наш квартет. Иногда я забредаю туда, сажусь на скамейку и вспоминаю, как когда-то давно мы с девчонками смеялись под скрип старых качелей.

Пока я собираюсь и перекусываю кексами, проходит больше времени, чем я рассчитываю, поэтому на встречу я опаздываю, и даже попытка срезать путь не спасает моё положение, потому что, как только в поле моего зрения появляется детская площадка, я

вижу Нину. Она сидит на качелях: её голова опущена, волосы распущены и растрёпаны, словно девушка всю дорогу до сюда бежала, а ещё она всё в том же спортивном костюме, в котором ходит на тренировки по теннису.

Выглядит Нина одиноко.

Я подхожу ближе, садясь на соседние качели, и молчу. Раньше мы часто просто так сидели здесь, не говоря ни слова, но сейчас я не знаю, уместно ли это. Хочется обнять Нину, но я не решаюсь. Хочется спросить, что с Шоном и как она сама, но я тоже этого не делаю.

— Я бросила теннис, — наконец, бормочет рыжая после продолжительного молчания.

— Оу...

Я удивлённо смотрю на неё, не веря своим ушам. Нина бросила теннис? Это же как мир должен был перевернуться, чтобы она решилась перечить матери.

— И как... — я собираюсь спросить о реакции её родных, но осекаюсь.

Нина выглядит так, словно готова вот-вот разреветься, и моё сердце невольно сжимается. Подруга шумно вдыхает в себя воздух, откидывается назад, и теперь я могу разглядеть её лицо. У неё распухшие красные глаза — девушка плакала — и уставший потрёпанный вид. Я смотрю на её профиль и пытаюсь подобрать подходящие слова, но в моей голове кавардак.

— Как Шон? — наконец, спрашиваю я.

Её губы вздрагивают.

— Я не знаю, — она плотно сжимает челюсть, чтобы снова не расплакаться. — Я пробыла там всё время, пока он был в реанимации. Врач сказал, что у него множественные переломы, черепно-мозговая травма и что-то с органами, но пока Шон в безопасности. Если не считать, что он в коме. Третья степень. Врач сказал, есть риск, что она перейдёт в запредельную, четвёртую. Тогда его подключат к аппарату. Никто пока не знает, когда он выйдет из неё, — Нина снова судорожно вздыхает и прикрывает лицо руками, словно пряча слёзы, но её плечи не дрожат, и я не слышу всхлипов.

— Боже, — шепчу я. — А известно, — я осекаюсь. — Как всё случилось...

— Не справился с управлением, — коротко бросает рыжая. — Официальная версия. Подробностей я не знаю.

Я отворачиваюсь и прикрываю глаза рукой — передо мной встаёт образ улыбающегося Шона. Чёрные короткие волосы, карие глаза, родинки на шее, ровные красивые зубы, немного курносый нос с еле заметными веснушками. А потом я буквально вижу его на больничной койке, а рядом плачущую Нину, и мне становится дурно.

— А с теннисом что? — вздыхаю я.

Девушка пожимает плечом, смотря на свои сцепленные руки. Она прислоняется виском к качелям и недолго молчит.

— Тренер позвонила матери, чтобы узнать о моём самочувствии, — бормочет Нина, и я мрачню. — Узнать, буду ли я на завтрашней тренировке и всё такое. Оказалось, что мать не в курсе о моём сегодняшнем прогуле.

— Оу, Нина, — я виновато морщусь. — Это моя вина, надо было придумать что-нибудь правдоподобное...

— Забей, — бросает подруга. — Здесь нет твоей вины. Она бы всё равно матери позвонила, и я это знала.

Я прикусываю губу, наблюдая за тем, как подруга начинает потихоньку раскачиваться, не отрывая ног от земли. Я слышу крики и возгласы — здесь недалеко школьный стадион, на

котором, кажется, всё ещё тренируются «Викинги». Я почему-то думаю о Майкле Филлинсе и никак не могу выбросить его из головы.

— Я когда домой вернулась, — тихо говорит Нина. — Она сразу начала выяснять, почему я прогуляла тренировку, — я понимаю, что подруга говорит о своей матери. — Я тогда была расстроена из-за Шона, не было сил что-то придумывать, и я сказала правду. Мама разозлилась и заявила, что запрещает мне видеться с ним, что он только отвлекает меня. Я должна думать о своём будущем, а не о парнях. Для меня сейчас важны тренировки и соревнования. Победы и кубки. А я просто стояла перед ней и вдруг неожиданно поняла, что ничего мне не надо. К чёрту всё это дерьмо, к чёрту её тренировки. Я ей всё высказала. И о том, что ненавижу теннис, и о том, что она меня достала со своими постоянными запретами и турнирами. Я сказала, что больше не буду играть. И ушла. И вот я здесь.

Я внимательно смотрю на подругу, неожиданно начиная испытывать гордость за неё. Наконец-то она сделала это, перестала играть по правилам родителей и поступила так, как хочет. Я, конечно, не в праве одобрять подобное, но мне всегда было жаль её, всегда было больно смотреть, когда она отказывается от своих желаний и планов ради того, чтобы угодить матери.

Я немного улыбаюсь, протягиваю руку к ней и переплетаю наши пальцы.

— Знаешь, что, — уверенно говорю я. — Мы сейчас пойдём ко мне домой, наберём всяких сладостей из маминой заначки, запрёмся у меня в комнате и устроим пижамную вечеринку. Переночуешь у меня, моей матери будет плевать, даже если я у неё под носом вечеринку закачу.

Нина смотрит на меня и невесело улыбается.

— А знаешь, да! — она вдруг приободряется, вскакивает на ноги и тянет меня за собой. — Я теперь больше не теннисистка, так что можно не следовать всем этим дурацким диетам матери. Могу есть всё, что захочу! И делать всё, что захочу!

Я улыбаюсь, радуясь внезапному перемену настроения подруги. Вот она, моя любимая энергичная рыжая бестия!

— А ко мне сегодня Майкл Филлинс подходил, — зачем-то на радостях говорю я, наверное, чтобы разрядить обстановку.

Нина смотрит на меня так, словно я только что выиграла миллион.

— Ты шутишь? — выпаливает девушка.

— Ну, — я опускаю голову и переминаюсь с ноги на ногу. — Я бегала и поймала случайный мяч... И капитан подошёл и заговорил со мной, — я почему-то начинаю смущаться, уже жалея, что у меня сорвалось это с языка. И зачем я сказала о Майкле? Совсем же не в тему!

— Та-а-ак, — Нина словно уже и забыла о своих проблемах, хотя в глубине её глаз я всё ещё вижу печаль и тревогу. — Мы идём к тебе, и ты рассказываешь мне всё в подробностях!

Я закатываю глаза и трясую головой. Одно радует: Нина приободряется. Она ведь не умеет грустить, она всегда такая сильная и бешеная, и я даже не помню, когда девушка в последний раз плакала. Подруга поправляет свои волосы и тянет меня в сторону дороги — мы покидаем детскую площадку, и крики на школьном стадионе постепенно исчезают.

Мы добираемся до моего дома быстро — матери всё ещё нет, и здание встречает нас тишиной и пустотой. На кухне достаём все заначки сладкого, от конфет до кока-колы и с полными подносами поднимаемся на второй этаж.

— Так, что ты там говорила на счёт Майкла Филлинса? — напоминает Нина.

прикрывая за собой дверь.

Я вздыхаю — мои тайные надежды о том, что подруга не будет меня расспрашивать, проваливаются — и кладу всю еду на кровать, после чего забираюсь на постель с ногами и подтягиваю к себе ноутбук.

— Ну, — я краем глаза вижу, как Нина садится рядом со мной, принимаясь за пирог. — Я как обычно бегала по стадиону, и в меня полетел случайный мяч, — девушка усмехается, мол, а случайный ли? — Я его поймала, остановилась, а ты знаешь, что я не люблю прекращать бег, потому что не могу потом снова влиться в него... и, короче.

— Майкл Филлинс сам подошёл к тебе, чтобы забрать мяч, — догадалась Нина. Я киваю. — Боже, да это же точно не совпадение!

Я включаю компьютер и захожу в социальную сеть, чтобы запустить плейлист, а потом смотрю на рыжую.

— В смысле?

Она отправляет в рот последний кусок вишнёвого пирога и с наслаждением корчится.

— Ты понимаешь, — она взмахивает рукой, проглатывая еду. — Майкл Филлинс, капитан «Викингов», сам подошёл к тебе! КАПИТАН. Обычно случайные мячи приносятся новенькие или те, кто в запасе. А тут САМ...

— Ну и что? — я пожимаю плечом. — Может быть, он сам бросил мяч, а потом решил сбегать за ним, чтобы узнать, в порядке ли я.

Нина поджимает губы и смотрит на меня, словно я тупая блондинка. Я блондинка, да, не спорю, но не тупая! У меня по всем предметам высшие баллы! Но, очевидно, во взаимоотношении с противоположным полом я мало что понимаю.

— Ладно, — сдаётся Нина. — И что было, когда он подошёл?

Я хмурюсь, вспоминая слова капитана.

— Сказал, «отлично поймала».

— А ты?

— Отдала мяч и сказала «спасибо», — пожимаю плечом.

— А потом что? — Нина внимательно смотрит на меня, нетерпеливо покусывая губу.

Я секунду молчу.

— Хотела побежать дальше, но он сказал, что-то типа «я часто тебя здесь вижу». Я ему ответила, что каждый день здесь тренируюсь, — я тянусь к подносу и беру самую большую и вкусную конфету, после чего открываю обёртку и отправляю в рот сладость. — Он сказал, — продолжаю я с набитым ртом, — что не видел меня в команде по бегу. И я ответила, что меня там нет, и я просто бегаю, потому что мне это нравится.

Я прожёвываю конфету и глотаю. Нина начинает нетерпеливо постукивать пальцем по коленке.

— Он сказал, — я хмурюсь, думая о его последних словах. — Сегодня не добежала круг или что-то вроде этого. А потом такой: «Я Майкл». Я сказала, что знаю, развернулась и побежала дальше. И всё.

— Так, стоп, — Нина машет перед собой рукой. — То есть, ты отшила Майкла Филлинса? Красавчика капитана нашей команды, по которому сохнет вся школа? Ты просто взяла и отшила его?

Я вздыхаю и на мгновение прикрываю глаза.

— Я его не отшивала. Я просто сказала, что знаю, кто он, и продолжила свою тренировку, которая, кстати, у меня больше не задалась! — я скрещиваю руки на груди.

Нина смеётся.

— Ты отшила Майкла Филлинса! — она хлопает в ладоши и победно вскрикивает. — Подумать только. Он сам подошёл, с очевидными намерениями познакомиться, намекнул, что давно следит за тобой, даже представился, чтобы узнать твоё имя! А ты его отшила. Эмма!!!

— Что?! — обижаюсь, словно меня начали отчитывать. — Ты же знаешь, что я не люблю таких выскочек. Да и меня его фанатки сожрут. Мне не до флирта с капитанами.

Девушка вздыхает и качает головой.

— О, Боги. Если бы со мной захотел познакомиться самый популярный парень в школе, я бы упала в обморок, — она машет на себя рукой, словно веером. — Раньше. Сейчас у меня Шон...

Подруга осекается, и тень печали ложится на её лицо. Я ободряюще толкаю её локтём в бок.

— Как на счёт сериала? — спрашиваю я. — У нас есть еда и целая ночь впереди.

Она поднимает голову и немного улыбается.

— От Бесстыжих я не откажусь, — тянет рыжая, пододвигая к себе банку с колой и тарелку с конфетами.

Я улыбаюсь и начинаю искать нужный сериал. Что ж, по крайней мере Нина не будет в одиночестве переживать из-за матери и Шона. Несколько серий и сладости отвлекут её от проблем. В любом случае, мне это всегда помогает.

Баста ft. Алёна Омаргалиева — Я поднимаюсь над землей

— Как ты можешь это носить? — бормочет Нина, поправляя моё платье, которое я одолжила ей.

Девушка так и не была дома, с матерью не разговаривала, даже не заскочила к себе, чтобы забрать школьный рюкзак. В итоге мне пришлось дать ей свою одежду, чтобы Нина смогла нормально пойти в школу. Длинное закрытое платье синего цвета ниже колен смотрелось на моей подруге нелепо, и я, видя это, невольно думала о том, а на мне оно тоже выглядит так ужасно? Никогда не думала, что у меня может быть такой плохой вкус...

— Не нравится, шла бы в своём теннисном костюме, — тяну я, осматриваясь, чтобы перейти дорогу.

Рыжая демонстративно закатывает глаза и пытается немного приподнять подол.

— Вообще-то, если меня в этом увидят, то отправят домой, и я не знаю, зачем вообще иду на занятия, — она вздыхает.

— Не если, а когда, — я осматриваю подругу. — Школьную форму никто не отменял.

Она пожимает плечом.

— Знаешь, а я чувствую себя даже как-то свободно, — девушка вдыхает в себя воздух и с наслаждением выдыхает. — Даже дышать стало легче. И почему я раньше не послала мать? Весь этот теннис словно все мои силы отбирал.

Мы добираемся до школы и сворачиваем к детской площадке, решая срезать через стадион.

— Только. Ты можешь не говорить Мил и Трис? Трис особенно. Ну, пока хотя бы, — Нина смотрит на меня, и я киваю. — Я сама ещё не разобралась со всем этим и...

— Да, конечно, — соглашаюсь я.

Мы проходим мимо наших когда-то любимых качелей и плетёмся к незаметной тропинке, ведущей к задней части школы.

— А если твоя мама попробует заставить тебя вернуться в теннис? — спрашиваю я.

— Конечно попробует, — фыркает подруга. — Но у неё ничего не получится. Я всё решила. Если она так относится к Шону, который сейчас не в лучшем состоянии, то о чём вообще можно разговаривать с этой женщиной? — она на несколько секунд замолкает. — Иногда мне хочется, чтобы она была как твоя мама. Ничего не запрещала и вообще не трогала меня.

Я ничего не отвечаю, вспоминая свою мать и её безразличное отношение ко мне. Я даже не знаю, что из этого лучше: вечный контроль или безучастность. Иногда мне хотелось бы, чтобы мама накричала на меня, сказала, что я идиотка и не думаю о том, что делаю, но она только отмахивается и делает вид, что меня не существует.

— Ну, наверное... — я пожимаю плечом. — И что ты планируешь делать дальше?

— Не знаю, — Нина вскидывает руки. — Пойду к тренеру и скажу, что не собираюсь больше играть! Буду есть всякие сладости дома, навещу Шона... А дальше по ситуации. О, смотри, — она показывает на стадион, мимо которого мы как раз проходим. — Это же Майкл Филлинс.

— О, Боги! — я закатываю глаза и останавливаюсь, потому что подруга хватается за локоть и заставляет притормозить.

Мы замираем возле края трибун — я смотрю на поле и вижу, как Майкл со своим классом занимаются на физкультуре. Ну, да. Мне же сегодня к третьему уроку, да и Нина решила пропустить первые два занятия, так что учебный день уже в разгаре.

— Ты посмотри на него, — Нина толкает меня локтём в бок. — Он же красавчик.

Я поджимаю губы и смотрю в сторону парня. Он в серой футболке и в чёрных спортивных штанах. Без своей командной формы он выглядит немного меньше, но зато теперь можно разглядеть его подкаченное тело. Да, он симпатичный. Привлекательный. И кучка хихикающих девчонок в стороне тому подтверждение.

Я невольно представляю себя рядом с этим парнем, а потом думаю о нелепых слухах, которые будут распускать завистливые фанатки. Так и вижу клеймо, словно заголовок в газете: Эмма Вудс — девушка капитана школьной команды по регби «Викинги». Все будут говорить обо мне, шушукаться за спиной, возможно, устраивать разные пакости, чтобы я отстала от их любимчика. Моей спокойно жизни придёт конец.

— Да такой же, как и все, — бросаю я, отрывая взгляд от Майкла и отворачиваясь. — Мне нравится другой тип парней, — привираю я.

— Ага, конечно, — Нина толкает меня в плечо. — Слюни только подбери, а то уже вся рубашка мокрая.

— Что? — возмущаюсь я. — Ничего я... Пфф... Скажешь тоже.

— Да я же вижу, как ты на него смотришь, — подруга продолжает издеваться надо мной. — У тебя когда в последний раз был парень? Ах, да... У тебя же вообще отношений не было.

— Нина, — шикаю я, потому что девушка говорит это громче, чем надо.

— Я просто хочу, чтобы ты устроила свою личную жизнь, — рыжая снова смотрит на поле. — О, Боже, он идёт сюда, — шипит подруга. — Он идёт...

— Что? — я резко оборачиваюсь, замечая, как в нашу сторону трусцой бежит Майкл Филлинс. — Всё потому что ты слишком громко орёшь, — шикаю я так, чтобы слышала только она.

Я не смотрю на парня, надеясь, что он направляется не к нам, а к тропинке, чтобы выйти со стадиона. Не может же он идти сюда из-за меня... Это глупости. Кто я такая, чтобы он подходил ко мне посреди урока прямо на глазах у всех. В том числе у его фанатов, которые уже заметили нас и начали что-то обсуждать. Точно, он хочет выйти со стадиона. Да. И ничего больше. Он не может... Вот, дьявол. Всё-таки может.

— Привет, девчонки, — Майкл останавливается рядом с нами, немного улыбаясь.

Парень немного вспотевший после физкультуры, но это делает его невероятно горячим. После слов Нины, о том, что мы могли бы с ним стать парочкой, я теперь думаю о таких вещах, о которых вообще никогда бы не стала воображать. Да что со мной? Это же Майкл Филлинс. Вообще не мой типаж. Так почему теперь, после слов подруги, я чувствую себя рядом с ним так нелепо?

— Привет, Майкл, — слащаво тянет Нина. — Как дела?

— Отлично, — я не смотрю на парня, но буквально всем телом ощущаю на себе его взгляд. — Как Шон?

Я облегчённо вздыхаю. Он же одноклассник парня Нины, значит, пришёл сюда, чтобы узнать о его самочувствии, а я уже нафантазировала себе бог знает что.

— Оу, — Нина вздыхает и неопределённо взмахивает рукой. — Я. Пока стабильно. Врач сказал, что он в коме. Нужно время, чтобы понять, насколько всё сложно.

— Понятно, — Майкл прикусывает губу. — Всё будет хорошо.

Рыжая переступает с ноги на ногу.

— Ага. Мы тут с Эммой как раз на эту тему говорили, — врёт девушка.

Я с укором смотрю на подругу. Вот зачем она стрелки на меня переводит? Я стою здесь, никого не трогаю. Ещё и врёт! Мы же говорили не о Шоне, а о...

— Так, тебя Эмма зовут? — Филлинс прячет руки в карманах штанов.

Я, наконец, смотрю на него, пытаюсь побороть неловкость.

— Да. Эмма, — делаю вид, что мне всё равно.

— Ты вчера так быстро сбежала, что я не успел даже спросить твоё имя, — капитан внимательно рассматривает меня.

— М. Ну, да, — я пожимаю плечом. — Было дело.

Мы пару секунд смотрим друг другу в глаза, но потом я отвожу взгляд в сторону. Напряжение нарастает, и я совершенно теряю контроль над ситуацией. Ненавижу такие моменты. Вообще с парнями предпочитаю не общаться, особенно если чувствую, что они начинают заигрывать. А сейчас даже нормальных слов подобрать не могу. Это всё из-за Нины. Не надо было ей рассказывать, что мы вчера с Филлинсом разговаривали.

— Сегодня придёшь на пробежку? — интересуется парень.

— Ага, — бросаю я, не успевая подумать о последствиях.

— Тогда увидимся вечером, Эмма, — Майкл немного улыбается, затем отступает и разворачивается, направляясь обратно к одноклассникам.

Я непонимающе смотрю на Нину.

— О, это почти приглашение на свидание, — с придыханием шепчет подруга.

— Нет, — отрезаю я. — Никаких свиданий, особенно с ним! — я говорю это достаточно громко, надеясь, что Майкл Филлинс услышит это, но парень уже отходит на достаточное расстояние.

Развернувшись, я фыркаю и направляюсь в сторону школы, пытаюсь выкинуть из головы капитана «Викингов» и этот глупый разговор. Мне сейчас нужно думать об аттестационных тестах, а потом о поездке в лагерь, а не о парнях. Это всё глупости. Все эти отношения, чувства. Только проблемы от них.

Dead By Sunrise — Fire

Как я и думала, Нину отправляют домой переодеваться сразу же, как только учитель заходит в класс и замечает её нелепое платье. Подруга пишет мне об этом в тот момент, когда я скучающе слушаю лекцию мистера Романа на тему психология воздействия. У меня впереди ещё три урока, а эта нахалка даже не собирается возвращаться сегодня в школу: об этом она мне тоже сообщает. А ещё она практически требует, чтобы я пошла сегодня на тренировку и нормально поговорила с Майклом Филлинсом.

Я не знаю, стоит ли мне это делать, потому что не хочу, чтобы всё это зашло слишком далеко. Ну, вот не хочу и всё. Что-то меня отталкивает от отношений, словно противный Купидон таким образом пытается свести меня с кем-то другим. Хотя глупости всё это. У меня просто никогда не было парня, вот и всё, я никогда не любила никого, а после потери брата я вообще стараюсь общаться с противоположным полом как можно меньше.

Хотя однажды, когда мне было лет четырнадцать, мы с соседским парнишкой целовались позади его дома, но это было так, ради интереса. Он мне даже особо не нравился.

Но всё-таки я иду на сегодняшнюю пробежку, потому что, во-первых, не люблю нарушать свой распорядок, а, во-вторых, если я не приду, то Майкл решит, будто я его избегаю, а если я это делаю, значит, он мне небезразличен. А вот этого мне вообще не хочется.

Покидая раздевалку, я неохотно добираюсь до стадиона, сразу же замечая футбольную команду. Сегодня они не в форме, а в обычных спортивных костюмах: парни отжимаются под командами тренера, чей звонкий голос разлетается по всему пространству, и мне от его командных ноток становится неуютно. У меня папа командир, но дома он никогда голос не повышал.

Я зачем-то ищу взглядом капитана «Викингов», но его не видно из-за тел остальных игроков, к тому же они находятся слишком далеко.

Выкинув все мысли из головы, я начинаю пробежку, оставляя позади всё, что только можно, но тревожность не отступает. Я так напряжена, что готова заорать во всё горло, лишь бы перестать ощущать это дикое чувство нервозности. Да что со мной? Я миллион раз бегала по стадиону во время тренировок команды по регби, но раньше они находились в своём мире, а я в своём. Теперь же одна лишь мысль о том, что кто-то вот-вот вторгнется в моё пространство, внушает мне дикий ужас.

Я пробегаю один круг, второй, за ним третий, но ничего не происходит. Всё так же, как и всегда. Дыхание сбившееся, солнце ослепляет, крики тренера и голоса команды поддержки уходят на задний план и перестают прикасаться ко мне. Есть только я и четвёртый круг, который я практически завершаю. На пятом круге мне становится гораздо легче.

Интересно, как там Нина? Наверное, когда она вернулась домой, мать устроила ей настоящий скандал, ведь подруга ночевала у меня и даже не предупредила никого. Это же такая трагедия! Да и уход из тенниса. Смысл жизни её матери потерян, что же ей делать дальше, раз больше некого заставлять тренироваться, участвовать в турнирах и посещать

благотворительные ужины. Теперь главное, чтобы Нина не дала слабину и не пошла на поводу у матери.

— Привет.

Я вздрагиваю, но не останавливаюсь, поворачивая голову на голос. Рядом со мной бежит Майкл — его лицо буквально горит от тренировок, и мне даже немного становится его жаль. Его волосы взмокли, лоб и шея покрыты капельками пота. Футболка взмокла, но скорее не от пота, а от того, что парень вылил на себя бутылку воды. Сегодня жутко жарко, даже я это заметила, хотя постоянно мёрзну.

— Привет, — выдыхаю я, отворачиваясь.

— Какой круг? — спрашивает капитан.

— Пятый. А у тебя?

Он усмехается — я краем глаза вижу, как шевелится его мускулистое тело из-за движений, и стараюсь не смотреть в сторону Филлинса.

— Тренер заставил три круга бежать. Сегодня мы не играем, только упражнения, — бросает он.

Мимо нас проносятся несколько парней, обгоняя, и я вдруг понимаю, что они всё это время бежали позади нас. Мне становится неловко, и желание прекратить пробежку охватывает меня с головой, но я не сдаюсь.

— Почему? — безразлично бросаю я. — Ни разу не видела, как вы тренируетесь без формы.

Майкл коротко смеётся, словно бы я сказала что-то нелепое.

— Мы наказаны, — признаётся парень, и я бросаю на него мимолётный взгляд, тут же жалея об этом. После разговора с Ниной мне вообще неловко смотреть на него. Это всё её дурное влияние и глупое внушение. Нужно избавиться от этого. — Вчера вечером играли с другой школой без тренера. Просто дружеский поединок.

Я вспоминаю, как вчера сидела с Ниной на качелях и слышала крики со стадиона. Так, значит, это были они. И естественно это был не дружеский поединок. По любому решали конфликт или выясняли, кто из них сильнее. «Викинги» весьма агрессивная команда, и многие школы не любят их, потому что после игр с ними бывают травмы.

А ещё это же парни, любят выяснять, кто из них круче.

— И? — я надеюсь на продолжение рассказа.

Майкл секунду молчит.

— Заварушка завязалась, — неохотно тянет парень. — Подрались. Вот и отдуваемся теперь.

Кто-то свистит, обгоняя нас, но я не обращаю на это внимания. Кажется, мне пора завязывать носить шорты на тренировки... Становит неудобно, и желание поскорее избавиться от капитана усиливается.

— Понятно.

Я замолкаю — настроение бегать пропадает, и возникает непонятое чувство, словно я попала в паутину, а дьявольский паук уже надвигается из темноты, чтобы уничтожить меня. Я смотрю на Майкла и хмурюсь. Плохое у меня предчувствие, но как бы сейчас сказала мне Нина, ты просто боишься сблизиться с парнями. Трусиха. Может быть, пора выходить из своей зоны комфорта? Чёрт, и почему вообще этот парень подошёл ко мне. Два семестра тренировалась рядом с ним и ничего, а сейчас как огрело его. Не март вроде, да и других симпатичных девчонок полно кругом. Вон, как команда поддержки уже смотрит в нашу

сторону, бросая странные взгляды. Не нравится мне это.

— Три круга уже прошло, — бросаю я.

— Ага, я знаю, — Филлинс не отстаёт от меня. — Слушай. У нас игра в субботу, ты придёшь?

Я хмурюсь, вспоминая, что да, скоро игра, но я даже не думала о том, чтобы пойти туда. Я вообще даже забыла о ней. Столько всего навалилось: Нина, лагерь, экзамены скоро. Как-то не до этого.

— Не знаю. Может быть, если подруги пойдут, — уклончиво тяну я.

Господи, только не продолжай, только не приглашай меня никуда, ну, пожалуйста...

— Как ты смотришь на то, чтобы после игры прогуляться? — предлагает Майкл.

— Что? — выпаливаю я. — Почему я? В смысле... — я смущаюсь, стараюсь вернуть себе самообладание. — Разве у вас не будет вечеринки в честь завершения сезона и всё такое. Трис по любому устроит какую-нибудь тусу.

— Ну, да. Наверное, — бросает Майкл.

— Я к тому, что капитану нужно быть там со своей командой, — продолжаю нести чушь, мысленно коря себя всеми неприличными словами.

Филлинс задумчиво бежит следом, хотя мы уже переходим на пятый совместный круг.

— Филлинс на поле! — орёт тренер, но парень не обращает на него внимания.

— Окей, ладно, — он словно чувствует, что я не горю желанием составлять ему компанию. — А если мы победим, ты пойдёшь со мной на свидание? — Майкл смотрит на меня. — К чёрту вечеринки, просто прогуляемся.

Я неловко молчу, слыша на заднем плане крики команды. Что мне ответить, чёрт возьми? Давай, Эмма, просто скажи ему, что он не в твоём вкусе и что ты не хочешь с ним гулять. Просто скажи «нет»!

— Если победите с отрывом на тридцать очков, тогда я пойду с тобой на свидание, — выпаливаю я. Хотя я не сильна в этом спорте и понятия не имею как начисляются очки и вообще реальные ли я условия поставила, но мне всё равно. Главное, не придётся идти с ним гулять.

— Договорились, — улыбается Майкл. — Ровно тридцать очков. Ни больше, ни меньше.

— ФИЛЛИНС!!! — я пугаюсь крика тренера.

— Увидимся, Эмма, — парень улыбается и направляется в сторону своих товарищей.

Я слышу отдалённые крики: капитана ругают за непослушание, и мои губы трогает улыбка. Это становится интересным. Даже я понимаю, что уйти в отрыв ровно на тридцать очков, это почти нереально. Глупости. Просчитать такое невозможно. Никто не знает, какие будут противники и сама игра. Капитан «Викингов» безумен.

Я фыркаю — голову напекает, и я решаю, что на сегодня достаточно тренировок. За разговором с Филлинсом я сбилась со счёта, сколько я пробежала, но думаю, что кругов десять точно есть, так что можно пойти домой.

Я последний раз бросаю взгляд в сторону команды, сбавляю скорость и плетусь в сторону школы, выравнивая дыхание. Коридоры пусты, и эхо от моих шагов разлетается по ним, словно по заброшенному замку. Лёгкие горят, хочется пить. Я уже буквально представляю, как зайду в раздевалку, напьюсь воды, а потом схожу в душ. Да, точно, сегодня приму душ здесь.

Но, свернув в последний коридор, я замираю, потому что класс музыки закрыт, и из-за двери снова раздаётся красивая мелодия. Её я ещё не слышала. Сердце замирает — я

буквально перестаю дышать — я делаю осторожный шаг вперёд, затем ещё один и, наконец, бесшумно подхожу к кабинету. Песня не прекращается.

Я улыбаюсь, потому что таинственного незнакомца не было здесь с того самого момента, как меня застучала Нина, словно бы подруга спугнула его. Или её. Кто это — я же не знаю. Мне кажется, это парень. А, может быть, девушка. Да что гадать-то! Просто открыть дверь и посмотреть в глаза таинственному пианисту, но я, конечно же, не буду этого делать.

Приятное тепло расплзается по моей груди, и я, влюблённая в эту чудесную лёгкую игру, просто таю. Вот это действительно хорошая новость за весь день. Не Майкл Филлинс, красавчик, пригласивший меня погулять, не даже Нина, а этот пианист (пианистка).

Я последний раз смотрю на дверь кабинета музыки, а потом направляюсь дальше к раздевалки, чувствуя, что я словно порхаю, будто эта музыка избавила меня от всех переживаний и хлопот. И я безумно благодарна этому незнакомцу, который каждый раз спасает меня и заставляет улыбаться.

Adalwolf — I'm The One

Я готовлюсь к тестам и совершенно забываю про субботу, на которой Майкл Филлинс пообещал, что «Викинги» победят с отрывом ровно в тридцать очков. Мил не звонит, Трис тем более. Нина всё ещё разбирается со своими родителями, которые крайне возмущены тем, что их дочь отказывается от тенниса и совершенно не горит желанием возвращаться туда. Теперь девушка делает что хочет и отрывается по полной. А как по мне она просто избегает меня, потому что с того дня, как она ночевала у меня дома, я с ней так нормально и не поговорила.

В этом году у меня всего три теста. Английский, математика и предмет по выбору. Я буду сдавать биологию. Это так, просто переводные проверочные работы, чтобы убедиться, что мне не нужно ходить на дополнительные занятия летом. Этого я хочу меньше всего, потому что летняя учёба сорвёт мои планы уехать в лагерь.

Итак, завтра матч, завтра суббота. В среду я сдаю Английский, в четверг биологию, в пятницу математику. Если всё проходит успешно, а всё будет хорошо, я в этом уверена, то уже 9 июля я уеду в лагерь. Там я пробуду где-то 16 дней и вернусь ближе к августу, а в первых числах должен вернуться мой папа. Так что план просто идеальный.

У отца заканчивается контракт 5 августа, дома он будет 6–7 числа, и я очень сильно надеюсь, что на этот раз его отпуск продлится дольше обычного, не хочу, чтобы он снова улетал в Европу и рисковал своей жизнью. Но это его работа, и отец любит её даже больше своей жизни. Так всегда говорил о нём Рори, когда звонил мне по скайпу в свободное время. Они там постоянно по 10–12 часов находятся на заданиях и участвуют в боевых операциях, так что созванивались мы с ним не так уж и часто.

Я сижу в школьном дворе на скамейке и жду, когда закончится большая перемена. У меня в руках книга по биологии, которую я всё никак не могу осилить, ветви деревьев частично прячут меня от безжалостных испепеляющих солнечных лучей, шум учеников разлетается на заднем плане, я слышу музыку и смех. Конец учебного года заражает своей атмосферой не только Трис, которая вертится вокруг популярных ребят и, наверное, пытается созвать всех на вечеринку, которую она устраивает в честь завершения сезона. Тусовка будет завтра вечером после матча, независимо от того, выиграет ли команда или же проиграет. Я вижу подругу, когда отрываюсь от книги, и мне жутко хочется закатить глаза, пока я наблюдаю за Трис.

Мил сидит рядом со мной и молча роется в телефоне. Я собираюсь уже бросить едкий комментарий в сторону нашей подруги, но в поле моего зрения появляется Нина. Она подходит к нам и загораживает от солнца.

— Угадайте, что я сделала вчера, — рыжая усмехается.

Мы переглядываемся с Мил и пожимает плечами.

— Я вступила в команду поддержки, — подруга хлопает в ладоши.

— Боже, Нина, — стонет Мил. — Лучше бы ты в теннис продолжала играть. Там же одни зазнавшиеся сучки. Помнишь Нэнси? Она мне в прошлом году поднос на голову опрокинула в столовке. Мне пришлось выкинуть мою любимую футболку.

Я соглашаюсь с Мил и судорожно киваю.

— И что? — Нина фыркает и протискивается между нами, чтобы сесть. Мне приходится подвинуться. — Я всегда хотела быть чирлидершей. Тем более, что Нэнси в следующем году выпускается, так что я намереваюсь занять её место. Я популярна! — Нина вскидывает руки и блаженно улыбается. — Как только они узнали, что я завязала с теннисом, они сами пришли ко мне и начали умолять, чтобы я присоединилась к ним. Тем более, что конец года, я могу себе позволить побаловаться.

— То есть, ты ракетку сменила на эти жуткие помпоны, — комментирует Мил.

Нина фыркает ещё громче, затем откидывается на спинку скамейки и вытягивает ноги.

— Я никогда раньше не думала, что настолько популярна, — она пожимает плечом. — Я просто тренировалась и делала то, что мне скажет мать, а теперь я понимаю, что у меня куча фанатов, на которых я никогда не обращала внимания. И мне нравится эта популярность. Я хочу стать первой, хочу...

— Хочешь затмить Трис, — перебивает её Мил, и рыжая замолкает.

Нина смотрит в сторону Трис, которая всё ещё болтает с какими-то девчонками из старших.

— Пойду завтра на её глупую вечеринку и оторвусь, — решительно заявляет Нина.

Я смотрю на неё, как на дурную.

— Что ты с делала с Ниной и куда дела мою подругу? — непонимающе тяну я.

— А что? — рыжая хлопает себя по коленям. — Следующий наш год — последний. А я за всю старшую школу отрывалась на вечеринках от силы раза три. Тем более, что без тенниса у меня появилась куча свободного времени. И вам обеим, кстати, тоже не помешает отдохнуть.

— Не, я пас, — смеётся Мил. — Я лучше встречусь с друзьями и полакомлюсь пиццей.

Нина смотрит на меня, и я теряюсь из-за её щенячьего взгляда. Конечно, подруга ни за что на свете не пойдёт на вечеринку Трис одна, она ведь терпеть не может брюнетку. И конечно же мне не остаётся выбора, как пойти с ней, потому что потом Нина будет мне всю жизнь припоминать об этом.

— Ладно, — сдаюсь я, и подруга победно вскидывает руку. — Но ненадолго. Ты же знаешь, что я не люблю вечеринки.

— Тебе понравится. Там будет алкоголь, музыка и Майкл Филлинс.

Я закатываю глаза, поджимая губы. Вот кого-кого, а его я хочу видеть меньше всех. Ну, отталкивает он меня как-то, что-то мне не нравится в нём, пусть он и симпатичный, привлекательный и тело у него шикарное.

— А что с Филлинсом? — интересуется Мил.

Ах, да, она же не в курсе.

— Он подкатывает к нашей Эмме, — хитро тянет Нина.

— Да ладно! — тянет подруга. — Этот выскочка? Только не говори, что собираешься с ним тусить.

Я пожимаю плечом, вспоминая последний разговор с капитаном.

— Я поставила ему ультиматум, если они победят с отрывом ровно в тридцать очков, то я пойду с ним гулять после матча.

Мил смеётся.

— И он согласился? — удивляется Нина.

— Ну, да.

— Они же никогда больше чем на двадцать очков не уходили, а последнюю игру вообще умудрились слить, — удивляется подруга. — Это нереально для них! Жесть.

Я фыркаю.

— Значит, никаких свиданий с Майклом Филлинсом. Это знак, — я возвращаюсь к книге, пытаюсь снова сосредоточиться на ней, но ничего не выходит.

Нина качает головой, отмахиваясь от меня, мол, дура совсем, такого парня упускает. А мне как-то всё равно. Это всё она виновата, запудрила мне мозги с ним, заставила сомнениям поселиться в моём сердце. Ух, как я заговорила.

А, может быть, я действительно дура. Сам капитан команды положил на меня глаз, а я нос ворочаю. Рори бы сказал, что я отчаянная девчонка, раз отшиваю таких парней. Я слышу звонок, и Нина вскакивает на ноги. Я захопываю книгу, и мы направляемся в сторону школы. Вскоре рыжая оставляет нас с Мил — мы идём к классу истории на совместное занятие. Последнее совместное занятие в этом году.

Haezer — Smut Me

— Ты уверена, что хочешь этого? — я пытаюсь перекричать музыку, которая оглушает и сбивает с толку моё шаткое сознание, ищущее каждую секунду спокойствия.

— Да! — Нина улыбается. — Пошли! Это последняя вечеринка в этом году, так что нужно оторваться. Тем более, что Трис не видно!

Я поджимаю губы и осматриваюсь. Здесь шумно, невыносимо тесно и воняет травкой. Я уже и не помню, когда видела столько народу в одном месте: музыка оглушает, все веселятся и кричат, ведь всё-таки «Викинги» выиграли сегодняшний матч, вот только с отрывом в двадцать три очка, а не в тридцать, так что это позволило мне избежать прогулок с Майклом Филлинсом.

После матча мы с ним так и не поговорили, потому что парня увела команда и чирлидерши, среди которых была и Нина. Вот ещё одна причина, по которой меня заставили прийти сюда: рыжая в команде, и она должна быть на этой вечеринке в качестве девчонки из группы поддержки. Так положено. Так надо. Это правила. И для Нины её новая жизнь теперь многое значит, так же как и все эти негласные законы, поэтому я и здесь, чтобы поддержать подругу. Одна она не решилась бы сюда прийти.

Мы с подругой проходим вглубь дома и растворяемся в толпе. Кучка парней из команды кричат, открывая бутылки с пивом, и алкоголь буквально разлетается во все стороны, заливая пеной не только игроков, но и стоящих рядом ребят. Они выглядят дикими животными. Бешеными, невоспитанными и ужасно мерзкими.

Зато Нине весело: она улыбается во все тридцать два зуба и ищет взглядом что-нибудь, что мы могли бы выпить. Я не особо хочу напиться, но за компанию с рыжей мне придётся немного расслабиться. Пробуду здесь час, от силы полтора и свалю домой. Главное, не наткнуться на Майкла.

Что-то взрывается недалеко от нас, и я оборачиваюсь. Какой-то идиот додумался притащить в дом петарды — девчонки, стоящие неподалёку, взвизгивают, но их голоса тонут в громкой музыке. Нина хватает меня за локоть и тянет в сторону, и я с трудом отрываю взгляд от парня, щёлкающего зажигалкой и норовящего ещё что-нибудь подорвать. Я не вижу его лица, потому что он стоит ко мне спиной.

На полпути к кухне нас кто-то перехватывает и буквально силой заставляет взять две открытые бутылки с пивом. Я неохотно делаю глоток: шум сбивает с толку и дезориентирует. Я не могу сосредоточиться вообще ни на чём.

— Пошли потанцуем! — кричит Нина, очевидно, довольная тем, что находится здесь.

Подруга тянет меня к остальным ребятам, которые извиваются под оглушающую музыку, и мне ничего не остаётся, как последовать за ней. Я не люблю танцевать. Точнее, я вообще не танцую, потому что постоянно зажата и скованна, и, если честно, я даже завидую всем этим людям, которые так просто могут открыто веселиться. Я же словно чего-то боюсь, будто должно случиться что-то плохое, поэтому мне хочется уйти отсюда, сбежать от этого шума и этой толпы.

Но вместо этого я поддаюсь движениям Нины, которая отрывается на всю катушку, и

пытаюсь расслабиться. В какую-то секунду мне даже удаётся это сделать — я выпиваю всю бутылку пива во время танца, и в тот момент, когда я уже думаю, что лучше мига за последнее время и быть не может, я вижу Майкла Филлинса. Что-то стучает меня по затылку, и я возвращаюсь в реальность.

Я смотрю на Нину, которая всё ещё танцует в своём красивом красном платье с тонкими бретельками, а потом плавно отрываюсь от толпы и отхожу в сторону. Настроение моментально падает на привычный средний уровень.

— Эмма! — я слышу знакомый голос, а потом на меня буквально набрасывается Трис, обнимая за шею. — Ты здесь? — удивлённо тянет подруга. — Я рада, что ты пришла!

— Да, — бормочу я, сжимая пустую бутылку из-под пива и пытаюсь устоять на ногах. — Отличная вечеринка!

— Спасибо! — девушка отстраняется и осматривает меня. — Красивое платье!

Я смотрю на себя, скользя взглядом по короткому чёрному платью, которое одолжила мне Нина, и неловко переступаю с ноги на ногу. Обычно я такое не ношу, это слишком вызывающе для меня, но сейчас в этот момент после комплимента Трис я чувствую себя по-настоящему привлекательной.

— Спасибо! — мой голос тонет в музыке.

Я осматриваюсь в поисках рыжей, но не нахожу её. Куда она делать?

— Развлекайся! — кричит Трис.

Я киваю, наблюдая за тем, как брюнетка отходит и пропадает из виду. Это её дом и это её тусовка. Раньше, когда мы все вчетвером ещё дружили, часто оставались здесь на пижамные вечеринки и воровали вино из заначки её родителей, а потом рассказывали страшные истории и обсуждали школьные сплетни.

Сейчас же я стою у неё в гостиной у стены и наблюдаю, как незнакомые мне люди, с которыми я никогда не общалась, напиваются и веселятся. Воспоминая не возвращаются, и как было раньше, уже никогда не будет. И это грустно.

Нужно выбираться отсюда, вот только оставлять Нину мне не хочется, хотя ей и без меня весело.

Кто-то забирает у меня из рук бутылку и вручает новую — я резко оборачиваюсь и замираю. Это Майкл. Он стоит рядом, прислоняясь к стене спиной, и смотрит на меня. Я нерешительно улыбаюсь.

— Извини! — парень нагибается ко мне, чтобы я услышала его слова.

— За что? — не понимаю я.

— За игру! — Филлинс стоит настолько близко, что волосы встают дыбом, но если я отстранюсь, то я не услышу, что он говорит мне. — Я обещал уйти в отрыв на тридцать очков!

Я пожимаю плечом и приближаюсь к нему.

— Тогда не давай обещаний, которые не сможешь выполнить! — громко говорю я, а потом поспешно отворачиваюсь и делаю глоток, потому что боюсь, что Майкл решит поцеловать меня.

— Договорились! Больше не буду, — он тоже отпивает пиво, затем пихает кому-то в руки мою пустую бутылку, которую так и держал всё это время.

Мне становится неловко. Я не знаю, о чём с ним можно говорить и стоит ли вообще пытаться, ведь из-за музыки мы еле слышим друг друга. Идти в тихое место у меня тоже нет никакого желания, потому что в таком случае мы с ним останемся наедине. Уж лучше здесь.

Я снова ищу взглядом Нину, но нахожу только Трис. И мне в какой-то момент кажется, что подруга смотрит в нашу сторону, но потом она исчезает в толпе и я тут же выбрасываю брюнетку из головы. Ребята из команды начинают играть в другой части комнаты: они бросают монету в стаканы с пивом, громко кричат и смеются. Девчонки подбадривают их.

— Поздравляю с победой! — зачем-то говорю я.

— Спасибо! — Майкл улыбается. — Не хочешь уйти? Здесь слишком шумно.

Я чертыхаюсь про себя, ведь именно этого момента я боялась больше всего, но если я скажу «нет», то это будет выглядеть глупо. К тому же у меня действительно начинает разрываться голова от одной и той же песни. Я киваю, и Майкл показывает рукой в сторону, мол, ты первая.

Мы направляемся к задней части дома — я прекрасно знаю здесь каждый уголок, пусть и была в гостях у Трис довольно давно. Мы оказываемся на пролёте, выходящем на задний двор. Это вроде небольшого балкона, но в то же время позади нас есть лестница, ведущая вниз. Мы останавливаемся у перил — я облакачиваюсь о них локтём и смотрю на бассейн. Здесь тоже достаточно ребят, которые развлекаются и веселятся. Вот только в бассейне никто почему-то не плавает.

Я пытаюсь разглядеть знакомые лица, но ничего не получается. Ни Нины, ни Трис я не вижу. Зато парочка девчонок из команды поддержки о чём-то весело болтают в стороне.

— Тебе здесь нравится? — спрашивает Майкл, облакачиваясь о перила рядом со мной.

Я пожимаю плечом.

— У Трис всегда хорошие вечеринки, — увиливаю от ответа.

— Вы с ней друзья?

Краем глаза я вижу, как парень смотрит на мой профиль, и мне становится неловко.

— Вроде того. Раньше хорошо общались, — делаю глоток. — Сейчас не особо.

— Почему?

— Не знаю.

Мы замолкаем и недолго стоим молча, наблюдая за ребятами у бассейна. Уже стемнело, но яркие огни в саду освещают буквально каждый метр, кроме дальних деревьев. Я различаю там какие-то силуэты.

— Слушай, — Филлинс неопределённо взмахивает рукой, в которой зажата бутылка. — Я, конечно, понимаю, что мы не набрали достаточно очков, как я обещал, но, может, ты всё-таки захочешь как-нибудь провести со мной время?

Я прикусываю губу, пытаюсь не отвечать, как можно дольше, но понимаю, что, в конце концов, мне придётся это сделать.

— Почему я? — я поворачиваюсь к нему корпусом и смотрю в карие глаза, слегка затуманенные алкоголем. Парень вскидывает бровь. — Есть девчонки, гораздо привлекательнее меня, почему именно я? Ты меня в упор никогда не замечал, а тут хочешь погулять. В чём подвох?

Майкл пожимает плечом и смотрит на бассейн. Я терпеливо жду ответа. Через пару секунд он поворачивается ко мне, и теперь мы стоим друг напротив друга лицом к лицу.

— Однажды одна девушка появилась на школьном стадионе и начала бегать, — говорит парень. — Она приходила каждый день и бегала примерно по пятнадцать кругов за раз. Иногда даже больше. Где-то четыре километра каждый день, даже не останавливаясь. Она бегала и бегала, пока ноги не переставали подводить, пока дыхание не сбивалось и лёгкие не начинали гореть. А меня в то время как раз назначили капитаном, и я понятия не имел, что

мне делать и как заставлять команду побеждать. И я смотрел на эту девушку, которая каждый день изводила себя, и понимал, что если тоже буду отдавать себя полностью, то и команда за мной потянется. И я смогу всё, что не мог до этого. Я был всего лишь обычным нападающим, который с трудом вошёл в основной состав, и то только из-за того, что у моего товарища была травма. Я был просто на замене, но потом меня выбрали капитаном. И вот теперь я здесь, только благодаря той девушке. Так что это не я тебя не замечал. Это ты не обращала на меня внимания. Поэтому я и решил немного привлечь его.

Я удивлённо смотрю на Майкла и не могу поверить в то, что только что услышала. Он замотивировал команду и себя только благодаря мне? Бред какой-то. Я просто бегала и ничего не делала. И так весь год.

— Почему тогда раньше не привлёк? Я бегала весь год, — не понимаю я.

— Потому что только недавно понял всё это, — тянет парень. Он делает небольшой шаг ко мне, и я теряюсь. — Это были последние тренировки, и я знал, что не увижу тебя до следующего года.

Я смотрю на него, но до конца так и не могу поверить в эту историю. Майкл Филлинс всегда был популярным, сколько я его помню. Всегда за ним бегали девчонки, да и капитаном он стал неслучайно. Что-то здесь не сходится. Не верю я в этот рассказ и в то, что могла кому-то помочь таким образом. Бред же... Я просто бегала. Я никогда не трогала.

Парень склоняет голову к плечу и смотрит на мои губы. Мы стоим так близко, что я готова поклясться, что чувствую его дыхание. И запах его духов. Майкл выше, и я невольно смотрю на его шрам под губой, совершенно не понимая, что вообще сейчас происходит. Филлинс наклоняется, поднимает руку и прикасается к моим волосам, но в тот момент, когда наши губы уже вот-вот должны будут встретиться в поцелуе, я слышу крик и всплеск воды и оборачиваюсь. Дыхание Майкла впивается в мою кожу, когда губы легко задевают щёку.

Парень отстраняется и смотрит на бассейн — я вижу Нину в воде.

— Боже, Нина! — я срываюсь с места и спускаюсь по лестнице, машинально оставляя бутылку на ступенях.

Парни начинают смеяться, кричать, а потом прыгают в воду вслед за рыжей, которая в этот момент выныривает и пытается доплыть до края. Я оказываюсь рядом с ней.

— С ума сошла! — кричу я, но подруга лишь смеётся.

Я пытаюсь её вытащить, но у меня ничего не получается, потому что пальцы соскальзывают.

— Дай-ка я, — Майкл оказывается рядом и хватает подругу за руки, ловко вытаскивая её из воды, в которой пьяные подростки уже во всю начали веселиться прямо в одежде.

— Боже, — рыжая пытается выжать волосы. — Меня толкнули!

Я закатываю глаза.

— Тебе надо домой, — говорю я, осматривая прилипшее платье Нины. Её макияж размылся, и теперь чёрные разводы у глаз привлекают лишнее внимание.

— Нет! — она возмущённо смотрит на меня, затем замечает Майкла и улыбается. — Мне здесь весело! Сто лет так не развлекалась!

Я вздыхаю и качаю головой.

— Ты как хочешь, а я домой! — говорю я. — У меня уже голова кругом от всего этого. Ты знаешь, я не люблю вечеринки.

Нина обиженно надувается и смотрит на Филлинса, словно надеясь, что он отговорит

меня, но я предупреждающе смотрю на парня, мол, даже не думай, и он просто пожимает плечом.

— Ладно, — сдаётся Нина. — Ты права. Мы достаточно повеселились.

Я победно улыбаюсь.

— Может, вас подбросить? — предлагает Майкл.

— Ты пьян, — я осматриваю его. — Мы сами справимся, спасибо.

Я хватаю Нину под локоть и уже собираюсь увести её с вечеринки, но Майкл меня окрикивает:

— Эмма! — я оборачиваюсь и пристально смотрю на него. — Ты так и не ответила.

Я не отрываю взгляда, вглядываясь в привлекательного мальчика, который недавно поведал мне не менее красивую историю. Вот только правда это или нет?

— У меня тесты. После них я уезжаю в лагерь, — говорю я. — Но добавь меня в фейсбуке. Может быть, я и захочу пересечься.

Филлинс улыбается, и я отворачиваюсь, направляясь с подругой в сторону дома. Что ж, Эмма. Молодец. Ты только что дала шанс парню, с которым не хотела иметь ничего общего. Я нарушаю все свои принципы. И ухмылка на лице Нины тому подтверждение.

Death Cab For Cutie — I Will Follow You Into The Dark

Вся оставшаяся неделя проходит за учебниками — я усердно готовлюсь к тестам, не в силах дожидаться, когда же, наконец, сяду в автобус и поеду в лагерь. Вещи давно собраны и пылятся в углу комнаты, ожидая своего часа.

Занятия в школе уже закончились, поэтому я больше не бегаю по школьному стадиону и не наслаждаюсь музыкой незнакомца, который запирается в кабинете музыки. С Майклом Филлинсом я больше не вижу. Мы переписываемся в фейсбуке, но не более того. Сейчас у меня нет ни времени, ни желания, чтобы проводить с ним время, да и парень не настаивает, словно понимает, что со мной нельзя напирать.

С Ниной и с Мил я тоже не пересекаюсь. Сомневаюсь, что подруги готовятся к тестам так же усердно, как и я. Да и вряд ли они вообще готовятся к ним.

А я просто перестраховываюсь. Я прекрасно знаю, что справлюсь с заданиями, но в глубине души боюсь, что где-то налажаю. Тогда мне придётся отказаться от лагеря и провести почти весь июль дома с матерью. Огромный минус, если кто-то из твоих родителей работает преподавателем, в том, что летом у них отпуск. А в моём случае находиться с матерью дома всё лето — это сущий ад.

В итоге тесты я сдаю на отлично, и уже через неделю откладываю все учебники и конспекты в самый дальний угол своей жизни, чтобы в сентябре снова вернуться в их объятия.

9 июля ровно в 12 часов дня школьный автобус, который любезно предоставил директор, чтобы отвезти нас в лагерь, должен был отправиться в путь. Признаться, я не ожидала, что кроме меня ещё будут ученики, поэтому, осматриваясь в последний раз и надеясь, что меня всё-таки придёт кто-нибудь проводить (не знаю, ожидала ли я увидеть маму, или Нину с Мил, или даже Майкла Филлинса), я забираюсь в автобус, оставляя вещи водителю и позволяя ему убрать их в багажник. В автобусе ровно 6 детей из средней школы, две девушки, которые учатся на год младше меня (я не знаю, как их зовут), незнакомый парень в самом конце, скрывающий своё лицо за армейской кепкой, и, что самое удивительное, Трейси Кристалл, девушка из команды поддержки, с которой мы вместе ходим на продвинутый курс математики. Я с ней никогда в жизни не общалась, и особым желанием исправлять это не горю. Трейси как Трис, такая же тусовщица и стерва. Вечно крутится вокруг Нэнси, капитана группы поддержки, чьё место норовит занять Нина в следующем году. Кристалл крашеная блондинка с коротким каре и с серыми глазами, и когда она замечает меня, я проклиная всех богов на свете.

— Эмма, — девушка улыбается, а я с удивлением смотрю на неё, мол, откуда она знает, как меня зовут. Она же меня в упор не замечала. — Садись ко мне.

Трейси хлопает по сидению рядом с собой. Я ловлю на себе взгляд странного парня в конце автобуса, заинтересованно осматриваю его чёрную куртку с нашивками и пытаюсь разглядеть его лицо. Кто он? Впервые его вижу. Он явно не с нашей школы.

Но увидеть его внешность у меня не получается, поэтому я неохотно опускаюсь рядом с Трейси.

— Хоть кто-то нормальный здесь, — тянет девушка. — Я уже думала, что проведу две недели с малышнёй.

Я поджимаю губы и немного вожусь на месте. С радостью бы села куда-нибудь в конец автобуса, чтобы ни с кем не разговаривать и просто послушать музыку, но Трейси ведь просто так не отстанет.

— А ты чего здесь делаешь? — непонимающе спрашиваю я. Кристалл не из тех людей, кто рвётся в скаутские лагеря. Ей бы пляж с коктейлем, да красавчиков с накаченными мускулами.

Она отмахивается и трясёт головой — её каре опасно покачивается из стороны в сторону.

— Родители отправили меня следить за братом.

Я бросаю взгляд на мелких школьников, пытаюсь угадать, кто же из учеников средней школы брат Трейси, но у меня ничего не получается. Спрашивать я не хочу, потому что это может повлечь за собой бесполезную тираду о том, как блондинка могла бы провести это лето. Интересно, а какой у неё настоящий цвет волос? Явно не пепельный.

Я накручиваю светлый локон волос на палец, а потом вздыхаю и откидываюсь на сидение. Поездка будет долгой и явно скучной.

— А ты? Не знала, что ты скаут, — Трейси смотрит на меня.

Я медлю с ответом.

— Я не скаут, — смотрю на других учеников, которые шумно смеются и начинают чем-то кидаться друг в друга. — Просто решила уехать отсюда и отдохнуть.

— Понимаю, — тянет девушка, хотя я прекрасно знаю, что она ничерта не понимает. — Я надеюсь, у них хотя бы будут санитарные условия. И интернет. Я не выживу без него.

Я смотрю на Кристалл и представляю, как такая девушка будет жить в лесу две недели. Делать селфи на фоне деревьев и выкладывать в социальную сеть с хештегом «скаутскийад», «явлесу», «наприроде», а так же брезгливо избегать всех вылазок и походов. Это будет забавно. Интересно, кто ещё кроме нас будет в этом лагере?

Автобус трогается с места, и я смотрю в окно, всё ещё надеясь увидеть знакомые лица, решившие меня проводить, но так никого и не замечаю. Нина, наверное, с Шоном в больнице, Мил извинилась, что не сможет прийти, потому что уехала с друзьями в другой город, Трис вообще не в курсе, когда я уезжаю. Мама... Мама просто сказала «удачи», когда высаживала меня возле школы, а потом развернулась и уехала. Она бы даже не вспомнила о моём отъезде, если бы я не попросила её подвести меня до автобуса.

В итоге, уезжая отсюда, я в тайне надеюсь, что этот грустный осадок не будет преследовать меня все две недели, и когда я вернусь домой, я буду самая счастливая на свете.

Я почему-то вспоминаю Рори. Он почти каждое лето проводил в военном лагере и считал, что скауты — это детская забава, что нет никакого смысла бегать по лесу и разжигать костры, при этом получая значки за личные достижения. Он был военным до мозга костей, таким же как папа. Всегда ровнялся на отца, хотел быть как он, мечтал, чтобы им гордились. И к чему это его привело? Рори стал обычным пушечным мясом. И погиб точно так же. Уж лучше бы он был скаутом...

Отец никогда не говорит о его смерти, не рассказывает, как именно умер брат. Да, это тяжело, видеть, как твой ребёнок умирает на твоих глазах, но я считаю, что не честно молчать об этом. Я хочу знать подробности, потому что моё воображение представляет всё куда ужаснее, чем это было на самом деле.

Я пытаюсь выбросить из головы образ брата, достаю наушники с телефоном и включаю музыку. Поездка будет долгой, и я надеюсь, что мне хватит зарядки, чтобы не сойти с ума. Ни от компании Трейси, ни от своих мыслей.

Stephen — Your Life

Мы едем почти два часа — голоса детей тонут за звуками музыки и появляются в моей жизни только в перерывах между треками, но они исчезают из моей жизни, даже не попытавшись задержаться. Трейси меня не достаёт, и я ей безумно благодарна. Точнее её телефону, в котором девушка всю дорогу усердно с кем-то переписывается.

Я пытаюсь поспать, и мне кажется, что в какой-то момент мне даже удаётся это сделать, потому что когда я резко распахиваю глаза из-за неожиданной встряски, за окном уже мелькают деревья. Мы едем по просёлочной дороге — я не знаю, как давно мы съехали с трассы, но мне это не особо интересно. В салоне душно, не смотря на открытые окна, июльская жара не собирается щадить никого из нас. Хочется пить, но все мои вещи сейчас в чемодане, да и воды среди них нет.

Я вынимаю из ушей наушники, с облегчением прикрывая глаза, потому что из-за музыки голова уже начинает раскалываться. Бросив взгляд мимо Трейси, я вижу за окном расступающиеся деревья, которые постепенно открывают вид на большое озеро, переходящее в реку и скрывающееся где-то за лесом. Когда автобус поворачивает в сторону воды, я вижу домики. На берегу небольшие вышки с американскими флагами, плавно покачивающимися на ветру. Точно такой же есть у моих соседей.

— Ну, наконец-то! — негодует Кристалл. — Думала, никогда не приедем!

Я не обращаю на неё внимания и, когда транспорт окончательно тормозит, поднимаюсь на ноги. Дети вскакивают и начинаю шуметь пуще прежнего, образуется пробка у передней двери, поэтому я решительно разворачиваюсь, собираясь выйти через заднюю. Я замечаю парня, сидящего в самом конце автобуса, и только сейчас вспоминаю о его присутствии. Незнакомец смотрит в окно, его лицо скрыто кепкой и затемнёнными очками, какие обычно носят шерифы в западных штатах. Как только двери открываются, парень, наконец, хватается за поручень и ловко встаёт. Это происходит прямо в тот момент, когда я подхожу ближе.

Он смотрит на меня, но я не вижу его глаз из-за очков. В салоне безумно жарко, но на парне всё ещё чёрная джинсовая куртка с непонятными нашивками. Я могу различить только его губы и три точки на скуле. То ли это родинки, то ли просто покраснения, сейчас я не могу разобрать.

Незнакомец терпеливо ждёт, пока я первая выйду на улицу — до меня не сразу это доходит, поэтому становится очень неловко. Оторвав от него взгляд, я поспешно сбегая по ступеням и спрыгиваю на землю.

Я вдыхаю свежий воздух и улыбаюсь, слыша за спиной шаги незнакомца. Дети буквально вываливаются на свободу из этой консервной банки и начинают смеяться, осматриваясь.

Я подхожу ближе к ним, чтобы увидеть озеро — вода спокойная и гладкая, словно стекло, оттуда веет прохладой, и у меня возникает жгучее желание искупаться. Солнечный лучи отражаются от поверхности, будто от зеркала, и ослепляют.

Я смотрю на домики. Здесь три больших здания, сбоку дорожка, ведущая чуть подальше

к лесу, где виднеются домики поменьше. Наверное, в них мы будем спать. Надеюсь, меня не поселять с Трейси, иначе я сойду с ума.

Я смотрю в другую сторону и вижу за верхушками деревьев возвышенности. В памяти всплывают воспоминания, когда мы с отцом и с Рори ходили в поход, где ночевали в палатках и стреляли из папиной винтовки по банкам. Брат даже умудрился подстрелить какую-то птицу.

— А здесь мило, — как-то придирчиво тянет Трейси, останавливаясь рядом со мной и начиная фотографировать озеро на свой телефон.

Я ничего не отвечаю, оборачиваюсь и смотрю на двух девчонок с моей школы, которые разместились в стороне и о чём-то начали шушукаться.

— Всем привет! — громкий голос заставляет детей замолчать, и даже Кристалл перестаёт делать снимки и оборачивается.

К нам подходит парень лет двадцати семи в зелёной скаутской форме: шортах, рубашке и галстуке. У него медно-рыжие волосы и чёрные веснушки на носу. Он высокий и худощавого телосложения, но не настолько, чтобы считать его тощим.

— Меня зовут Питер. Кто из вас Эмма Вудс и Стив Браун?

Я неуверенно поднимаю руку и делаю шаг вперёд, чтобы меня заметили. Вижу, как парень, сидевший в конце автобуса тоже поднимает руку. Так, значит, его зовут Стив Браун? Я точно впервые слышу эту фамилию.

— Отлично. Вы будете водителями, так что пойдёте со мной, я всё подробно расскажу, а остальные поступают в распоряжение Дрея, который покажет вам лагерь. На счёт вещей не волнуйтесь, их доставят к домикам.

Я только сейчас замечаю неприметного паренька чуть постарше меня, спокойно стоявшего в стороне. Невысокий парнишка с чёрными прямыми закрывающими уши волосами в скаутской идеальной форме и со множеством значков на груди кажется серьёзным и не особо разговорчивым, по сравнению с рыжим парнем, который манит меня и Стива за собой.

Я бросаю взгляд на Трейси, и плетусь вслед за «командиром». Мы отходим от основной группы на несколько метров, прежде чем я решаюсь спросить.

— Водителями? — тяну я, идя на шаг позади от Питера.

— Ну, да, — пожимает плечами он. — Вы же сюда не отдыхать приехали, а ради школьной практики. Общественные деятели... — мне кажется, что он говорит это с иронией. — Да не переживай, — Питер теребит меня по волосам. — Всю работу мы будем делать сами, а вы просто помогать. Выполнять поручения, следить за детьми, за озером и всё такое. Ничего сложного.

Я думаю о Трейси и понимаю, что она то уж точно здесь не ради галочки в школьном резюме, так что ей не придётся заниматься всей этой ерундой.

— А нам обязательно будет носить форму? — не отстаю я.

— Ага, — парень смотрит на меня сверху вниз. — Но у нас три вида формы. Парадная, для походов и лагерная, — он смотрит на Стива, который молча плетётся в стороне. — Я не буду особо вас загружать, потому что вы ничего в этом всё не смыслите... — мы доходим до домиков и направляемся к тому, что посередине. — У нас сейчас не так много детей, обычно в августе большой поток, но дела у нас тут не особо хорошо идут, так что...

Питер заходит в домик, я следом за ним. Меня охватывает прохлада — кондиционер работает на полную — и я блаженно улыбаюсь. Здесь всё сделано из дерева: полы, стены,

потолок. Деревянная стойка, на которой какие-то бумаги, автомат с шоколадками в углу, слева лестница на второй этаж. Это что-то вроде штаба. Карты на стенах, какие-то картины, даже головы кабана и волка на стене. Над дверью я вижу подкову, когда оборачиваюсь, чтобы взглянуть на Стива. Он всё ещё в очках.

— У нас сейчас две группы, около двадцати детей. Плюс ваш поток, и того почти тридцать, — продолжает Питер. — Я и Дрей возьмём на себя одну группу, вы двое будете отвечать за вторую. Чисто следить, чтобы никто не пропал. У нас тут умников хватает, которые в лес бегают. Старшие особенно.

Он смотрит сначала на меня, а потом на Брауна. Мне становится неловко, потому что я вообще не знаю, что мне делать и как обращаться с детьми. Это совершенно не моё. Они же такие шумные, бесятся постоянно. Их не уговорить. Они не будут меня слушаться.

— Итак. В 8 подъём, утренние процедуры, зарядка, утверждение плана на день, затем завтрак. Обед в 12, ужин в пять, отбой в 11 общий. Ваша основная задача следить, чтобы группа была в полном составе на подъёме, на завтраке, обеде, ужине и на отбое. Остальное — это наша задача. Различные мероприятия и походы. Пока всё понятно?

— Вроде да, — тяну я.

— Хорошо, — Питер чешет затылок. — Это здание для руководителей. Там сотовая, — он показывает направо. — Там душевые. Спальные домики чуть дальше в лесу. Пока что это всё, что вам надо знать. Сегодня познакомитесь с группой и осмотритесь, а завтра уже приступим к обучению детей. Если будут вопросы, обращайтесь ко мне или к Дрею. Окей?

Я киваю. Если честно, мне пока вообще ничего не понятно.

Стив стоит позади меня и всё время молчит — становится неловко. Мне придётся работать с ним и следить за детьми, а его таинственность немного напрягает. Если он всегда такой молчаливый, то будет несладко. Так, ладно. Здесь природа, лес, свежий воздух. Да и следить, чтобы никто не пропал, лёгкая задача, так что ничего страшного. Думаю, мне здесь понравится.

Ed Sheeran — Eraser

Когда Питер говорил, что мы будем водителями, он чертовски преувеличивал — нам, во-первых, не будут платить за работу, а, во-вторых, и делать-то особо ничего не нужно. Единственное, что нас отличает от остальных ребят, — это то, что мы будем главными и что нас должны будут слушаться. Наша работа просто следить за детьми, чтобы никто не пропал или не сбежал в лес, или не утонул в озере. Всего-то...

Скаутский лагерь, в котором мне придётся жить около двух недель, называется «Дикие Медведи». Он располагается на берегу озера в 30 километрах от трассы. Пешком отсюда никак не выбраться, а если срезать через лес, то можно быстро потеряться. Тем более здесь водятся гризли.

Территория лагеря в общем составляет километра два-три. Спальный корпус расположен за главными зданиями — небольшие домики, рассчитанные максимум на восемь человек, находятся вдоль дороги, ведущей к загону с лошадьми и к полигону, где раньше проходили стрельбища. Питер упоминал, что там уже несколько лет никто не практиковался, так что можно не опасаться какой-нибудь шальной пули. На верху каждого спального домика развевается флаг определённого цвета. Всего здесь восемь домиков, расположенные напротив друг друга. Четыре с одной стороны и четыре с другой. Так же восемь цветов: красный, зелёный, чёрный, синий, фиолетовый, розовый, белый и оранжевый.

Наша группа, с которой Питер знакомит нас, проживает в домиках по правую сторону от дороги, если идти навстречу полигону. В неё входит четверо парней примерно моего возраста, две девчонки, Трейси Кристалл, две девушки с моей школы и шестеро детей, которые ехали с нами в автобусе и среди которых, очевидно, затерялся брат Трейси. Всего пятнадцать человек.

Парни живут в домике под синим флагом. Девушки (Трейси, и остальные четверо) под красным флагом. Шестеро детей, среди которых одни мальчики, в доме под фиолетовым.

Меня же Питер поселил отдельно в самом крайнем последнем домике, чтобы «показать, насколько наше со Стивом положение в лагере выше, чем у остальных». Это для того, чтобы нас слушались. Я что-то сомневаюсь, что это сработает, но предложение жить с остальными девушками меня не привлекало. Стива Брауна заселили в домик напротив моего, единственный, который был свободным.

В итоге мне достался весь домик, который рассчитан на восемь человек, и я даже не знаю, радоваться этому или же нет. В любом случае никто не будет приставать ко мне и доставать с вопросами. Да и переодеться я смогу спокойно и без всяких косых взглядов, хотя те никогда меня не волновали. И я даже не уверена, были ли они вообще.

Первый ознакомительный день проходит гладко. Мы гуляем по лагерю и осматриваемся, ужинаем все вместе в столовой, а вечером ложимся спать. Стива я практически не вижу, потому что он всё время где-то пропадает. Только в столовой его одинокая фигура сидит за самым дальним столиком. Без очков я его так и не смогла рассмотреть.

Ночью я сплю плохо. Постоянно ворочаюсь и пытаюсь привыкнуть к этой ужасной давящей тишине, которую невозможно найти в городе. Звуки сверчков, редкое пение каких-то птиц, шум деревьев, когда внезапный ветер зарывается в их листья, словно пальцами в волосы любовницы. К этому всему нужно ещё привыкнуть...

Я сажусь на кровати, не в силах больше ворочаться, и широко зеваю. На часах около пяти утра. Да, конечно же. В это время я уже бегая по сонному городу. Мой организм даже в лагере пытается следить за тем, чтобы я соблюдала свой режим. Что ж, заснуть я всё равно не смогу.

Я вылезаю из кровати и ёжусь из-за холода. Домик пустует, и тишина охватывает меня своими тисками, заставляя замереть на месте. Я осматриваю идеально застеленные кровати, замечаю на стуле мою скаутскую форму, которую придётся носить все две недели, а потом останавливаю взгляд на чемодане. Для пробежки мне не нужна форма. Мне нужен мой спортивный костюм.

Я вздрагиваю из-за внезапного холодка, скользнувшего по коже, и тянусь к своим вещам. Достая из вороха одежды шорты и футболку, ловко надевая это на себя, затем натягиваю кроссовки и завязываю шнурки. Вот и всё. Беру телефон с наушниками и потягиваюсь.

Надеюсь, я вдоволь набегалась, а потом подремлю ещё пару часиков, иначе буду ходить как зомби и, не дай бог, упущу парочку детей. Хотя это меня волнует в последнюю очередь. Я же не одна должна отдуваться, пусть Стив тоже поучаствует в воспитании.

Я выхожу на улицу и тут же жалею об этом. Холодно. Летнее утро не щадит, и пар вырывается из моего рта, как только я судорожно выдыхаю воздух. Ну, ничего. Сейчас согреюсь.

Я осматриваю домики, в которых мирно спят дети, втыкаю в уши наушники, прячу телефон в карман и выбегаю на дорогу. Роса попадает на мои голени, но я не останавливаюсь и бегу в сторону озера, собираясь сделать пару заходов.

Лагерь спит. Ветра нет, небо кристально чистое, солнце ещё не встало, но его отблески уже появляются на горизонте, предвещая жаркий душный день. Я вздрагиваю — очередная роса попадает на мои ноги, когда я пробегаю по траве, но это не останавливает меня.

Озеро медленно, но верно появляется из-за деревьев. Оно окутано туманом, поглощающим каждый сантиметр глади. Я представляю, насколько ледяной может быть вода, и желание искупаться в ней тут же пропадает. Поверхность спокойная, манящая, словно паутина, но невероятно красивая. Хочется сделать фотографию, но я вспоминаю Трейси и тут же раздумываю. К тому же, если я остановлюсь, то не смогу продолжить бег. Это у меня какое-то проклятие.

Я добегаю до самого края озера, где оно плавно переходит в реку, и, не останавливаюсь, разворачиваюсь, чтобы вернуться обратно. Холод постепенно отступает, оставляя место теплу и сбившемуся дыханию. Я три раза огибаю озеро, прежде чем замечаю чью-то фигуру на спасательной вышке, расположенной у берега. Отсюда я не могу понять, кто это, поэтому мне приходится подбежать ближе.

Это парень. Он сидит на вышке, свесив ноги с края, и, кажется, наблюдает за мной. А, может быть, и просто смотрит на озеро.

Я вынимаю наушники и постепенно перехожу на шаг. Только когда я подхожу к вышке, я узнаю Стива Брауна.

— Чего не спишь? — спрашиваю я, останавливаясь под парнем и смотря вверх.

Стив без очков, но в кепке. На нём вчерашняя куртка и джинсы с кедами, а ещё он периодически щёлкает зажигалкой — пламя то появляется, то исчезает.

— А ты? — я впервые слышу его голос, и у меня создаётся такое впечатление, что он настолько острый, что режет прямо душу. Голос тихий, приглушённый, не низкий и не высокий. Как раз самое то.

— Бегаю, — я пожимаю плечом, наматывая наушники на руку.

Стив сгибает ногу в колене и упирается о выступ, словно собирается встать.

— А я смотрю, как ты бегаешь, — спокойно говорит Браун. — Мне не спалось.

— М, — я неловко бросаю взгляд на озеро, затем снова на парня.

Снизу сложно рассмотреть черты его лица, но он определённо симпатичный.

— Тебе не кажется, что ты слишком изводишь себя? — интересуется Стив.

Я непонимающе хмурюсь, облизывая пересохшие губы. Смотреть на него в таком положении не очень удобно, но просить его спуститься я не хочу, да и подниматься на вышку тоже.

— Почему ты так думаешь?

Браун смотрит на меня, затем пожимает плечом и отворачивается. Его предплечье лежит на согнутом колене, и я заглядываюсь на его руку, в которой продолжает щёлкать зажигалка.

— Ты каждый день бегаешь после школы. Очевидно, по утрам тоже, — парень говорит спокойно. — По-моему, это слишком. Если ты, конечно, не собираешься на олимпийские соревнования. Хотя, судя по тому, что ты не в команде по бегу, это вряд ли. Да и тренера у тебя нет.

Я переступаю с ноги на ногу.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво тяну я.

Меня охватывает лёгкий страх, смешанный с подозрительностью. Стив же не учится со мной в одной школе, я бы точно знала его фамилию. Или хоть раз видела бы его. Да и мы с ним одноклассники. Вроде. У нас хоть какие-то занятия должны совпадать. У нас не так много учеников, а память на лица у меня хорошая. Я практически уверена, что ни разу с ним не пересекалась.

— Мы учимся в одной школе, — безразлично бросает Стив.

— Что? — выпаливаю я. — Погоди. Я тебя ни разу не видела.

Браун вздыхает и лениво поднимается на ноги, после чего хватается за край и ловко спрыгивает, приземляясь в опасной близости от меня. Мы стоим лицом к лицу — Стив выше. У него синие глаза, изящный контур губ, волосы спрятаны за кепкой, и я не вижу их, но они явно короткие. Парень держится рукой за лесенку и внимательно разглядывает меня. Я неловко поправляю выбившиеся из хвоста пряди волос и убираю за ухо.

— Видела, — наконец, говорит он. — Просто не обращала внимания.

Меня неожиданно бросает в жар, и я теряюсь.

— Тебе бы поспать, выглядишь уставшей.

Стив коротко улыбается, а потом разворачивается и направляется в сторону спальных корпусов, оставляя меня в одиночестве стоять рядом со спасательной вышкой. Я пытаюсь собраться с мыслями, но у меня ничего не получается. Какой тут заснуть. Я теперь даже глаза закрыть не смогу.

Что с этим парнем не так? Он... Заставляет меня нервничать.

Ed Sheeran — Don't

Когда я возвращаюсь после пробежки обратно в домик, я не могу заснуть, поэтому решаю сходить в душ и прогуляться, чтобы скоротать время до подъёма. Стив куда-то исчезает, возможно, решает вздремнуть, и я его больше не вижу, хотя жгучее желание исправить это зарождается у меня в глубине души. Любопытство. Я хочу узнать, что это за парень и почему я раньше никогда не замечала его в школе.

В душе холоднее, чем на улице. Я быстро раздеваюсь, забираюсь в одну из кабинок и запираюсь изнутри, чтобы какому-нибудь идиоту не взбрело в голову тоже помыться с утра пораньше. Душ здесь общий. Питер сказал, что сначала водные процедуры принимают девочки, а потом мальчики, но я не собираюсь толпиться со всеми и ждать своей очереди.

Я закалываю волосы и включаю горячую воду, наконец-то согреваясь. Мурашки скользят по коже, и я вздрагиваю, начиная подпрыгивать. Пар поднимается вверх и словно нескончаемый дым заволакивает всё пространство. Я прикрываю глаза и глубоко дышу. Улыбка трогает мои губы — я думаю о том, что давно не чувствовала себя настолько хорошо.

Выключив воду, я вытираюсь полотенцем, а потом обматываюсь им, прежде чем выйти из кабинки. Меня охватывает прохлада, и жгучее желание вернуться обратно под воду охватывает меня, но я решительно подхожу к сложенной на скамейке скаутской форме и одеваюсь. Рубашка без значков, зелёный галстук (знак руководителя) и тёмно-зелёные шорты. Я распускаю волосы и смотрю на себя в зеркало. Выгляжу странно. И нелепо. Моя школьная форма и то лучше. Я расстёгиваю верхнюю пуговицу и поправляю волосы, а потом натягиваю кроссовки, потому что ноги уже начинают замерзать.

Прежде чем отправиться к загону с лошадьми, я отношу остальную одежду в домик и забираю телефон. На часах около семи.

Холодно. Солнце уже выбралось из-за горизонта, но пока что не смогло достаточно прогреть Землю, чтобы я была довольна. Я брожу по окрестностям недалеко от пастбища, всматриваюсь в спокойные деревья, вслушиваюсь в звуки леса и пытаюсь согреть руки в карманах шорт. Здесь спокойно и нет городского шума. Какое-то умиротворение что ли... Даже не знаю, как правильно описать всё то, что я сейчас чувствую. Это невероятно. И лошади, виднеющиеся вдали, тоже невероятно.

Ровно в восемь я слышу громкий сигнал, эхом разлетающийся по лагерю, словно звуки тревоги, и даже пугаюсь. Это как сирена. Нет, это как объявление войны.

Как-то раз во время разговора с отцом по скайпу у него на фоне поднялась боевая тревога, сирена верещала словно сумасшедшая. Тогда враги напали на их базу, и папе пришлось оставить меня. Хорошо, что ничего серьёзного не случилось. Так вот, этот «будильник», как я поняла, сразу же напомнил мне ту тревогу.

Я возвращаюсь в лагерь и натываюсь на Стива, который выходит из своего домика, словно бы ни в чём не бывало. Он без кепки. У него русые волосы и армейская короткая стрижка. Такая же была у моего брата Рори, когда я его видела в последний раз. Очки на глазах. Зеленоватая футболка, шорты. Галстук повязан на левое плечо.

Выглядит он круто.

— А так вообще можно? — спрашиваю я, подходя к парню и кивая на его руку.

Браун поживает плечом.

— Наверное, нет.

Он смотрит на домики, хотя его взгляда за очками я не вижу. Дети ещё одеваются — я слышу голоса и смех в домике рядом. Минуту мы молчим.

— Странный лагерь, — комментирует Стив.

— Почему? — я смотрю на него и замечаю шрам на руке чуть выше места, где обычно режут, чтобы вскрыть себе вены.

— Здесь всего два вожатых, — Стив прячет руки в карманах. — Нет начальства. Дети ходят в чём попало, даже форму не соблюдают. Единственный, кто здесь идеальный скаут — это Дрей. А ещё вчера около часа ночи я видел, как парни из нашей группы сбегали в лес. После отбоя.

— Что? — я удивлённо смотрю на него. — И ты не сказал никому?

Браун вздыхает и смотрит в сторону выходящих из домика детей.

— Это не моё дело, — спокойно тянет Стив. — Да и они все на месте. Питер что сказал? Чтобы утром все были на зарядке и чтобы во время отбоя все были в постелях. А что происходит после отбоя и до подъёма нас касаться не должно.

Я хмурюсь, облизывая пересохшие губы, а потом трясую головой. Ладно. Допустим.

— Пошли, — Стив кивает в сторону выстраивающихся по обе стороны от дороги в шеренгу детей.

В нашей группе их пятнадцать. Я уже вижу Питера, который приближается к нам с противоположной стороны и направляется в сторону своих ребят. Браун лениво вздыхает и первым идёт в сторону вожатого — мой напарник медленно пересекает расстояние, осматривает нашу группу, считая детей, а потом на пятках поворачивается к Питеру.

— Все на месте, — отчитывается парень. — Сэр.

Я фыркаю, улыбаясь. Какой-то парень слева смеётся, а я смотрю на Брауна и узнаю в нём моего брата. Со спины Стив чертовски похож на него, да и в этой скаутской форме, дико смахивающей на военную, он выглядит так, словно находится в армии. Я не знаю, почему, но в последнее время я очень часто вспоминаю Рори, наверное, просто из-за того, что отец скоро возвращается, а он не упускает возможности вспомнить о брате.

Питер оборачивается и скептически осматривает парня с ног до головы, но ничего по поводу его внешнего вида не говорит. Да, Стив прав. Какой-то странный лагерь. Я думала, что здесь будут жёсткие правила и требования, а здесь всё немного не так.

— Зарядки сегодня не будет, — оповещает вожатый, и я слышу возгласы одобрения. — У вас полчаса на водные процедуры. Девушки первые. Через полчаса завтрак, не опаздывайте.

Все начинают разбредаться в разные стороны, а я непонимающе осматриваюсь. Мы со Стивом переглядываемся. А дальше что?

— Что-то случилось? — я подхожу к Питеру.

Он вздыхает и осматривает разбредających детей.

— Нет, всё хорошо, — вожатый качает головой. — Просто у нашего лагеря скоро будет новый владелец, и он хочет превратить его из скаутского в обычный санаторий. В общем... — парень скидывает руками. — Все это знают и делают, что хотят. Так что жду вас на завтраке через полчаса.

— Я же говорил, — Стив подходит ко мне, когда Питер уходит на достаточное

расстояние. — Что-то в этом лагере не так.

— Странно всё это, — бросаю я. — Темнят они.

— Возможно, — Браун хмыкает. — Но там-то не всё равно ли? Побездельничаем две недели и свалим домой. Практика уже в кармане. И санаторий — довольно неплохая идея.

Я пожимаю плечом. Вот вечно, куда бы я не приехала, что бы не сделала, всё идёт через пятую точку. Ну, правда. Словно это я несчастья приношу.

— Пошли, проследим за всеми, а то Питер прицепится.

— Ага.

Я медлю, а потом иду в сторону здания, где расположен душ. Осталось только собрать ребят и пойти на завтрак. Я, признаться, уже сильно проголодалась.

Tokio Hotel — Better

Дни в лагере проходят совершенно не так, как я себе представляла. Я думала о жёстком контроле и различных тренировках. Что там обычно делают скауты? Вяжут узлы и ставят палатки? Я рассчитывала, как минимум, на то, что мне и Стиву придётся пристально следить за всеми, чтобы никто не разбредался и не потерялся, да и за выполнением различных заданий тоже, но вместо этого после завтрака все дети просто разбегаются по своим делам, Стив Браун исчезает из поля моего зрения, Питер вообще куда-то уезжает, и лишь один Дрей ходит по лагерю и следит за порядком.

А я даже не знаю, чем себя занять. Весь день я только и делаю, что избегаю встречи с Трейси. Вместе со Стивом провожаю детей на обед и ужин, а в перерывах брожу по окрестностям и люблюсь природой. Иногда выполняю просьбы вожатых, например, чтобы присмотреть за костром или же за детьми, которые купаются в озере.

Перед подъёмом и после отбоя я бегаяю.

Практически ни с кем не общаюсь, только Трейси иногда пристаёт ко мне с диким желанием поговорить.

Так проходят первые три дня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

***

Я стою в стороне в темноте, прислонившись плечом к дереву, и смотрю на то, как яркое пламя костра освещает небольшую поляну. Ветки потрескивают, словно крича о своей скорой смерти, ведь превращение в угли для них — это неизбежность. Небольшие искорки разлетаются в разные стороны и мгновенно исчезают.

Дети сидят вокруг костра кучками, весело болтают. Недалеко парень играет на гитаре и что-то негромко поёт — двое девчонок сидят рядом и наблюдаю за ним, влюблённо хлопая ресницами. Парень симпатичный, но слишком слащавый. Милая мордашка, да и голос красивый. Кажется, его зовут Джек. Блондин.

Никогда не любила блондинов...

В их компании четыре парнишки, которые вечно ходят вместе. Они моего возраста, из группы, за которой мы со Стивом следим, и я стараюсь с ними не связываться. Я их называю «команда Д», потому что у всех имена начинаются на «Д».

Джек. Дерил. Дин. Джон.

Самый нормальный из них Джон, он и внешне неплох и ведёт себя более-менее прилично. Хотя бы не слышу от него шуточек, направленных в мою сторону, когда я пытаюсь контролировать мелких пацанов, не горящих желанием слушаться меня.

Трейси фотографирует кого-то на фоне костра, к ней подходит Дин, а потом они о чём-то начинают весело переговариваться. Питер стоит в стороне и наблюдает за всеми. Сегодня я спросила его, какие вообще нас ждут планы и будем ли мы проходить обещанные задания, про которые он упоминал в первый день нашего знакомства, но парень ответил мне как-то неопределённо. Сказал, что в ближайшие дни будет учить нас вязать узлы и что-то ещё. А

потом мы обязательно пойдём в поход на несколько дней, где будем ставить палатки и выживать в местных условиях. Мне не нравится эта затея, уж лучше бы мы остались в лагере.

— Скучаешь?

Я вздрагиваю от внезапного голоса, и оборачиваюсь. Стив подкрадывается незаметно, я даже не слышу его шагов.

— Немного, — бормочу я, пытаюсь разглядеть его лицо в темноте, но потом парень подходит ближе, и его охватывает тусклый свет. — Задумалась просто.

— О чём? — Браун останавливается рядом со мной и начинает щёлкать зажигалкой.

Привычка у него такая странная. Я ни разу не видела, чтобы Стив курил, но в его руке вечно находится зажигалка. Обычно такое при нервах бывает, когда ты пальцами постукиваешь или ногой, а он зажигалкой щёлкает, выпуская небольшое пламя огня.

— О лагере, — признаюсь я, снова смотря в сторону костра. — Не так же всё должно быть. Я, конечно, никогда не была в летних лагерях, но всегда думала, что тут разные конкурсы и мероприятия, что нас развлекать обязаны. Работы невпроворот должно быть. А здесь мы делаем, что хотим. Как будто на лето к бабушке приехали.

Стив фыркает. Он стоит рядом в паре шагов справа и тоже смотрит в сторону поляны.

— Забей, — бросает парень. — Вот тебе это надо? Работа вся. Тебе практику и так поставят. Просто отдыхай, делай вид, что следишь за детьми, а сама расслабляйся. Ты ведь не случайно сюда сбежала?

Я смотрю на него, и у меня складывается такое чувство, словно Браун знает всё обо мне, будто он в курсе, почему я сюда приехала. И у меня неожиданно перехватывает дыхание.

— В смысле? — осторожно спрашиваю я.

Он щёлкает зажигалкой и смотрит на огонёк, поднося его к глазам.

— Только не говори, что ты выбрала две недели в этом лагере в качестве общественных работ, потому что дико хотела побыть скаутом и помочь вожатым, — Стив тушит огонь и опускает руку. — У тебя явно были причины уехать из дома. Ты сбежала? От кого?

Я не отвечаю, думаю о маме, смотрю на поляну, вижу, как Трейси с парнем уходят куда-то в темноту деревьев, слышу, как Джек замолкает, а потом начинает исполнять другую песню. Дин пытается вытащить из костра картошку, но у него ничего не получается, и парень начинает громко ругаться. Дрей ругает его.

— Из-за мамы, — зачем-то говорю я. — Я из-за неё уехала.

— А я из-за отца, — бросает Стив.

Мы переглядываемся и обмениваемся робкими улыбками. Я откидываю назад голову и облакачиваюсь затылком о дерево. Теперь я стою лицом к парню и разглядываю его профиль. Браун как обычно небрежно одет, но это наоборот очень круто. Никогда не понимала, как у людей может так получаться. Вроде такая же одежда, как и у меня, но такое огромное отличие. Так же как и Трис, на которой школьная форма смотрится круче, чем на мне.

— Почему я раньше тебя не замечала? — неожиданно спрашиваю я. — В школе. Сколько тебе лет?

— Почти двадцать, — неохотно тянет Стив.

— Двадцать? — я удивлённо вскидываю брови. — Постой, ты тогда должен был выпуститься два года назад. Поэтому я тебя не помню...

Браун снова щёлкает зажигалкой, затем качает головой, наблюдая за костром.

— Я оставался на второй год из-за прогулов, — признаётся парень. — И ещё один год...

Ещё один год я болел. Так что мы учимся на одном курсе.

Я задумчиво хмурюсь, разглядывая очертания Стива. Ему почти двадцать, мне почти восемнадцать. Он старше меня на два года, и он учится на одном потоке со мной, но тогда я бы точно его видела в школе. Если бы у нас учился парень, который пропусти два года обучения, все бы о нём знали. Как же так?

— Я учусь в классе для, скажем, «одарённых» детей, — Стив замечает моё замешательство, когда косится в мою сторону. — Для трудных подростков. У нас занятия отдельно от основного потока, поэтому мы не пересекаемся на уроках. В столовую я не хожу, а во время перемены редко бываю в коридорах, так что поэтому ты меня не замечала. Но мы уже виделись. Точнее, сталкивались. Не раз.

— Вот как, — неловко бормочу я. — Ты не похож на трудного подростка.

Стив поворачивается ко мне лицом и сжимает рукой зажигалку. Между нами всего пара шагов, а я прижимаюсь к дереву. Мы стоим напротив друг друга, и лицо Брауна тонет в полумраке, потому что свет от костра не достигает его.

— А на кого я похож? — тихо спрашивает он.

Я выдыхаю, потому что сердце неожиданно взрывается адреналином. Такое чувство, словно кто-то пускает ток по моим венам. В груди что-то сжимается, и меня резко бросает в жар. Я пытаюсь отвести взгляд от парня, но не могу. Я не понимаю, почему тело подводит меня, потому что даже на вечеринке рядом с капитаном команды, который рассказывал о своих чувствах и пытался меня поцеловать, я себя так не чувствовала. А здесь всего одна фраза, всего один взгляд, и у меня кружится голова.

— На... хорошего парня, — тихо бормочу я.

На хорошо парня? Серьёзно, Эмма? Ты только что это сказала? Не могла придумать ничего нормального?

Стив делает шаг ко мне и поднимает руку, словно собираясь убрать прядь моих волос за ухо или прикоснуться к моей щеке ладонью, но вместо этого то ли оступается на кочке, то ли просто делает вид. Его рука меняет траекторию, а затем предплечье облокачивается о дерево рядом с моей головой. Я перестаю дышать, а Браун, наоборот, выдыхает весь воздух. На мгновение мне кажется, что парень пьян, но это совершенно не так.

Я смотрю на него, и моё сердца так громко бьётся, что хочется раздавить его, чтобы оно хотя бы на секунду замолчало.

Стив делает неопределённо движение, словно не может решить, отстраниться или поцеловать меня, но потом неожиданно подаётся вперёд и касается моих губ.

Кажется, что земля уходит из-под ног, колени подкашиваются, и я вот-вот рухну на траву. Я цепляюсь за его футболку пальцами, пока мы целуемся, чтобы действительно не упасть, но потом Стив немного разворачивается корпусом — его губы скользят по моей щеке, а сам парень исчезает где-то в темноте. Последнее, что я ощущаю, — пальцы его руки, предплечьем которой он облокачивался о дерево, скользнувшие по моим волосам.

Я стою, прислонившись спиной к стволу, и никак не могу унять своё сердце. Что это только что было? И почему, чёрт возьми, он взял и сбежал? Я прикрываю руками лицо, пытаюсь скрыть смущение и совершенно забывая, что в темноте этого всего вообще незаметно. Я осматриваюсь, чтобы убедиться, что нас никто не видел, а потом отстраняюсь от дерева и иду в сторону домиков. Мне срочно нужно пробежаться, чтобы очистить мысли.

Стив Браун. Мы же с тобой все три дня практически не общались. Зачем же ты поцеловал меня?

Я снова бегу. Метр за метром, движение за движением, пока звуки лагеря не теряются где-то позади и не оставляют меня в покое. Дыхание хриплое и сбившееся, щёки горят так, словно кровь внутри меня закипает. Я думаю о Стиве и о нашем поцелуе, и бесконечный стук моего сердца ускоряется до невозможного. В ушах пульсирует, голова идёт кругом, и я не могу сказать, что именно виновато в этом: бег или поцелуй.

Вокруг темнота, и лишь мёртвый свет луны освещает мне дорогу. Так далеко от лагеря я ещё не уходила и, признаться, понятия не имею, где сейчас нахожусь. Непроницаемый мрак деревьев по правую сторону от дороги навевает лёгкий страх — различить можно только очертания кустов и верхушки леса. Воображение разыгрывается в тот момент, когда я слышу звуки совы и ещё каких-то диких зверушек, живущих неподалёку. Я думаю о гризли. Нужно будет спросить у Питера, водятся ли они поблизости от лагеря.

Слева небольшая поляна, огороженная низкой деревянной изгородью. Сначала я думаю, что это загон для лошадей, но потом понимаю, что нет. Может быть, это стрельбище? Вожатый упоминал, что оно находится неподалёку.

Я останавливаюсь, упираясь рукой в бок, и пытаюсь выровнять дыхание. Хочется пить, но у меня с собой ничего нет, потому что я так сильно хотела сбежать подальше от костра и остальных ребят, что совсем не думала о последствиях. Хочется присесть — я глубоко вздыхаю и плетусь к ограде, чтобы облокотиться на неё.

Здесь спокойно. Нет ни шума машин, ни смеха, ни голосов людей, ни телевизора, который мама смотрит по утрам, пока собирается на работу. Только тишина, отдалённые звуки лесных обитателей, лёгкий ветерок и бесконечность ночного неба. Я поднимаю голову и смотрю на звёзды, которые мощным куполом нависают надо мной. В городе такого никогда не увидишь. Кажется, как будто ты в космосе, а не на земле. Словно сама Земля стала космосом, и вот-вот гравитация исчезнет, позволяя мне взлететь вверх и исчезнуть в бескрайних просторах.

Я не знаю, сколько стою здесь, вглядываясь в космос и мечтая раствориться среди звёзд. Я думаю о Рори. В конце августа будет ровно год, как его не стало. Думаю о папе, который сейчас на другом континенте занимается неизвестно чем. Сейчас, там, наверное, день. Возможно, прямо в этот момент отец командует операцией и рискует не только своей жизнью, но и судьбами остальных ребят из отряда. Я молю Бога о том, чтобы увидеть его ещё раз живым.

Мне в голову приходит Нина и Шон. Как у них там дела? Как подруга справляется с новой жизнью и не поддалась ли она уговором матери вернуться в спорт. Не хочу приехать и снова увидеть рыжую в теннисном костюме с ракеткой в руках. И её парень... надеюсь, Шон выходит из комы прямо сейчас, в этот самый момент.

Мил, наверное, развлекается с друзьями по сети, зависая в игры. Трис скорее всего на очередной вечеринке. Майкл Филлинс либо спит, либо отрывается с девчонками где-то на тусовке. Мама... я не знаю, что она делает, и знать не хочу. Наверное, спит. Или гуляет с подругами. Сколько вообще сейчас времени? Думаю, пора уже проверять ребят из нашей группы, чтобы убедиться, что все на месте, но сталкиваться со Стивом у меня нет никакого желания. Я смущена, сломлена и в замешательстве. Не знаю, как реагировать на его

присутствие. Браун справится с работой и один.

Я забираюсь на деревянную изгородь, сделанную из брусьев, и усаживаюсь удобнее. Прислушиваюсь к шуму листвы, своему тихому дыханию и безграничному томному молчанию необузданного леса.

Я тону. Нет, я парю, смотря на звёзды, от которых у меня кружится голова. Я думаю о Стиве Брауне и понимаю, что в тот момент, когда он нарушил моё личное пространство, я ощущала то же самое. Я не понимала, тону я или взлетаю, но у меня определённо дико кружилась голова.

И чем больше я об этом думаю, тем сильнее разливается у меня в груди приятное волнение и трепет. Нетерпение.

Я хочу снова увидеть этого парня, но понятия не имею, как вести себя рядом с ним. Нина права. Я полный ноль во взаимоотношении парней и девчонок. У неё хотя бы мальчишки были, Шон, например, а я за всеми своими проблемами вообще даже не думала о том, чтобы начать с кем-то встречаться.

Я сижу долго, пока пальцы не начинают замерзать, а мелкая дрожь не скользит по моему телу, исчезая где-то в глубине меня. Спрыгнув с изгороди, я возвращаюсь на дорогу и иду обратно в лагерь, надеясь, что меня не хватились и не начали искать по окрестностям с собаками, хотя я не уверена, что они у них есть.

Я не бегу. Просто медленно иду по пустой дороге, задумчиво смотря себе под ноги и надеясь, что луна не скроется за облаками. Не хочу лишиться единственного источника света, я ведь даже телефон с собой не взяла, не то что фонарик.

Когда я, наконец, замечаю впереди очертания домиков, то облегчённо вздыхаю. Оказывается, я довольно далеко убежала от лагеря — путь домой занял куда больше времени, чем я планировала. Костёр уже затушили, дети разбрелись по своим домам и теперь мирно спят в своих постелях, по крайней мере, я на это надеюсь, на улице никого нет.

Я устала. И не потому что пробежала огромное расстояние, а из-за всех мыслей, которые навалились на меня сегодня, и сейчас единственное, чего я хочу, это лечь в постель и забыться сном, в тайне надеясь, что не проснусь сегодня в четыре утра, потому что моё тело и психика жаждет устроить для меня очередную пробежку.

Когда я подхожу к своему домику, замечаю на крыльце чью-то фигуру. Человек стоит ко мне спиной, облокотившись о перила, и курит — я вижу тусклый огонёк, мерцающий во мраке, словно светлячок. Сначала я думаю, что это Питер дожидается меня, чтобы отчитать за то, что я так просто сбежала и даже не проследила за тем, как группа легла спать, но, когда я подхожу ближе, я понимаю, что это не Питер.

Это Стив Браун.

И он курит на крыльце моего домика.

Трава шелестит у меня под ногами, затем гравий тихо пощёптывает в тишине, когда я добираюсь до дорожки. Всё это время я не отрываю взгляда от парня — часть меня умоляет, чтобы я развернулась и ушла, но я этого не делаю.

Стив оборачивается, услышав шаги.

— Думал, испугалась и сбежала насовсем, — шутит он.

Парень подносит сигарету к губам, затягивается — огонёк на кончике никотиновой палочки загорается ярче, а потом слегка затухает, словно отступая, — а затем поворачивается ко мне лицом, облачиваясь спиной о перила.

Я останавливаюсь перед крыльцом и обнимаю себя руками — между нами пара метров, и я не вижу его лица из-за темноты. Только очертания. Становится неловко.

— С чего бы? — не понимаю я.

Стив пожимает плечом — я внимательно слежу за огоньком его сигареты, который то оказывается у его губ, то опускается к талии.

— Ты исчезла, — констатирует факт Браун. — Мне пришлось самому проверять группу. Питер не знает.

— Да ему всё равно плевать, — фыркаю я, опуская голову и, наконец, отрываясь от манящей точки. Чувствую себя мотыльком, летящим на испепеляющую лампу.

— Это точно, — парень не смеётся, хотя я готова поклясться, что в темноте различаю его улыбку. — Где была?

— Бегала, — отмахиваюсь.

Мне становится прохладно, и я ёжусь, когда противный ветер заползает под мою рубашку. Я не знаю, чего хочу больше: зайти внутрь и лечь спать или же остаться на улице и поболтать с Брауном.

— Долго, — не отстаёт Стив.

Он тушит сигарету о перила и выбрасывает окурочек в траву. Огонёк исчезает, и мне становится не по себе.

— Просто далековато убежала.

Я топчусь на месте, опуская голову, затем осматриваюсь, словно пытаюсь отыскать любопытных, которые в тайне могут следить за нами, но натываюсь только на темноту. Она везде, и даже фонари, освещавшие дорожку к главным зданиям, отключены.

— А ты что здесь делаешь? — я всё-таки подхожу к двери, давая понять, что собираюсь отправиться в кровать. Расстояние между нами сокращается до нескольких шагов. — Ждёшь меня?

— Типа того, — Стив не двигается, но я точно знаю, что его синие туманные глаза направлены прямо на меня.

Он в кепке и в скаутской форме — я вижу очертания его галстука, повязанного на руке. Парень щёлкает зажигалкой, и тусклый свет добирается до его лица, но огонь тут же гаснет.

— Просто хотел убедиться, что ты не заблудишься в лесу и вернёшься домой, — поясняет Браун.

Я вскидываю руками, мол, вот она я. Пришла как миленькая.

— Ладно, — мне неловко. — Спасибо. Извини, что пришлось ждать, — я делаю шаг к двери, потому что последствия разговора в темноте с парнем, с которым я недавно целовалась, меня дико пугают. Я хочу сбежать, в прочем, как и всегда во всех непонятных ситуациях, в которые я попадаю. Я постоянно от чего-то бегу. И вот сейчас, стоя напротив парня, который вызывает во мне странные смешанные чувства, я еле сдерживаюсь, чтобы не сорваться с места и не закрыться за дверью спального домика. — Я пойду...

Хватаюсь за ручку и поворачиваю её, уже приоткрывая рот, чтобы пожелать Стиву спокойной ночи, но Браун неожиданно отталкивается от перил, преодолевает расстояние между нами и оказывается рядом.

— Эмма... — я отшатываюсь и натываюсь на стену.

Парень облокачивается рукой рядом с дверью, отрезая мне пути к отступлению. Внутри меня что-то взрывается и растекается по телу приятной волной, словно внезапная буря, которая проникает в меня со всех сторон. Хотя, нет. Не так. Она, наоборот, зарождается

внутри меня и неистовы пытается вырваться на свободу.

— Прости, что сбежал, — бормочет Стив.

Я не знаю, что мне делать, поэтому всем телом прижимаюсь к стене. Даже мои ладони намертво прилипли к деревянной поверхности, не горя особым желанием расставаться с ней.

— Да ничего страшного, — мямлю я.

— Ты мне нравишься, — тихо и навязчиво говорит Стив. — Давно нравишься, — чувствую его пальцы на моей макушке, которые осторожно касаются моих волос. — И я... — парень осекается. — Я очень сильно хочу поцеловать тебя... — он выдыхает это мне в губы, прежде чем впиться в них поцелуем.

Колени снова подкашиваются, и я практически не чувствую их. Земля уходит из-под ног, всё кружится и взрывается на миллиарды осколков, словно бомбы. И лишь наш поцелуй кружится в центре этого хаоса, который не способен дотронуться до нас.

— Это безумие, — шепчу я сквозь поцелуй, пытаюсь найти хотя бы одну причину, чтобы оттолкнуть Стива и сбежать отсюда.

— Согласен, — парень запускает руку мне в волосы, и я готова мурлыкать, словно кошка от удовольствия.

Он снова целует меня, затем прикасается губами ко лбу и отстраняется.

— До завтра, Эмма Вудс, — я чувствую в его голосе улыбку, и мне даже кажется, что я вижу её в темноте.

— До завтра, Стив Браун, — голос дрожит, но я собираю все силы, чтобы исправить это. — Увидимся утром.

Я решаюсь и делаю шаг к нему, целуя напоследок, а потом поспешно скрываюсь в домике и прислоняюсь спиной к двери, пытаюсь унять своё дыхание. Такое чувство, словно я пробежала несколько километров, вот только удовольствия получила гораздо больше. Закрываю ладонями лицо, скрывая смущение, а потом выглядываю в окошко, замечая фигуру парня, который направляется к своему домику. Я наблюдаю за ним до тех пор, пока Стив не исчезает из виду, а когда забираюсь в кровать, то понимаю, что всё это время глупо улыбалась.

Стив Браун. Кажется, я по уши влюбилась в тебя!

На следующий день, после того как заканчивается обед и дети разбегаются по своим делам, чтобы избежать пристального внимания вожатых, Стив хватает меня под руку и куда-то уводит. До этого момента мы лишь обмениваемся улыбками и редкими двусмысленными фразочками, значение которых понять можем только мы двое.

На парне всё тот же скаутский костюм и очки, и когда я смотрю на него, думаю, что нет на свете человека идеальнее Стива Брауна.

— Куда мы идём? — интересуюсь я.

— Это секрет.

Мы направляемся в сторону загона с лошадьми и плетёмся дальше по дороге, как раз туда, куда я вчера убежала. Сейчас день, и густая чаща по правую сторону кажется уже не такой пугающей, как ночью. Солнце ослепляет, и я щурюсь, когда поднимаю голову в сторону безоблачного неба. Душно, тело покалывает из-за жары, хочется пить.

Вскоре мы сворачиваем на небольшую тропинку, которая незаметно уходит влево, и друг за дружкой плетёмся в сторону деревьев. Я иду следом за Стивом и рассматриваю его спину — плечи чуть опущены, шея покраснела из-за солнечного ожога, на футболке небольшие круги от пота. На левом плече чёрный рюкзак. Я улыбаюсь себе под нос, борясь с желанием обнять Брауна со спины и прижаться к его раскалённому телу.

Мы идём минут десять, уходя всё дальше и дальше в лес. Деревья плотнее обступают нас, словно пытаюсь окружить, но извилистая тропинка не позволяет им этого сделать. Я осматриваюсь, поднимаю голову, замечая на одной из веток какого-то зверька, наблюдаю за тем, как птицы шумно поднимаются в небо, услышав наши шаги.

Мы молчим, но прекраснее этого сейчас и быть ничего не может.

А потом деревья резко расступаются, и я слышу где-то шум воды. Ещё через несколько секунд Стив Браун останавливается, а когда отступает в сторону, я вижу речку со слабым движением. Слева на небольшом утёсе ива — её ветви настолько низко наклонены, что прикасаются к холодному потоку, словно нежные пальцы к телу любовника. Здесь тень и не так жарко, как в лагере.

— Я нашёл это место, когда бродил по округе, — говорит Стив, оборачиваясь, чтобы посмотреть на мою реакцию. — Недалеко отсюда полигон, про который говорил Питер.

Я подхожу ближе, осматриваясь, и улыбка трогает мои губы. Здесь невероятно красиво! Не знала, что поблизости есть такие крутые места, и как вообще Стив умудрился отыскать его?

— Здесь классно, — говорю я, поворачиваясь к парню. — Это, наверное, одно из ответвлений озера. Интересно, кто-нибудь ещё знает об этом месте?

— Судя по протоптанной тропинке, то да, — смеётся Стив.

Он снимает рюкзак и достаёт оттуда покрывало, после чего стелет его в тени ивы, чтобы противное солнце не смогло добраться до нас.

— Ну, да. Логично, — становится стыдно, что я сама не смогла догадаться о подобном, ведь это же так очевидно.

Я спускаюсь к реке. Она прозрачная и манящая, так и хочется снять с себя одежду и нырнуть, сбежав от палящих надоедливых лучей, а когда я сажусь на корточки и опускаю

руку в воду, меня пробирает дрожь. Ледяная вода вонзается в мою кожу и проникает в самые потаённые уголки сознания, и это всё так будоражит меня, что я вот-вот готова наклониться вперёд и упасть в объятия непрерывного потока.

— Эмма, — я слышу голос Стива и оборачиваюсь.

Парень сидит на покрывале, вытянув ноги и облокотившись руками позади себя, и смотрит на меня. Очки теперь находятся на его голове. Я не могу оторвать от него взгляда, но почему-то мысль о том, чтобы подняться и сесть рядом с Брауном, немного пугает. Я всё ещё не могу осознать, каково это — испытывать к кому чувства. И что вообще нужно делать в этой ситуации.

Но, в конце концов, я поднимаюсь на ноги, взбираюсь на утёс и подхожу к парню.

— Я взял пепси, — он склоняет голову — я вижу две бутылки газировки рядом с ним. — Нёс в пакете со льдом, так что ещё холодная.

— М, круто.

Я сажусь рядом с ним не слишком близко, но и не чересчур далеко и хватаю бутылку. Она действительно холодная — это то, что мне сейчас надо, чтобы удержаться от желания прыгнуть в реку.

Я делаю несколько глотков, чувствуя, как ледяной напиток скользит по гортани в сторону желудка, и с наслаждением выдыхаю. Закрываю бутылку и кладу её рядом с собой, а потом сажусь в такую же позу, что и парень. Вскидываю голову, щурюсь от мелькающих лучей, которые играют в ветвях дерева, и немного улыбаюсь.

— Так, что ты имел ввиду, когда сказал, что я давно тебе нравлюсь? — спрашиваю я, вспоминая наш вчерашний поцелуй.

Я склоняю голову, чтобы посмотреть на Стива, но он упорно наблюдает за потоком воды. На его носу скапливаются капельки пота, и я думаю, что это чертовски мило.

— Я же говорил, что мы с тобой сталкивались в школе, — отвечает Браун.

— То есть, ты увидел меня в школе, и я тебе понравилась? — он кивает. — Почему тогда не подошёл?

Браун пожимает плечом.

— Думал, что ты не захочешь общаться с парнем из класса, где учатся трудные подростки.

— Но сейчас то я общаюсь.

— Здесь обстановка другая, — смеётся Стив, а потом смотрит на меня. Мгновение он молчит, а когда я уже готова смущённо отвести взгляд в сторону, спрашивает. — Расскажи о своей семье. Почему ты здесь?

Я прокашливаюсь, поджимаю губы и смотрю на реку. Не люблю об этом говорить, потому что считаю, что со стороны это выглядит, словно я жалуясь. А я не хочу, чтобы меня жалели.

— Мама преподаёт игру на виолончели, — говорю я. — Отец военный, служит по контракту за границей, сейчас находится где-то в зоне боевых действий. И я. Больше никого нет.

— Не ладишь с мамой?

Я незаметно кривлюсь, чувствуя, как внутри меня нарастает напряжение. Даже не помню, когда я в последний раз говорила с кем-то незнакомым о своих родителях. Мои подруги знают, что за дичь творится у меня в семье, но остальные даже не догадываются.

— Да. У нас с ней отношения по наклонной пошли, после того, как мой брат погиб на

войне. С тех пор мы друг друга не замечаем, поэтому я и уехала сюда. Не смогла бы с ней наедине провести все каникулы. Как раз, когда вернусь, отец приедет домой.

— У тебя был брат? — не отстаёт Стив.

Я секунду молчу. Внутри меня лёгкие сжимаются и иссыхают, наполняя мою душу болью, и я чувствую, как скользкая змея крадётся прямо к моему сердцу.

— Старший. Рори. Он погиб на глазах у отца, — механически отвечаю я.

Мне неожиданно становится холодно, и я чувствую, как всё внутри начинает дрожать. Мне кажется, что я разговариваю сама с собой и что рядом никого нет.

— Каково это? — голос парня тихий и навязчивый. — Быть рядом с теми, кто постоянно рискует своей жизнью где-то за океаном?

Я долго не отвечаю. Достаточно долго, чтобы показать Брауну, что это неприятная тема для разговоров. В тайне я надеюсь, что он извинится передо мной, как все нормальные люди, и отстанет с расспросами, но Стив совершенно нетактичный. Он молчит, и я прекрасно понимаю, что мне так и так придётся ответить на поставленный вопрос.

Я набираю в грудь воздух и медленно выдыхаю. Мозги плавятся, мысли разбегаются в разные стороны, сердце бухает так больно, что хочется стонать.

— Страшно, — признаюсь я. — Каждый раз, когда какая-нибудь машина тормозит возле твоего дома или когда ты идёшь открывать дверь, чтобы впустить гостя, ожидаешь увидеть военных в парадной идеально выглаженной форме с множеством медалей и наград на груди, в белоснежных ослепляющих перчатках и в такой же фуражке. Слово только что сошедших с экрана телевизора. И как только ты их увидишь, ты уже знаешь, зачем они пришли. Им даже говорить ничего не нужно будет, ты сам всё поймёшь, как только твой взгляд упадёт на их безупречную форму. Если они окажутся на пороге твоего дома, значит, кто-то мёртв. И других вариантов быть не может, — я замолкаю, пытаюсь прогнать ноющую боль в груди. — Год назад они приходили, чтобы сообщить о гибели Рори. И я боюсь, что они снова придут к нам из-за папы.

Я окончательно замолкаю, больше не собираюсь что-либо говорить на эту тему. Вода переливается из-за лучей солнца, и я прищуриваюсь. Набираю в лёгкие воздух и медленно выдыхаю его.

Мне становится легче. Определённо. Я ещё ни разу никому не говорила об этом, и сейчас, когда я вот так просто высказала самые сокровенный страхи совершенно незнакомому человеку, я испытала облегчение, словно давно прятаясь внутри меня тайна, день за днём вгрызающаяся в душу, наконец, вырвалась на свободу. Мне хочется плакать, но не от печали или потери, а от свободы.

— А твои родители? — спрашиваю я, чтобы перевести тему и больше не затрагивать её.

Я смотрю на Стива и вижу, как он задумчиво смотрит вверх на ветви ивы, мерно трепещущие на ветру. Парень словно в трансе, и я сомневаюсь, что он слышал мой вопрос.

— Стив... — шепчу я.

Его веки вздрагивают.

— Моя мать умерла, когда мне было лет одиннадцать, — отвечает Браун. — Отец женился через несколько лет на другой. Он тюремный надзиратель. Она психиатр. У неё есть дочь от прежнего брака. После смерти матери я не особо с отцом ладил, а с мачехой тем более. Если честно, я здесь не только из-за отца, — он поворачивает голову в мою сторону, и мы встречаемся взглядами. — Увидел твоё имя в списке, решил тоже записаться.

Я теряюсь — внутри меня снова разливается тепло, перекрывая воспоминания о брате.

Я немного улыбаюсь, отвожу взгляд в сторону, затем снова смотрю на парня, который слегка хмурится, когда смотрит на мои губы. А потом он подаётся вперёд и целует меня, и я забываю обо всём на свете.

Стив двигается ближе ко мне, запускает руку в волосы и углубляет поцелуй. Это длится чертовски долго — его пальцы скользят по моему телу, то задирая низ рубашки, то просто неподвижно оставаясь на бедре. Мы целуемся пока наши губы не начинают неметь, а когда дыхание сбивается и предаёт нас, Браун притягивает меня к себе за талию, и я кладу голову ему на плечо.

И в этот момент во всей вселенной есть только я и он. И больше никого.

LuHan — Lu

— Что ты собираешься делать после выпуска?

Мы лежим на спине и смотрим на солнце, играющееся в ветвях ивы, которая шепчет нам, насколько сегодня удушающе и невыносимо жарко. Стив переплетает наши пальцы рук и изредка поглаживает мою кожу — из-за жары ладони быстро потеют, и мне становится немного стыдно за это. Хочется спуститься к воде и ополоснуть их, но я просто лежу и вслушиваюсь в звуки леса, тихий голос Брауна и шелест листвы.

— Я не знаю, — признаюсь я.

Я действительно без понятия, куда буду поступать и чем хочу заниматься после окончания школы. Точно не музыкой, как моя мама, и вряд ли ринусь в военную сферу, как отец. Хотя, когда-то давно, ещё до смерти Рори, я мечтала, что буду служить вместе с папой. Его месяцами не было дома, и я жутко скучала по нему. И тогда я начала воображать, как нахожусь на его базе среди его солдат, как держу в руках оружие, надеваю форму, отдаю честь командирам. Мы с ним постоянно проводим время вместе, а когда наступает момент отправляться на задания, я прикрываю его. Спасая от врагов, от случайных выстрелов, вытаскиваю из передраг. Иногда я даже фантазирую, как умираю, спасая его жизнь. Но вместо меня всем этим занимался мой брат, и я чертовски ему завидовала. Он проводил с отцом больше времени, чем кто-либо из нас, но даже это не стоило того, что с ним случилось.

Возможно, в следующем учебном году я выберу один из колледжей, которые предложат мне учителя, поступлю туда, и в самый последний момент определюсь со специальностью. Кем я хочу быть, когда вырасту? Кем хочет быть Эмма Вудс, когда повзрослеет?

— А ты?

Стив молчит. Он всегда долго думает, когда я спрашиваю о чём-то, что связано с его жизнью, словно тщательно выбирает каждое слово, чтобы не сказать чего-то лишнего. Будто не хочет рассказывать ничего о себе.

— Я бы хотел поступить в полицейскую академию, — задумчиво тянет парень. — Но в моём случае это нереально, так что я тоже не знаю. Может быть, пойду сразу работать. А может уеду подальше отсюда. Никогда не знаешь, что ждёт тебя завтра.

Я задумчиво хмурюсь. Из-за жары мысли становятся тягучими и липкими, словно мёд, обволакивающий мои мозги, и я до меня долго доходит смысл слов парня. Краем глаза я вижу, как он поднимает руку, будто пытаюсь дотронуться до ветвей, щёлкает зажигалкой и смотрит на огонь. Небольшое пламя дрожит из-за лёгкого ветра, но не гаснет.

— Ну, да, — бормочу я. — Ещё целый год впереди. Есть время подумать.

Я поворачиваю к нему голову и начинаю разглядывать профиль. Стив улыбается уголками губ, когда смотрит на огонь, он дышит прерывисто и редко из-за духоты, его грудь то поднимается, то опускается. Я скольжу взглядом по его торсу и цепляюсь за ворот футболки. Я долго вглядываюсь в слегка покрасневшую кожу на шее, пока не замечаю еле выглядывающий из-под ткани шрам на правой ключице. Шрам дико смахивающий на ожог.

Я переворачиваюсь на бок и поднимаюсь на локте, нависая над Брауном. Он медленно переводит на меня взгляд, но руку с зажигалкой не опускает. Я медлю, а потом хватаюсь за ворот его футболки и немного оттягиваю вниз. Да, точно. Это шрам от сильного ожога. И он уходит вниз по телу на неизвестное мне расстояние.

— Это был ты, — прерывисто говорю я, пытаюсь совладать со своим голосом и заставить его не шептать. — Это ты спас меня на улице, когда я чуть под мотоцикл не угодила.

Я вспоминаю, как мы с Ниной шли домой после школы, как я рассказала ей про то, что собираюсь в лагерь на две недели, как почти что не угодила под колёса на светофоре. Тогда какой-то парень в кепке и в очках потянул меня назад, и у него был шрам, выглядывающий из-под футболки. Я тогда ещё подумала, что это был мой брат.

Стив внимательно смотрит на меня, затем гасит зажигалку и опускает руку. Я жду его ответа, и сердце бухает в моей груди, словно сумасшедшее. А вдруг я ошибаюсь? Вдруг я просто обозналась? Мало ли сколько парней ходит по городу со шрамами от ожогов...

— Да, это был я, — его голос тихий и спокойный. — Я возвращался со школы после занятий. И это был один из тех случаев, когда мы с тобой пересекались лицом к лицу.

Мои веки дрожат, когда я смотрю в синие глаза Брауна. Могла бы я подумать тогда, что меньше чем через месяц я по уши влюблюсь в парня, который спас меня на пешеходном переходе?

— И много было таких случаев? — с придыханием спрашиваю я.

— Достаточно.

Я пытаюсь вспомнить, когда ещё у меня были подобные стычки с этим парнем, но у меня ничего не получается. Вот хоть убей, я не помню его. Он словно один из прохожих, лица которых мелькают перед моими глазами и исчезают через несколько секунд из памяти, но сейчас он стал больше чем просто прохожий. Теперь то я уж точно буду помнить каждую нашу встречу, каждый взгляд, каждое прикосновение. Я буду помнить всё.

Я нагибаюсь и целую Стива, пока он сам этого не сделал, а потом резко отстраняюсь.

— Откуда у тебя шрам? — вырывается у меня.

Браун еле заметно кривится.

— Несчастный случай. Пять лет назад. Ничего такого, — парень улыбается.

Он замечает мой взгляд, когда я смотрю на его грудь, и, наверное, понимает, что я хочу попросить его показать шрам, но я этого не буду делать, как бы мне не хотелось. Это некрасиво. Как минимум. И, наверное, Брауну будет неприятно начинать этот разговор, а уж тем более показывать мне ожоги.

Стив вздыхает и приподнимается на локтях, заставляя меня отстраниться. Он садится и решительно стаскивает с себя футболку — очки, всё это время находившиеся на его голове, падают на покрывало.

Я с замиранием наблюдаю за парнем — он откладывает в сторону вещь и смотрит на меня, а я не могу оторвать взгляда от ожога, ужасной паутиной расплзающегося по всему правому боку Брауна. Шрам захватывает грудь и часть живота. Возможно, даже уходит вниз на бёдра. Когда Стив немного меняет положение, чтобы показать мне спину, я вижу, что ожог уходит на поясницу. Половина его спины от лопатки до талии, правый бок и часть груди покрыта страшным ожогом.

Я не знаю, что мне сказать. Это должно быть был чертовски ужасный несчастный случай, раз оставил на теле такой след.

Стив сидит ко мне спиной — я осторожно приближаюсь к нему и немного трусливо прикасаюсь кончиками пальцев к лопатке. Кожа сморщенная, покрытая буграми, имеет отчётливый розово-красный оттенок, из-за чего шрам выделяется ещё больше.

— Из-за этого ты лежал в больнице, когда пропустил год в школе? — тихо спрашиваю я.

— Типа того.

Его плечи опущены. Стив тянется к рюкзаку, достаёт из бокового кармана пачку с сигаретами и прикуривает. Я нагибаюсь и целую его лопатку, словно показывая, что мне всё равно на его шрамы и дефекты тела.

— Это был пожар? — шепчу я. — Или...

— Да, это был пожар, — его голос становится холодным, и внутри меня что-то лопается. — Это было давно. И это была моя вина. Шрамы не стал сводить, как напоминание, чтобы больше не повторить такого.

Браун затягивается, и я наблюдаю, как его лопатки расправляются, словно взмахи крыльев.

— Хочешь перекусить? Я взял бутерброды, — парень снова тянется к рюкзаку и достаёт оттуда пакет, намекая мне тем самым, что разговор про его ожог закончен.

— Да, конечно, — улыбаюсь я.

Я забираю у него из рук пакет и сажусь к нему боком, плечом к плечу, но так, чтобы наши ноги смотрели в разные стороны. Стив выбрасывает окурок и надевает футболку — я кладу голову к нему на плечо, когда парень замирает. Его пальцы трогают мои волосы, и я немного улыбаюсь.

— Дождик будет, — бросает Браун.

— С чего взял? — я смотрю на небо, где палящее солнце властвует среди редких облаков. Нет и намёка на осадки.

— Интуиция...

Я улыбаюсь себе под нос и кусаю бутерброд, затем протягиваю пакет парню, чтобы он тоже перекусил. Молчание затягивается, но это именно то, что сейчас нужно. Просто сидеть и наслаждаться моментом, наслаждаться близостью и прикосновениями, пока не настанет время возвращаться в лагерь. Возвращаться к жизни.

Syd Matters — To All Of You

Ночью действительно начинается ливень. Он барабанит по крыше моего домика, словно сумасшедший, пытаясь разнести в клочья преграду и добраться до меня. То стихает, то с новой силой обрушивается на лагерь. Ветер буйствует, теребит деревья, которые в ответ истязают стены и крышу домика, будто злясь на кого-то, гроза нависает прямо над нами. Раскаты грома эхом проносятся над лесом, редкие вспышки молнии вдалеке пугают.

Сегодня точно не до пробежек.

К подъёму дождь стихает, но не прекращается, и когда противная сирена вонзается в мои мозги, направляясь прямо к сердцу, мне приходится выбраться из постели и привести себя в порядок. Завтрак никто не отменял, и мне вместе со Стивом придётся вести группу в столовую прямо под дождём. У меня нет зонта. И я не уверена, есть ли он вообще у кого-то здесь. Когда я собиралась в лагерь, я не подумала о том, что погода может испортиться.

Я не сплю уже пару часов. Не только из-за привычки бегать по утрам, но и из-за грозы. Находиться одной в домике было немного страшно, и я всю ночь боролась с желанием выскочить под ливень и спрятаться в объятиях Стива. Думаю, это было бы слишком.

Я надеваю поверх скаутской рубашки толстовку и направляюсь к двери. Открывать её совсем не хочется, но у меня нет выбора — я распахиваю преграду, морщась от холодного ветра, и выхожу на крыльцо. На улице пусто. Я замираю возле перил под навесом, облакачиваюсь на них предплечьями и смотрю в сторону главных зданий. Отсюда я вижу часть озера — вода беспокойная и бурлящая из-за дождя, словно закипающий чайник. Я вслушиваюсь в стоны травы и листья, прогибающихся под натиском капель, с наслаждением вдыхаю в себя запах сырости и улыбаюсь.

Всё-таки это то, что нужно. Жара уже надоела, духота приелась и больше не приносит удовольствия, солнце теперь не раздражает.

Я слышу, как открываются двери домика напротив, и поворачиваю в ту сторону голову. Стив Браун замирает на крыльце. Его руки спрятаны в карманах чёрной распахнутой толстовки, на голове капюшон и кепка, очков нет. Я поднимаю руку и машу ему в знак приветствия, но то ли парень не видит меня, то ли не хочет отвечать мне взаимностью. Он опускает голову, достаёт зажигалку, словно собираясь прикурить, но потом убирает её обратно в карман.

Теперь его скаутский галстук небрежно повязан на шее.

Стив несколько секунд стоит на одном месте, а затем натягивает капюшон на голову ещё сильнее и выходит из-под навеса. Я внимательно наблюдаю за тем, как Браун переходит через дорогу, срезает путь и идёт ко мне по траве. Он не ускоряется из-за дождя, словно бы вовсе не замечая его. Я не вижу лица парня, пока тот не останавливается рядом со мной.

— Привет, — его голос заставляет меня улыбнуться.

— Привет.

Стив подходит ко мне и легко целует, одной рукой схватившись за перила, а вторую положив мне на талию. Я просовываю руки под толстовку и обнимаю его. Такое чувство, что мы с ним не виделись целую вечность, а не несколько часов. Внутри всё трепещет, и я готова

порхать, словно обезумевшая птица.

— Ты был прав на счёт дождя, — говорю я, когда Стив отстраняется.

— Конечно, — фыркает парень. — Я чувствителен к изменению погоды.

Я утыкаюсь носом в его шею и вдыхаю еле заметный запах духов. Небольшая щетина колет меня в щёку, но я лишь улыбаюсь. Не хочу отпускать его, не хочу снова лишаться его тепла. Я променяла бы всё на свете, лишь бы провести вечность в его объятиях.

— Эмма, — Стив целует меня в макушку. — Ты не представляешь, как чертовски мне нравишься.

Я тихо выдыхаю, забывая, как дышать. Голова идёт кругом, и я не могу контролировать свои эмоции.

— И ты, — тнусь носом о его скулу. — Тоже мне очень, — вдыхаю его запах, осекаюсь. — Очень нравишься, — наконец, завершаю свою мысль, буквально вырвав её из круговорота остальных слов.

Стив снова целует меня, и чувствую, как ноги подкашиваются. В груди так больно, что хочется стонать, но это приятный дискомфорт, словно бы во мне не хватает места всем эмоциям, которые я испытываю, и они пытаются вырваться на свободу, разорвав меня изнутри. Я хочу быть ближе к Брауну, но объятий недостаточно. Всё это не то. Я хочу забраться к нему в грудь и свернуться клубочком возле сердца, чтобы Стив всегда носил меня внутри себя, чтобы каждое мгновение быть рядом с ним, и от невозможности этого я задыхаюсь. Мне не хватает воздуха. И мне кажется, что я никогда не смогу насытиться этими поцелуями, которые вскружили мне голову.

Я слышу, как двери других домиков начинают открываться, и распахиваю веки. Стив словно читает мои мысли, и поспешно отстраняется. Я краснею. Смущённо улыбаюсь, смотря на парня. Тот бросает взгляд мне за спину, где дети начинают скапливаться на крыльце, не горя особым желанием выходить под дождь.

Я вдруг понимаю, что не хочу, чтобы кто-либо знал о моей связи со Стивом. Особенно Трейси. Хочу, чтобы это балы наша тайна, секрет, который никому нельзя рассказывать. Хочу, чтобы никто о нас не знал и не смог всё испортить. Как Трис портит всё Нине. Или как Нина подталкивает меня к чему-то плохому.

— Пора сопроводить деток в столовую, — шутит Стив.

— Ага.

Я улыбаюсь и оборачиваюсь. Питера нигде нет. Да и Дрея тоже. Ребята стоят на крыльце, и лишь одна Трейси выходит на дорогу, укрываясь под своим розовым зонтом с принтами. Она решительно направляется в сторону главных зданий, даже не дожидаясь, пока мы со Стивом проверим, все ли на месте.

— Пошли, — парень легко толкает меня в плечо и решительно выходит под дождь. Он не сильный, но всё равно неприятный.

Я следую его примеру, убираю назад намокающие волосы и плетусь за Брауном. Это круто — находиться под дождём рядом с ним и вспоминать его прикосновения, поцелуи, шёпот. Я улыбаюсь и поднимаю голову вверх, подставляя лицо каплям.

— Все в столовую! — кричит Стив, но его слова почти тонут в шуме дождя. — Примете душ по дороге!

Дети первыми приходят в себя — они расталкивают старших и выбегают на улицу, начиная громко смеяться и бегать кругами, а следом за ними из-под навесов выбираются и другие ребята. Я вижу недовольных девчонок, взвизгивающих из-за воды, которые стремят

бросаются в сторону главных зданий. Парни подшучивают над ними, а затем бегут следом, начиная издеваться.

Мы со Стивом идём позади плечом к плечу, и мне дико весело. Я счастлива! И я смеюсь, издаю победный клич и раскидываю руки в стороны, делая пару оборотов. Моя одежда, волосы, лицо — всё промокло из-за дождя, но я радуюсь этому. Даже не помню, когда в последний раз я испытывала такое удовольствие от простого дождя. Обычно в такую погоду я сижу дома, жалея о том, что не могу пробежаться перед сном, делаю домашнюю работу и скучаю.

Когда все ребята скрываются за поворотом, Стив неожиданно хватается меня за локоть и останавливает — я не успею сообразить, что к чему, как парень впивается в мои губы поцелуем. Вода омывает наши лица, заползает за шиворот, попадает в рот, и я буквально ощущаю сквозь поцелуй её привкус.

— Ты прекрасна, — Браун улыбается и убирает взмокшие волосы с моего лица назад.

Я смущённо стучаю его ладонью по груди, а потом отталкиваю в сторону и бегу вслед за остальными детьми, пока кто-либо из них не решил вернуться и не увидел нас. Щёки горят. Нет. Они пылают. И мои губы сводит из-за улыбки, которую я пытаюсь спрятать, когда вбегаю в столовую.

Это невероятно. Это действительно чертовски невероятно!!!

the neighbourhood — born to burn

Дождь не прекращается. Наоборот, он то усиливается, то практически сходит на нет. Гроза властвует над лесом беспощадно и жестоко практически два дня, и озеро стонущее под разбивающимися о его поверхность каплями-самоубийцами, практически выходит из берегов. Почти всё время мы проводим либо в столовой, либо у себя в домиках. На улице особо не погуляешь — единственный зонтик во всём лагере есть только у Трейси, и то она не особо горит желанием с кем-то им делиться.

К концу второго дня солнце начинает пробиваться сквозь плотную массу облаков и, словно стрелы надежды, озаряет всех светом. Дождь моросит, но в отблесках небесных лучей он выглядит великолепно. Я не перестаю любоваться этим местом — оно по истине прекрасно. И я, привыкшая к городам и шумным дорогам, буду грустить, когда покину его.

Я стою на своём крыльце под навесом и смотрю на Трейси, которая находится недалеко от озера на дороге, укрытая своим модным зонтом, и фотографируется. У меня тоже возникает желание сделать пару снимков, чтобы оставить на память хотя бы частичку этого лета, но мой телефон в домике на тумбочке, и если я вернусь за ним в дом, то упущу это мимолётное желание и больше не смогу схватиться за него своими тонкими пальцами.

Под окнами соседнего домика проходят два парня, пробираясь по мокрой траве и даже не обращая внимания на намокшие штаны. Я наблюдаю за ними, пока один из них не замечает меня. Это Джон. Он останавливается и машет мне рукой — я неуверенно поднимаю кисть, делаю непонятное движение, и тут же опускаю её. Парень исподлобья смотрит на меня, и мне кажется, что ещё секунда, и Джон направится прямо ко мне, но потом он смотрит куда-то в сторону, замечая кого-то, разворачивается и идёт дальше вслед за своим другом.

Я медлю и оборачиваюсь. На дороге прямо под дождём стоит Стив с наведённым на меня телефоном. Фотографирует? Я поворачиваюсь к нему и улыбаюсь, облачиваясь спиной о перила. Я жду, когда он подойдёт ко мне и объяснится, но парень этого не делает. Браун опускает телефон, смотрит на меня, разворачивается и плетётся в сторону загона с лошадьми. Его ни капли не смущает морозящий дождик, и я думаю о том, как бы парень не заболел.

Буквально через несколько секунд меня окрикивают.

— Эмма!

Я прикрываю глаза, затем медленно открываю их, разворачиваясь в сторону Трейси, которая направляется прямо ко мне.

— Привет, Трейси, — тяну я, как только блондинка подходит к моему домику.

Она выглядит милой и радостной под этим розовым зонтиком с какими-то узорами и картинками. За время, проведённое в лагере, я с ней практически не общалась. Кристалл постоянно проводила время с Джеком или с другими девчонками, и каждый раз, как она пыталась вытянуть меня в их компанию, я отнекивалась и сбегала.

Я бросаю взгляд в сторону Стива, но тот уже куда-то скрылся.

— Пошли, прогуляемся, — девушка тянет ко мне руку, словно старая подружка. — Чего

ты здесь одна?

Я неуверенно вздыхаю, смотря куда угодно, но только не на девушку, и пожимаю плечом.

— Да мне и тут неплохо...

— Так, Эмма, — она с укором смотрит на меня, напоминая Нину. — Хватит хандрить. Пошли со мной. Давай-давай.

Я неохотно кривлюсь, облизываю пересохшие губы и поправляю прядь волос. От этой девчонки так просто не избавишься. Да и Браун куда-то сбежал. Наверное, увидел приближающуюся Кристалл и решил не палиться. Я вообще удивляюсь, как никто ещё не догадался, что между мной и Стивом Брауном что-то есть.

Выскочив в объятия дождя, я почти сразу оказываюсь под зонтом — Трейси решительно берёт меня под руку и ведёт в сторону озера, откуда только что пришла. Она что, хочет, чтобы я её сфотографировала там?

— Знаешь, я думала, что здесь будет ужасно, — бормочет Трейси. — Но тут довольно мило. Красивый вид, мальчики...

Я надеюсь, что Кристалл имеет ввиду не Стива, потому что будет неприятно, если она решит подкатить к нему. Долька ревности, словно кислый лимон, скользит у меня внутри, обвивая скользким хвостом мои внутренности. Я пытаюсь отбросить глупые мысли. Нет. Конечно же Трейси говорит про Джека. Она крутится вокруг него с самого первого дня в лагере.

— Только вот сверчки по ночам убивают, — девушка машет ладонью руки, которой крепко держит меня, словно боясь, что я сбегу. Не люблю, когда кто-то нарушает моё личное пространство, но жаловаться мне не хочется. — Сейчас хоть дождь, они все попрятались. Слушать их бесконечную трель невозможно. Ни разу здесь нормально не выпалась. А ты?

Кристалл резко замолкает и смотрит на меня, и я даже теряюсь. Я? А что я? Я сплю как обычно плохо, бегаю по утрам (за исключением последних двух дней), постоянно думаю о Стиве.

— Не знаю. Я особо не обращаю на них внимания, — признаюсь я.

— Хм. Мне бы так...

Мы медленно добираемся до озера. Краем глаза я вижу парней, курящих на крыльце столовой, и радуюсь, что Трейси ведёт меня в противоположную сторону.

— Ну-ка, — блондинка достаёт телефон, перехватывает зонтик в другую руку, и собирается сделать селфи. — Улыбочка.

Я неуверенно смотрю в камеру, пытаюсь выдавить из себя хоть какую-то гримасу. Кристалл делает несколько фоток.

— Давай я тебя сфотографирую, — она решительно отдаёт мне в руку зонтик.

— Не думаю, что... — я пытаюсь остановить её, но девушка уже натягивает на себя капюшон кофты и выскакивает под дождик.

— Встань сюда, — командует Трейси. — Да, вот так. Что бы озеро было видно.

Я мысленно скулю, поправляю волосы и встаю так, как мне говорит блондинка. На мне скаутская рубашка с расстёгнутыми пуговицами почти до груди, розово-серый длинный запахнутый кардиган и чёрные шорты. Шарф повязан на шее, словно платок. Стив научил меня, как можно круто надеть некрасивую одежду. К тому же никто особо и не следит за нашим внешним видом, хоть платье надевай, что, собственно, Трейси сейчас и делает. На ней бежевый сарафан по колено и серая кофта с капюшоном.

Кристалл делает несколько снимков.

— А теперь покрутись...

Я вздыхаю и поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов.

— Убери зонт в сторону!

Я вытягиваю руку вправо, оказываясь под дождём, и улыбаюсь. Парни на крыльце столовой наблюдают за нами, и я буквально ощущаю на себе их взгляды. Становится неловко. Чувствую, как внутри что-то сковывает меня, не позволяя расслабиться и отдаться эмоциям.

— Круто! — Трейси делает ещё несколько фоток.

Подходит ближе. Делает селфи со мной на фоне, щёлкает озеро, а потом курящих парней, которые тут же начинают нелепо позировать. Я снова прячусь под зонт, а когда Кристалл оказывается рядом со мной, мы просматриваем снимки, и я с трудом верю в то, что могла так красиво получиться на фотографиях.

— Я тебе скину потом в «фейсбуке», — обещает девушка. — Добавлю в друзья чуть позже. Здесь интернет вообще не ловит...

— Хорошо.

— Ты очень фотогенична, — тянет блондинка. — Не понимаю, почему ты не снимаешь себя каждую секунду!

Я фыркаю, придерживая над нами зонтик и смотря через плечо в телефон Трейси, и краем глаза замечаю, как в нашу сторону плетутся Джек и Джон. Они отделяются от остальных ребят, выбрасывают окурки в траву и под морозящим дождиком идут прямо к нам. Вот только их мне не хватало! Осмотревшись, я надеюсь отыскать взглядом Стива, но его как назло нигде нет.

— Нам-то покажешь, Трейси? — парни останавливаются рядом с нами.

Девушка обменивается ироничным взглядом с Джеком и протягивает ему телефон. Я не знаю, как мне себя вести рядом с ними, поэтому прячусь за спину Кристалл, в тайне надеюсь, что ребята не будут обращать на меня внимания. Они склоняются над телефоном и листают кадры — я вдруг понимаю, что там есть и мои фотографии. Не хочу, чтобы они их видели.

— Красивые фото, — Джон поднимает взгляд и смотрит прямо на меня. У него серые глаза и родинка в уголке левых век. Волосы чёрные, немного растрёпанные из-за дождя.

Я лишь коротко улыбаюсь, понимая, что голос не слышится. Если я сейчас что-то скажу, то я начну просто на просто хрипеть. Нужно прокашляться, но я не решаюсь. Джек отдаёт телефон обратно хозяйке.

— Сегодня костёр сделаем, если дождь закончится. Питер обещал дрова притащить и жидкость для розжига, — Джек обращается к Трейси, но затем он смотрит на меня. — После того, как деток уложишь, — звучит, как насмешка, адресованная мне.

Это задевает, и скованность внутри меня испаряется, словно дым.

— Смотри, чтобы ты среди них не оказался, — тихо, но решительно заявляю я.

Трейси с Джоном смеются, но Джека, кажется, это ничуть не расстраивает. Он фыркает, подмигивает мне, а затем направляется в сторону домиков.

— Увидимся вечером, — говорит Джон, и почему-то создается такое ощущение, что его слова адресованы мне.

— Ага, — Трейси провожает их взглядом, а когда ребята уходят на достаточное расстояние, бормочет. — Джек хоть и красавчик, но такой придурок.

Я фыркаю.

— Тогда зачем ты с ним тусишь? — не понимаю я.

Блондинка пожимает плечом.

— Это не я тусуюсь с ним. Это он тусуется со мной, — поправляет она. — А это разные вещи. Тем более мордашка у него симпатичная. Не всё же парням использовать девчонок.

Я вскидываю бровь и переминаюсь с ноги на ногу.

— А вы с ним... — зачем-то спрашиваю я, намекая, есть ли у неё с этим парнем что-то большее, чем у меня со Стивом.

— Пф-ф, нет, конечно! — Трейси забирает зонт, снова хватая меня под руку и ведёт вдоль озера. — Пусть только попробует ко мне в трусики залезть, я его кастрирую, — блондинка недолго молчит. — Хочешь совет? Не позволяй парням играть с тобой. Пока ты держишь их на расстоянии, ты им интересна, а как только они получают то, чего хотят, то всё. Если не уверена, что он надёжный парень и не бросит тебя после первого секса, то лучше не стоит. Лично я храню себя для того самого, но пока ещё он не появился в моей жизни.

Я задумчиво хмурюсь, проматывая в голове слова Трейси Кристалл, и думаю о Стиве. Надёжный ли он? И могу ли я сказать на счёт него, что он именно тот самый? Я в парнях не разбираюсь, да и не влюблялась никогда. Как понять, что я делаю правильный выбор?

Мы идём вдоль озера — никогда бы не подумала, что буду слушать различные советы по поводу парней от Трейси Кристалл, девчонки, которую я всегда считала такой же стервой, как и Трис. И я почему-то начинаю проникаться к ней симпатией, пусть и противоречивые эмоции разрывают меня на части изнутри. Я думаю о Нине. Что бы она сказала, узнай, что я в глубине души хочу подружиться с Трейси? Наверное, решила бы, что я спятила!

Alt-J — Something Good

После разговора с Трейси Кристалл, я смотрю на Стива совсем иначе, словно мой мир кто-то взял и неожиданно перевернул, как песочные часы. И все мои чувства, будто песчинки, новым потоком проникают внутрь меня и заставляют сомневаться в каждом шаге.

Я наблюдаю за Брауном во время ужина, пристально следя за всеми его движениями, и пытаюсь вспомнить советы блондинки, чтобы определить, насколько я могу доверять ему. Надёжный ли он парень? Какие у него мотивы и желания по отношению ко мне? Чего он хочет и что испытывает, когда смотрит на меня? Потому что я теряю голову от каждого взгляда, цепляющегося за его лицо, и, словно под гипнозом, впитываю каждое мгновение его присутствия в моей жизни.

Стив не подходит ко мне весь день, потому что Трейси постоянно крутится вокруг меня, словно пытаясь записаться в мои лучшие подружки. Я же прекрасно знаю, что, когда мы вернёмся домой, Кристалл перестанет меня замечать. В прочем, как и всегда. Всё вернётся на свои места и станет как прежде.

Я почти ничего не знаю о Стиве Брауне.

Он учится в моей школе, ходит в класс для трудных подростков, пропустил пару лет обучения из-за здоровья и прогулов. Ему почти двадцать — парни его возраста уже учатся в колледжах и развлекаются на вечеринках в каких-нибудь братствах, снимая девчонок и захлёбываясь в океане алкоголя.

Его мама умерла, отец женился на другой женщине. Он работает тюремным надзирателем, а она психиатром. Я почему-то вспоминаю сериал «Побег», только там был роман между заключённым и врачом, которая в последствии помогла ему и ещё куче плохих парней бежать на свободу.

А ещё Стив был виноват в пожаре, где и получил этот ужасный ожог, оставленный огнём как напоминание. Подробности я не знаю.

Стив загадочный. Он общается со всеми, но при этом ни с кем не сближается, кроме меня. Он везде, но в то же время нигде. Он любит острую мексиканскую кухню, слушать инди музыку, смотреть на пламя своей зажигалки, размышлять о вселенной и фотографировать, но не на телефон, а на плёночную камеру или на фотоаппарат мгновенной печати.

Но при наличии всей этой информации, я всё равно чувствую, что совершенно ничего не знаю о парне по имени Стив Браун. Мне кажется, что внутри него скрывается нечто неизвестное, где-то в самом дальнем уголке души, который он не собирается никому открывать. Нечто загадочное и пугающее. И мне хочется разодрать руками его грудную клетку, чтобы добраться до этого «нечто».

Дождь заканчивается к семи, и вечернее солнце безрезультатно пытается согреть нас своими умирающими лучами. Всё вокруг пропитано влагой — земля, трава, деревья, воздух. Прохлада обнимает нас, не позволяя жаре подобраться к нашим сердцам, но я знаю, что вскоре даже она отступит.

Обещанный костёр парни разводят ближе к десяти вечера, когда я уже укладываю

мелких в постели и намекаю им, что они могут ещё немного повеселиться у себя в домиках, если только не будут выходить на улицу и слишком шуметь.

Трейси настаивает, чтобы я присоединилась к ней у костра, поэтому спрятаться в сторону у деревьев и наесться, что Стив снова незаметно подкрадётся ко мне, как он обычно любит делать, у меня не получается. Кристалл знакомит меня с Пенни и Рейчал, которые учатся в нашей школе, и ещё с несколькими девочками из другой группы. Джек неподалёку от нас играет на гитаре, остальные ребята разбредаются кто куда.

Я сижу на бревне рядом с Трейси и думаю о Стиве. После ужина я его больше не видела.

— А ты не знаешь, где Браун? — спрашиваю я у Кристалл, когда та замолкает после увлечённого разговора с одной из девочек.

— Стив? — она удивлённо поворачивается ко мне, вскидывая брови, и я пытаюсь сдержать смущение, чтобы не показать, что парень мне не безразличен. — Не знаю. А зачем тебе он?

Я пожимаю плечом.

— Его не было во время отбоя. Обычно мы с ним вместе проверяем группу, — я стараюсь придать голосу безразличие. — Подумала, может быть, что-то случилось.

Трейси хмыкает.

— Не видела его после ужина, — признаётся девушка. — Да забей. Он вечно пропадает где-то в одиночестве. Он большой мальчик, я не обязана за ним следить.

Кристалл произносит это небрежно и немного раздражённо, словно бы я упрекаю её в чём-то. Становится неловко, и я решаю больше не говорить о Стиве. И всё-таки, где же он? Может быть, на речке? Или у себя в домике? Я не прикасалась к нему целый день, и у меня, похоже, начинается ломка.

Я осматриваюсь, надеюсь, что парень находится где-то поблизости, но так и не нахожу его взглядом. Никакого настроения сидеть с ребятами и скучать перед костром у меня нет.

Не очень люблю огонь, особенно так близко. Жар от пламени достигает моего лица — я смотрю на извивающихся змей, пожирающих дерево, как приворожённая. Не могу оторвать взгляда, будто пытаюсь увидеть в пламени какую-нибудь подсказку или видение, но вместо потрескивающих веток там ничего нет. Огонь тянет меня к себе, и я мысленно уже протягиваю руки, чтобы впустить обжигающее смертельное пламя в свою душу.

— Скучаешь? — я вздрагиваю и резко поворачиваю голову налево, надеюсь увидеть там Стива, но вместо него рядом со мной присаживается Джон.

Мир падает так же внезапно, как и взлетает, и я расстроено выдыхаю.

— Просто задумалась.

Я испытываю «дежа вю», неуверенно кутаясь в кофту и застёгивая её до самого горла. Почти идентичный разговор произошёл между мной и Стивом, когда парень впервые поцеловал меня.

— А ты неразговорчивая, — Джон улыбается, протягивая мне тарелку с печёным картофелем.

Я медлю, а затем осторожно беру небольшой уже слегка остывший картофель, сдуваю пылинки, очищая часть от кожуры, и откусываю. Вкусно.

— Да, я не особо то разговорчивая, — тяну я, надеюсь, что парень больше не будет приставать с расспросами, но Джон не отстаёт.

— Видел, как ты бегала по утрам, — Джон делает глоток из своего пластикового стаканчика, напеченного уж точно не апельсиновым соком. — Спортсменка?

Я качаю головой — из-за Стива и дождей совсем перестала нарезать круги вдоль по озеру.

— Просто люблю бегать. Привычка, — пожимаю плечом, выбрасывая кожуру от картофеля в огонь. — Это успокаивает.

— Я в школе баскетболом увлекался, пока ногу не сломал, — Джон ставит пластиковую тарелку с картошкой на землю. — После этого со спортом завязал.

— И чем тогда занимаешься? — без интереса спрашиваю я, пряча руки в карманах. Парень склоняет голову к плечу и смотрит на меня — я вижу это боковым зрением.

— Учусь. Буду на медицинский поступать, — он улыбается, когда я, наконец, смотрю на него.

— Круто, — немного поджимаю губы, борясь с желанием сбежать отсюда. — А я не знаю, куда пойду дальше.

— Ещё есть время, — Джон допивает напиток и ставит стаканчик рядом с тарелкой.

— Ну, да.

Мы замолкаем. Я сижу на иголках, готовая в любую секунду вскочить и пойти к себе в домик. Думаю о Стиве, и меня охватывает тоска. Я скучаю. Я скучаю?

Трейси уходит, и её место занимает один из ребят — из-за этого мне ещё больше хочется уйти отсюда.

— Не хочешь прогуляться? — голос Джона раздаётся слишком близко. — Здесь очень шумно.

Я осматриваюсь: парни смеются, издеваясь над девушками, а те визжат и ругаются, но, держу пари, они сами не против такого внимания. Питера и Дрея поблизости нет, и я сомневаюсь, что они вообще были здесь с самого начала. Кристалл куда-то исчезает с Джеком, и оставляет меня одну.

— Я... — понимаю, что молчу слишком долго. — Я... — нервно облизываю губу. — Извини, я очень устала. Пойду к себе в домик.

Выпаливаю я и вскакиваю на ноги, пока Джон не решил остановить меня. Холод мгновенно охватывает моё тело, когда я покидаю владения огня, и череда мурашек впивается в кожу.

Я снова убегаю ото всех, в том числе и от себя, поспешно покидаю поляну — никто даже не обращает на меня никакого внимания — и направляюсь к домикам, мысленно умоляя всех богов на свете, чтобы Джон не последовал за мной.

Да что вообще происходит с парнями вокруг меня?

Майкл Филлинс.

Стив Браун.

Теперь ещё и Джон.

За всю жизнь столько ребят ко мне не подкатывало, как за последние полтора месяца. Может быть, я как-то изменилась? Что-то со мной не так?

Чёрт, Эмма, возьми себя в руки!

Я выскакиваю на пустую дорогу, оказываясь под холодным лунным светом, и плетусь в сторону домиков. Вокруг никого нет — отсюда я всё ещё слышу отдалённые голоса, доносящиеся до меня со стороны поляны.

— Эмма, подожди!

Я мысленно чертыхаюсь, когда слышу голос Джона, разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, но не останавливаюсь, продолжая идти спиной вперёд.

— Возвращайся к остальным, Джон! — почти умоляю я.

— Да постой же, — парень снимает с головы капюшон.

Я не хочу с ним разговаривать, а выслушивать его признания тем более. Мне нужен Стив. Мне срочно нужно обнять его и успокоиться.

Дрожь сковывает меня, и я отворачиваюсь, ускоряясь.

— Эмма, — голос раздаётся почти вплотную.

Джон хватается меня за локоть и заставляет притормозить. Я разворачиваюсь к нему и отшатываюсь, вырываясь из захвата и замирая как вкопанная.

— Не надо, — прошу я.

Парень вздыхает и потирает шею рукой. Смотрит куда-то под ноги, слегка пошатываясь. Джон пьян. И это пугает меня ещё больше.

— Ты красивая девчонка, Эмма, — он делает шаг ко мне, но я отступаю. — Не будь такой занудой. Ты мне нравишься. Да и не только мне...

Я думаю о Стиве.

— Я... — трясусь головой. — Ничего не получится, Джон. Тебе лучше вернуться на поляну.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти, но меня снова хватают за локоть.

— Эмма, — парень притягивает меня ближе.

— Отпусти! — почти вскрикиваю я, чувствуя крепкую руку на пояснице. — Ты пьян, Джон. Пусти! Пожалуйста...

Его противное дыхание впивается в меня, и запах крепкого алкоголя ударяет в нос. Да где вообще они раздобыли бухло? Питер явно не в курсе сегодняшней посиделки возле костра, я его с обеда не видела в лагере. Да и Дрея тоже.

Меня охватывает паника — ноги подкашиваются, и я пытаюсь оттолкнуть Джона, но ничего не получается. Хочется заплакать, но я сдерживаюсь, глотая ртом воздух, словно погибающая рыба на берегу.

— Да послушай же...

Парень осекается. Кто-то хватается Джона за плечо и оттаскивает в сторону, вырывая меня из чужих объятий. Я жадно хватаюсь взглядом за силуэт, принадлежащий Стиву, и на меня накатывает облегчение. Браун с размаху ударяет парня ногой в сгиб колена и сбивает того с ног — у Джона перехватывает дыхание, когда он падает на спину. Стив ставит ногу на грудь бедняги и нагибается к нему, словно охотник, загнавший в угол дичь.

— Ещё раз подойдёшь к ней, я тебе сломаю ноги. И пару рёбер в придачу. Понял? — голос Стива тихий, но угрожающий, и даже я пугаюсь его.

— Понял...

Браун отстраняется, отступая назад и позволяя Джону подняться с земли. Он бросает на меня косой взгляд и уходит, держась за локоть. Кажется, сильно ушиб при падении.

— Ты в порядке? — спрашивает Стив, разворачиваясь ко мне.

Я больше ничего не соображаю и бросаюсь в его объятия, утыкаясь носом в грудь.

— Где ты был? — шепчу я, чувствуя неприятную дрожь под ложечкой.

— Прости, — он обнимает меня в ответ и гладит по спине. — Не мог словить тебя одну.

Я тихо выдыхаю, поднимая голову и вставая на носочки, чтобы добраться до желанных губ.

— Я скучала, — сквозь поцелуй бормочу я, забывая про всё на свете. — Больше так не исчезай.

— Хорошо.

Браун улыбается. Мне ещё какое-то время стоим посреди дороги в объятиях друг друга, а затем идём в сторону моего домика, чтобы никто не увидел нас. На крыльце я хватаю парня за руку и тяну внутрь.

— Остайся сегодня со мной, — прошу я. — Не хочу засыпать одна...

Стив не сопротивляется. Мы забираемся на мою кровать прямо в одежде и лежим так до тех пор, пока не засыпаем. Наши дыхания переплетаются, биения сердец, неловкие прикосновения — всё становится единым, унося сознания навстречу сну. Навстречу свободе и безмятежному будущему.

Imagine Dragons — Gold

Следующее утро начинается для всех нас с неожиданной новости: Питер объявляет, что после обеда мы все дружно идём в поход на три дня. Будем ночевать в палатках и учиться выживать в дикой местности. В прочем, этим мы должны были заниматься с самого первого дня в лагере, но по причине «важных проблем, связанных со сменой владельца», нас избавляли от лишних хлопот.

А после всей речи Питер добавил, что из-за вчерашних «посиделок» возле костра с «непонятно откуда взявшимся алкоголем», наше наказание в виде «похода» будет продлено до пяти дней. Оказывается, никто из вожатых не был в курсе, что ребята решили устроить подобную вечеринку, пока те были в городе и оформляли документы. Получилось, что я со Стивом по негласному согласию должна была остаться за старших, о чём ни я, ни парень даже не догадывались.

В итоге обратно в лагерь мы вернёмся практически к окончанию нашей практики. У нас будет ещё несколько дней, чтобы попрощаться со всеми, после чего за нами приедет автобус и заберёт домой. Мысли об этом навевают тоску.

Джон меня избегает — рядом со мной постоянно находится Стив, и парень старается не попадаться ему на глаза после вчерашней стычки. Я понятия не имею, как теперь вести себя рядом с остальными ребятами. Они меня и раньше-то никогда за старшую не воспринимали, а после такого я вообще боюсь им на глаза попадаться. Из меня никудышный лидер.

Трейси всё утро крутится вокруг Питера, чтобы уговорить его смягчить наказание или вовсе отметить этот глупый поход, но вожатый непреклонен. В итоге каждому из нас приходится собрать рюкзак с вещами — к нашему личному бараклу добавляются нужные вещи для стоянки, которые нам выдаёт Дрей. Палатки, в которых мы будем спать по двое, вещи, которые пригодятся нам в лесу, несколько пайков для каждого и ещё некоторые мелочи.

С нами идёт несколько взрослых, работающих в столовой. Они будут заниматься едой и провиантом, а так же следить за нашей безопасностью. Питер говорит, что мы со Стивом в этот раз будем не как помощники вожатых, а как обычные участники лагеря. Нам не придётся следить за остальными, но при этом мы будем выполнять задания вместе со всеми. Меня это устраивает. Да и Брауна, кажется, тоже.

Когда все собираются, мы выдвигаемся. Сначала идём по дороге в сторону загона с лошадьми, а затем сворачиваем на развилке и углубляемся в лес. Тропинка в скором времени исчезает, зарастая травой, и мы теряемся в чаще. Я знаю, что если отобьют от остальных, то точно заблужусь, так что нужно держаться как можно ближе.

Впереди идёт Питер и Дрей, за ними все остальные. Замыкают нашу процессию взрослые: они наблюдают за тем, чтобы никто из нас не отстал.

Я иду в стороне, стараясь не приближаться к парням, которые разбрасываются шутками

по поводу и без. Рядом со мной плетётся Трейси Кристалл и проклинает всех на свете за то, что ей пришлось поехать в этот лагерь. Её волосы собраны в хвост, на плечах большой рюкзак, в прочем, как и у всех остальных, в волосах застряли мелкие веточки. Она явно рождена не для подобных мест.

Я каждую минуту ищу взглядом Стива, чтобы не потерять его из виду. Он держится от меня на расстоянии, но при этом старается не отходить слишком далеко. Иногда мы обмениваемся взглядами и улыбками, и от этого тепло наполняет меня до самых краёв.

После дождя погода ещё не улучшилась — на улице всё ещё прохладно, трава покрыта влагой, изредка крупные прозрачные капли, похожие на бриллианты, падают на меня с деревьев и разбиваются то о макушку, то о свитер. Приходится натянуть на голову капюшон, чтобы не морщиться каждый раз, когда неприятные капли обрушиваются на меня, случайно задетые ветром или же лестным зверьком, а иногда даже мной.

Питер говорит, что так лучше. Пока нет испепеляющей жары, мы сможем спокойно добраться до первой стоянки. За весь день мы делаем несколько привалов, перекусываем, а ближе к вечеру находим небольшую полянку и останавливаемся окончательно.

— Всего будет три стоянки, — оповещает нас Питер, пока мы снимаем тяжёлые рюкзаки и устало заваливаемся на землю. — Здесь мы пробудем до утра, затем двинемся дальше. Доберёмся до медвежьего перевала, остановимся там на пару дней, и двинем обратно. А пока учимся ставить палатки и разбиваемся по парам! Дрей поможет вам.

Я осматриваюсь и нахожу взглядом Брауна, изнывая желанием поселиться вместе с ним в одной палатке, но не думаю, что это хорошая идея. Будем как в школе. Мальчики с мальчиками, девочки с девочками.

Меня неожиданно хватают под локоть, и я вздрагиваю, отрывая взгляд от Стива.

— Будем вместе? — Трейси улыбается, словно бы уже за меня всё давно решила.

Я пожимаю плечом.

— Ладно, — бормочу я.

Всё лучше, чем с кем-то из других девчонок, с которыми я даже не общаюсь. Хотя нескончаемые разговоры Кристалл за пять дней сведут меня с ума.

— Надо разобраться с палаткой, — блондинка тянет меня в сторону Дрея, который как раз начинает показывать всем, каким образом нужно ставить палатку.

Я неохотно плетусь следом за Трейси и останавливаюсь рядом с одним из парней — девушка продолжает крепко держать меня под руку. Я смотрю на Дрея — он объясняет, как выровнять ткань, вставить специальные спицы, вбить колья и заставить груды бесполезного материала превратиться в палатку. Со стороны это выглядит не так уж и сложно, к тому же как-то давно я помогала отцу с этим делом. Правда, уже почти ничего не помню, да и всю основную работу за меня делали папа с братом.

— Пошли, — я пытаюсь увести Трейси в сторону, потому что смотреть больше не на что. — Попробуем поставить.

— Ага, — девушку переполняет дикий энтузиазм, но я почему-то уверена, что всю работу придётся делать мне.

Мы забираем свои вещи, и, пока остальные всё ещё спрашивают у вожатого, как можно попроще разобраться с этим заданием, находим приглянувшееся нам место рядом с деревьями и уединяемся.

С палаткой мы возимся дьявольски долго. Пока достаём её из рюкзака, раскладываем ткань, вставляем спицы и пытаемся кое-как поднять её, Трейси начинает психовать. У нас

ничего не получается — я бросаю это гиблое дело и решаю отдохнуть. Осмотревшись, понимаю, что многие уже давно закончили с заданием и наблюдают за тем, как взрослые разводя костёр и готовят ужин.

Я прислоняюсь к дереву спиной и с тоской смотрю на ворох из палатки. Что-то где-то мы делаем не так...

— Надо Дрея попросить помочь, — бросаю я, наблюдая за Кристалл, которая уже давно сидит в стороне и даже не собирается мне помогать.

— Да, — её губы превращаются в тонкую полоску. — Это место настоящий кошмар! Скорее бы вернуться домой. Или хотя бы в лагерь.

Она достаёт телефон, смотрится в него, словно в зеркало, пытается поправить волосы, а затем фотографирует меня — я слышу щелчок камеры.

— Ненавижу лес, — она убирает телефон. — Мне не хватит зарядки на пять дней — это же чертовщина какая-то. Без телефона, без душа, без нормальной еды!

Трейси морщится, смотря в сторону костра.

— Я не подписывалась на подобное. Могла бы поехать с Алексом на побережье, — Кристалл скулит. — А вместо этого приходится в лесу торчать.

Я вскидываю бровь и смотрю на блондинку.

— У тебя есть парень? — удивлённо спрашиваю я, вспоминая, как девушка постоянно проводила время с Джеком.

Трейси смотрит на меня, будто впервые видит.

— Алекс? Нет, — она трясёт головой. — Это мой друг. У него родственники на побережье Лос-Анджелеса, мы часто с компанией туда ездим на лето. Алекс мне как брат.

— Понятно...

Я с тоской смотрю на палатку, понимая, что до темноты её нужно поставить во что бы то ни стало. А Дрея как назло поблизости нигде нет. Я бросаю взгляд на других девчонок, которые тоже не могут разобраться с заданием, и радуюсь, что мы не одни такие.

— Я уже устала, — ноет блондинка. — А это только первый день. За всю жизнь столько не ходила...

Я слышу шаги и оборачиваюсь. Сердце пропускает удар, когда я вижу Стива.

— Ты всё ноешь? — бросает Браун девушке. — Она тебя ещё не достала? — парень смотрит на меня и немного улыбается. — Давайте, помогу с палаткой.

— О, отлично, — Трейси облегчённо вздыхает, недовольно осматриваясь. — Ну, хоть кто-то. Мы тут сидим уже битый час над ней. Не женское это дело, понимаешь? Это парни должны жить в лесу и заниматься подобной ерундой, а мы в это время обязаны лежать на пляже и попивать коктейли.

Стив не обращает внимания на болтовню блондинки и начитает ставить палатку. У него легко получается выровнять её и поднять. Закрепить все углы и сделать так, чтобы та не падала.

— Вот я пытаюсь объяснить Эмме, как ужасно в этом месте. Лес. Что в нём хорошего? Грязно, дикие звери, насекомые, муравьи, пауки, всякая гадость, ещё и гризли наверняка. Интернета нет. Зарядить телефон негде. Сеть не ловит. В душ не сходить. Нормальной еды нет. И чем вообще здесь заниматься пять дней? Идти? Я умру столько передвигаться, я не создана для подобного. Одно дело выйти на пробежку на часик или в зал сходить, а другое по лесу передвигаться. Ещё и заблудиться можно, а в таком случае и умереть недолго. Кто знает, когда тебя найдут и будут ли вообще искать, — она фыркает, замолкая.

Я еле сдерживаю смех, косясь на безмятежного Брауна. Стив не замечает девушку, словно бы она назойливая муха. Парень, наконец, заканчивает ставить палатку и выпрямляется, люблюсь своей работой.

— Если она будет доставать тебя, всегда можем махнуть палатками, — улыбается Стив, обращаясь ко мне. — Я как раз один, все уже разбились по парам.

— О, ну прекрасно, — дуется Кристалл. — Спасибо, братик. Не хочу, чтобы ты сжёг палатку, пока я сплю.

Браун поворачивается к девушке и смотрит на неё, но я не вижу его взгляда. Он молчит.

— Стоп, что? — выпаливаю я, только что сообразив по поводу слов Трейси. — Он твой брат?

Я перевожу взгляд с блондинки на Стива и обратно. Парень поворачивается ко мне и мило улыбается.

— Да, — говорит он. — Она моя сестра. Сводная.

— Ага, — отмахивается Трейси. — Наши родители поженились и всё такое. Я здесь только из-за него, поэтому ты мне должен по гроб жизни.

Я вспоминаю, как в первый день Трейси Кристалл сказала, что едет в лагерь, чтобы следить за её братом. Я думала, что это кто-то из мелких, но то, что это Стив Браун, я даже представить не могла! Ему же двадцать лет, зачем родители послали восемнадцатилетнюю девчонку присматривать за ним? Это как-то странно.

— То есть, — я скептически смотрю на девушку. — Ты здесь, чтобы присматривать за Стивом?

Парень пожимает плечом.

— У моего отца свои причуды, — бросает он. — Пойду помогу другим с палатками.

Браун уходит, оставляя нас с Трейси наедине. Девушка задумчиво провожает взглядом брата, хмурится, а, когда замечает, что я смотрю на неё, моментально натягивает улыбку.

— Он немного проблемный, — тянет Кристалл. — Родители боятся его отпускать одного.

Я прикусываю губу.

— Это из-за его шрама? Из-за того, что случилось? — осторожно спрашиваю я.

Девушка поднимается на ноги, замирая. Её взгляд становится серьёзным.

— Он показывал тебе?

Я киваю. Она отводит взгляд в сторону и секунду думает.

— Да, это из-за того случая, — Кристалл отряхивает штаны. — А ты... Погоди-ка, — Трейси вскидывает голову, замечая, как я смотрю в сторону Стива и наблюдаю за тем, как парень помогает Пенни ставить палатку. — Он тебе нравится?

Я тут же вспыхиваю, отворачиваясь от Брауна.

— Ничего подобного! — хватаю свой рюкзак и, больше не говоря ни слова, забираюсь в палатку.

Не хочу, чтобы блондинка заводила разговор по поводу Стива, особенно, когда я узнала, что они сводные брат и сестра. И вообще это всё как-то странно. Почему его родители следят за ним? Он же уже не маленький, да и Трейси не смахивает на послушную сестрёнку, которая будет присматривать за кем-то. Вообще ни разу не видела, чтобы они разговаривали в лагере. Всё это время эта парочка словно избегала друг друга.

А я думала, что это у меня семейка странная. За мной хотя бы никто не следит... Надеюсь.

Kings Of Leon — Waste A Moment

К тому моменту, как все палатки принимают должный вид, ужин уже готов, и взрослые зовут всех за своими порциями. Мы разбираем пластмассовые тарелки и по очереди подходим к большому котелку, откуда нам накладывают тушёную картошку с овощами. Запах великолепный, и пока я бреду к своей палатке, чтобы расправиться с едой, живот начинает скручивать от предвкушения.

Трейси присоединяется к остальным ребятам и устраивается возле костра, поэтому могу немного отдохнуть от её бесконечных размышлений, как ужасно находиться в этом лесу. Я тоже не особо в восторге от грязи и насекомых, но стараюсь не причитать по этому поводу. Всё-таки отдых на природе пойдёт не только мне на пользу, но и остальным. Хотя бы раз в жизни стоит выбраться из затхлого города и оказать в подобном месте.

Я сижу перед палаткой в одиночестве, пока ко мне не присоединяется Стив Браун. Он присаживается рядом, и в тот момент, когда мы соприкасаемся плечами, меня пробирает приятная дрожь.

— Ты не говорил, что Трейси твоя сестра, — тяну я после недолгого молчания.

Он бросает взгляд в сторону Кристалл и отправляет в рот кусочек картошки, тщательно прожёвывая его, словно пытаясь оттянуть свой ответ. Я сижу спокойно и не тороплю его, потому что прекрасно знаю, что из-за моего нетерпения парень не станет быстрее отвечать. У него привычка такая: долго думать и надеяться, что собеседник сменит тему.

— А ты и не спрашивала, — Стив пожимает плечом.

Я кошусь на Брауна, осматривая его. На нём армейские штаны, толстовка с накинутым на голову капюшоном и кроссовки. Он сидит прямо на земле, даже не беспокоясь о том, что испачкается.

— Ну, я не знаю, — бормочу я. — У вас разные фамилии. Я даже подумать не могла, что вас что-то связывает.

Парень хмыкает. Я отправляю ещё кусочек картошки в рот и с наслаждением морщусь. Кажется, что вкуснее этого я никогда ничего не ела! Походная еда прекрасна, если весь день питаться только сухими пайками, которыми нас напичкал Питер.

— Когда отец женился на мачехе, у неё уже была дочка, — бросает Стив. — Они не стали менять фамилии, поэтому мне всегда казалось, что они нам чужие. Для меня наша семья разделилась на две части: Кристаллы и Брауны. Будто мы просто соседи. Я никогда не считал себя частью их. Мы с Трейси стараемся делать так, чтобы наши жизни не пересекались. Она не трогает меня, я её. Взамен прикрываем друг друга перед родителями, если это понадобится. Хотя иногда она просит меня, чтобы я побил какого-нибудь её хахалю, который плохо с ней обошёлся.

Я смотрю на профиль парня, а затем легко толкаю его плечом, чтобы вырвать из задумчивости. Он поворачивается ко мне, бегло улыбается и быстро доедает свою порцию.

— Так, значит, — я осматриваюсь, но никто не обращает на нас никого внимания. Все

занимаются своими делами: болтают, смеются, ужинают, греются возле костра, кто-то из взрослых рубит ветки, чтобы подбросить в огонь. — Ты настолько опасен, что родители послали Трейси присматривать за тобой?

Я иронично смотрю на Стива, но тот, кажется, не понимает, что я шучу. Он прокашливается, шмыгает носом и пытается поддеть пластмассовой вилкой кусочек лука, оставшийся на тарелке, который никак не хочет поддаваться ему.

— Возможно, — бормочет парень.

Я продолжаю смотреть на Брауна, пока он не поворачивается ко мне лицом. Его взгляд задумчивый, и за пеленой синих глаз я вижу выглядывающую тайну, которую Стив тщательно пытается спрятать от меня. Спрятать ото всех.

В костре неожиданно взрывается банка, кто-то взвизгивает, парни начинают смеяться, а один из взрослых отчитывает хулигана, который додумался выбросить мусор в огонь. Я невольно оборачиваюсь в сторону шумихи, чтобы узнать, что там происходит, а как только снова смотрю на Стива, он неожиданно наклоняется и целует меня.

И я замираю, совершенно забывая, что нас могут увидеть. Мы целуемся — Стив проводит кончиком языка по моим губам, прежде чем отстраниться.

— Почему ты вечно увливаешь от разговора, поцеловав меня? — выдыхаю ему в губы.

— Я не увливаю, — томно шепчет парень. — Просто захотелось поцеловать.

— Тогда расскажи, — мои веки дрожат. Я прикусываю губу, быстро скользнув взглядом по лицу Стива. — Что в тебе такого опасного? Может, мне стоит держаться от тебя подальше?

Всё внутри меня дрожит от нетерпения, и я борюсь с желанием снова впиться в губы парня поцелуем. Мы настолько близко, что мурашки скользят по моей спине от его обжигающего дыхания. Сердце пропускает удар — я хочу проглотить появившийся в горле комок, но не решаюсь. Стив внимательно смотрит на меня — мысленно я уже бросаюсь ему на шею, скольжу руками по его голове, снимая противный капюшон, и нетерпеливо прикасаюсь к влажным налитым вишней губам.

— Я расскажу тебе, — шепчет Браун, немного склоняя голову к плечу. — Перед тем, как мы уедем из лагеря. В самый последний день. Ты узнаешь, насколько я опасен для тебя.

Всё внутри меня трепещет, но не от страха, а от нетерпения. Желания? Голова затуманена, и я уже понятия не имею, о чём только что сказал Стив. Он опасен для меня? Чепуха. Вот он, прямо передо мной, и я его не боюсь. И даже если он действительно плохой парень, и мне совершенно не стоит связываться с ним, мне плевать. Это лишь усиливает мои чувства к нему.

Стив Браун как пламя. Завораживающее, но смертоносное. И, кажется, я уже стою прямо в центре костра, не понимая, что он меня уничтожит.

— Я так и знала, — елеинный голос разрывает нашу идиллию, и она трескается, словно стекло. Стив поспешно отстраняется от меня, и я следую его примеру. Ветка хрустит под ногой Трейси, когда девушка появляется из-за деревьев. — Я знала, что между вами что-то есть!

Я краснею, утыкаясь в тарелку и пытаюсь доесть уже остывший ужин. Вот только спалиться перед Трейси не хватало, она ведь теперь не отстанет от меня с расспросами.

— И? — Браун безмятежно смотрит на сестру, но на его лице нет ни улыбки, ни чего-то подобного. — Тебе-то что?

Трейси пожимает плечом и прислоняется к дереву, переводя взгляд то на меня, то на

брата.

— Это мило, — тянет блондинка.

Она картинно замолкает, начиная двусмысленно поглядывать на нас, словно представляя у себя в голове, чем мы занимаемся, когда остаёмся наедине. Мне неловко. Не знаю, как вообще нужно реагировать на эту ситуацию и что говорить, чтобы окончательно не провалиться сквозь землю.

Стив закатывает глаза и поднимается на ноги. Он забирает свою тарелку, бросает последний взгляд на сестру и уходит. В этот момент я проклиная его всеми словами на свете за то, что он оставил меня наедине с Кристалл.

Трейси не двигается, внимательно меня изучая. Я замечаю это и вскидываю голову.

— Что? — не понимаю я.

— А говорила, что он тебе не нравится, — дразнит она.

Я фыркаю.

— Ну, нравится. И что?

— Ничего, — девушка улыбается, но её взгляд задумчив, а губы плотно сжаты.

Она вздыхает и, на моё удивление, уходит, оставляя меня в покое. Я-то думала, что Трейси будет доставать меня с расспросами, что да как у нас со Стивом, когда всё началось и как долго будет продолжаться, но девушка этого не делает. Даже как-то странно. Кристалл не упустит возможности поговорить и обсудить личные вопросы, а уж такое событие, что у нас с её братом взаимная симпатия, уж точно не должно было пройти без внимания.

Столько вопросов, а ответов практически нет. И о чём таком страшном собирается рассказать мне Стив Браун в день нашего последнего пребывания в лагере? У меня какое-то неприятное сомнение, словно бы это должно изменить всё, что между нами происходит. Надеюсь, я просто накручиваю себя. А я в подобном настоящий эксперт.

ZHU — In the Morning

Я ложусь спать раньше всех, чтобы не выслушивать недовольства Трейси по поводу того, как трудно забраться в спальный мешок, поэтому, когда девушка возвращается в палатку и начинает шумно готовиться ко сну, я притворяюсь спящей. Мысли крутятся у меня в голове, превращаясь в бесконечный водоворот вопросов и догадок, и я ещё долго валяюсь, не в силах отправиться в царство снов.

Кристалл ворочается всю ночь, шумно вздыхает, иногда выбирается на улицу, чтобы прогуляться. Она как принцесса на горошине, которая страдает без мягкой перины и лавандового запаха ароматический свечей. Ещё ни разу в жизни я не встречала таких избалованных неженков, помешанных на уюте и комфорте, даже Трис с Ниной не настолько привередничают, как Трейси.

Я же плохо сплю из-за мыслей, не дающих мне покоя. Я больше не разговаривала со Стивом, после того, как нас увидела его сестра, и тяжёлое беспокойство, нарастающее у меня внутри, сжигало всё желание засыпать. Я то проваливаюсь в сон, то снова вырываюсь из него, словно бы жестокий кукловод издевается надо мной ради забавы. Бессонные ночи сводят с ума — утром, когда лагерь начинает просыпаться, я умудряюсь подремать пару часиков, прежде чем Питер приказывает нам собрать палатки, мусор и остальные мелочи, пока взрослые готовят завтрак.

Мы с Трейси с трудом разбираем своё спальное место, кое-как утрамбовываем всё в рюкзак, прибираемся за собой и только после этого встаём в очередь, чтобы получить свою порцию завтрака. Разбивать лагерь мы не будем впредь до медвежьего перевала, поэтому нужно хорошо подкрепиться, прежде чем отправляться в дорогу.

Стива я не вижу. Парень снова где-то прячется то ли от меня, то ли от остальных.

Позавтракав мы разделяемся на две группы. Одну забирает Питер, вторую Дрей. Каждый из нас пойдёт своей собственной дорогой, победит тот, кто придёт первым к назначенному месту. Проигравшие будут ставить за всех палатки, разводить костёр и готовить ужин.

Наша группа — это все, кто живёт по правую сторону от дороги. То есть ребята, за которыми мы со Стивом присматривали последние дни: Трейси, Джон с парнями, мелкие мальчишки и кучка девчонок. Мы направимся вверх по склону по «горному пути», обогнём небольшое озеро и пройдем рядом заброшенной плотиной. Недалеко от неё как раз и находится медвежий перевал.

Вторая группа двинется по берегу реки, свернёт на «кроличью тропу» и зайдёт к перевалу с противоположной стороны.

Оба пути одинаково сложные как по длине, так и по проходимости, дойти до медвежьего перевала можно практически в одно и то же время, так что у обеих групп есть все шансы на победу.

Единственное, что меня огорчает, Стив присоединился к группе Дрея. Я не видела

Брауна ни во время распределения, ни утром за завтраком, но его палатка была собрана, а Питер не пустил тревогу о пропаже, так что, думаю, волноваться не о чем. Браун и раньше вёл себя, словно ниндзя, прятался и старался не попадаться на глаза, если этого не требовало положение и если он не хотел с кем-либо пересекаться, но в этот раз мне почему-то обидно. Словно что-то не так, а я понятия не имею, что именно.

И это чертовски раздражает.

Дорога по «горному пути» занимает несколько часов, мы делаем парочку привалов, подкрепляемся сух пайком, переводим дыхание и двигаемся дальше, отдаляясь от лагеря всё дальше и дальше. Трава под ногами мокрая из-за недавнего дождя, и солнце, еле пробивающееся сквозь нависающие над нами плотные ветви деревьев, не успеваешь высушить её, поэтому часто многие из нас поскользываются, некоторые даже падают. Парни часто спотыкаются о корни деревьев и чертыхаются, девчонки цепляются волосами за ветви и возятся по несколько минут, чтобы выпутаться. Кусты и прочая растительность тормозят каждого из нас.

Один раз мы находим заросли малины и делаем привал — ребята набрасываются на ягоды и начинают собирать их, попутно пытаясь проглотить как можно больше. Я вместе со всеми наслаждаюсь лесными дарами и попутно собираю немного ягод для Стива, чтобы угостить его при встрече. Думаю, он будет рад.

Девушки быстро выдыхаются — им требуется много времени, чтобы восстановить силы, в отличие от меня. Наверное, всё дело в моих тренировках. Бег дарует не только избавление от лишних мыслей, но и выносливость. Я устаю гораздо меньше, чем остальные, поэтому не жалуясь на одышку и на непослушные ноги, как Трейси, которая причитает больше всех. Я стараюсь держаться от неё в стороне, чтобы не слышать её речей, но Кристалл всё равно умудряется каждый раз подбираться ко мне ближе и пытаться завести разговор.

Вскоре лес расступается, и мы выходим на берег небольшого озера. Берег покрыт гладкими мокрыми камнями, песка здесь совсем нет, зато можно согреться в лучах солнца. Мы останавливаемся на несколько минут — некоторые направляются к воде, чтобы помыть руки и ополоснуть лицо, я же поднимаюсь на большой камень и осматриваюсь.

Ветер шумит в листве деревьев, тихий гул эхом разносится над гладью воды, на другом берегу я успеваю заметить какое-то животное, скрывшееся в чаще, и стаю птиц, поднявшуюся над макушками леса, которых мы спугнули своим громким смехом и криками. Здесь спокойно и красиво. Не смотря на тёплые лучи солнца, мне холодно, из-за чего я ёжусь, пряча руки в карманах.

Перед тем как спуститься, я замечаю Трейси Кристалл, которая нагло фотографирует мою одинокую фигуру на большом неровном камне. Я поджимаю губы и поворачиваюсь к ней.

— Тебе не надоело меня фотографировать всю дорогу? — спрашиваю я, когда девушка переводит телефон в сторону озера и начинает снимать воду, а затем каких-то ребят на берегу.

— Нет, — как ни в чём не бывало бросает Кристалл. — Надо же наделать фоток, пока телефон не сел. Я за два дня сумела израсходовать только половину зарядки, представляешь? Это нонсенс! Приходится выключать сотовый, чтобы сэкономить. Включаю только тогда, когда хочу что-то заснять. Домой приеду, напишу в своём блоге подробности нашего путешествия! Обязательно почитай!

Я ничего не отвечаю и спускаюсь с камня. Интересно, что она там собирается написать

в своём блоге? Как ужасно было в этом лагере, насколько тяжело было ходить в поход, спастись в палатках, есть еду, приготовленную в котелках, отмахиваться от насекомых и различной мерзости? Держу пари, ничего положительного она не напишет. Ну, хотя бы у меня останутся фотографии из этого лагеря. Надеюсь, Трейси не забудет мне их переслать.

Питер командует, чтобы мы двигались дальше. Мелкие мальчишки убегают вперёд вдоль берега, весело смеясь и пытаясь сбросить друг друга в воду, и кто-то из взрослых ругает их.

Ноги, не привыкшие к таким длительным нагрузкам, начинают изнывать, когда мы снова скрываемся в лесу и бредём в сторону заброшенной плотины. Чем дальше мы уходим в лес, тем сильнее мне хочется присесть и передохнуть, но я молчу и не подаю виду, что устала.

Вожатый решительно двигается вперёд, попутно рассказывая нам про лес. Какие деревья здесь растут, животные, которых мы можем встретить на пути, насколько вообще простирается весь этот лес и что нам делать, если кто-то вдруг потеряется.

А ещё во время очередного привала Питер показывает нам, как вязать узлы. Мы все окружаем его, садясь на корточки, и пытаемся повторить в точности так же, как делает парень. Получается не у всех. Я лично создаю приличный узел только с третьего раза, и Питер хвалит меня, похлопывая по плечу.

До плотины мы добираемся к вечеру и останавливаемся, чтобы лучше разглядеть её. Непокойная речка, врезается в старые поваленные ветви и брёвна, образующие баррикаду и еле-еле удерживающие поток, просачивается сквозь дырки и плавно уходит дальше, образуя небольшой водоём. Питер говорит, что раньше здесь обитали бобры, пока их не перебили браконьеры. Оставшиеся животные переместились в заповедник, ближе к лагерю, и устроили на одной из речек новый дом.

Смотреть здесь особо не на что, поэтому мы оставляем позади плотину и двигаемся к финишу. До медвежьего перевала остаётся совсем немного. На все шутки парней, Питер отмахивается, что гризли поблизости не водятся, хотя всё равно нужно быть осторожным. Какое-нибудь одинокое животное может забрести в этот район и наткнуться на лагерь.

Медвежий перевал — это огромная поляна под небольшой горой. Очевидно, это место когда-то служило стоянкой для гризли, но я не уверена. Когда мы добираемся до нужного места, Трейси разочарованно стонет. Мы вторые. Из-за наших постоянных привалов и уроков Питера на тему, как надо выживать в лесу, мы потеряли слишком много времени.

На наше счастье группа Дрея не стала дожидаться, пока мы соизволим присоединиться к ним, поэтому их палатки уже поставлены, костёр горит, а на огне готовится ужин. Здесь шумно, пахнет дымом и едой, кто-то из взрослых играет на гитаре.

— Как хорошо, что мы вторые, — тянет Питер, довольно улыбаясь, и у меня складывается такое впечатление, словно парень специально растягивал наше путешествие, чтобы не возиться с расстановкой палаток и костром. — Ладно, дети, ставим палатки, как и в прошлый раз.

Я ищу взглядом Стива и нахожу его возле костра. Он помогает с ужином, о чём-то разговаривая с женщиной-поваром.

— Ну, что, готова? — Трейси толкает меня в бок локтём. — Пошли там поставим, пока никто место не занял.

Блондинка хватает меня за локоть и буквально силком тащит за собой. Слышу на заднем плане приветствия и насмешки от первой группы, но не обращаю на это внимания. Ставить

палатку у меня нет ни сил, ни желания, поэтому я с трудом снимаю тяжёлый рюкзак и заваливаюсь на него, шумно вздыхая. Сейчас бы передохнуть немного, подкрепиться, а потом уже заниматься всей этой ерундой, но ведь я прекрасно знаю, что после ужина делать вообще ничего не захочется.

Трейси достаёт палатку, а я лениво наблюдаю за блондинкой, пытаюсь собраться с силами и помочь ей, но вместо этого я сижу на рюкзаке и проклиная всех на свете. Не хочу двигаться. Не хочу-у-у...

Девушка сидит ко мне спиной и возится со спицами. В тот момент, когда я уже решаюсь подняться на ноги и заняться делом, чьи-то руки обнимают меня со спины, а горячее дыхание въедается в шею. Я резко оборачиваюсь, собираясь отчитать наглеца, но чьи-то губы накрывают мои поцелуем, и я размякаю, понимая, что это Стив. Откидываюсь на его плечо и немного улыбаюсь. Обожаю такие моменты, когда Браун неожиданно исчезает и так же внезапно появляется.

Парень целует меня в уголок губ, а потом отстраняется.

— Отойди, всё равно не поставишь же, — бросает Стив, направляясь к палатке. — Я сам.

Трейси оборачивается, замечая брата, и радостно уходит в сторону, присаживаясь на свой рюкзак. Она вытягивает ноги и блаженно улыбается, наблюдая за Стивом. Парень закатывает рукава, прежде чем приступить к работе.

— Как хорошо, когда ты спишь в палатке с девчонкой, в которую втюрился твой брат, — иронично тянет Кристалл. — Он был мне не стал помогать ни за что на свете, — она приглушает голос, обращаясь ко мне, но Браун всё равно её слышит.

— Потом что ты болтаешь без умолку, — парень ловко вставляет спицы и натягивает палатку. Ему требуется меньше десяти минут, чтобы закончить работу.

— Ну, что поделать, — картинно вздыхает девушка. — Я не могу молчать всё время, как ты. Я создана для разговоров. Мой голос должны слышать и восхищаться им.

— Тогда начни петь, — бурчит Стив. — Хоть какой-то толк будет.

— А это идея, — Трейси улыбается.

Парень закатывает глаза и встаёт, любуясь своим творением, затем оборачивается, смотрит на меня, улыбаясь глазами, и собирается уйти.

— Поужинаем вместе? — предлагаю я ему, пока тот не сбежал снова. — У меня есть кое-что вкусенькое.

Стив коварно улыбается, прищуриваясь, натягивает на голову капюшон и облизывает губы.

— Конечно, — Браун наклоняется ко мне и целует, прежде чем вернуться к костру.

Я смотрю ему вслед и не могу отвести взгляда, совершенно не замечая, как глупая улыбка расплывается по моему лицу. Трейси недолго разглядывает меня, прежде чем сказать:

— Давно не видела его таким довольным, — тянет блондинка.

Я поворачиваюсь к ней лицом и прикусываю губу. Секунду думаю, пытаюсь разобраться в своих чувствах, а потом тяну:

— Он классный, — улыбаюсь я. — Не знаю... Впервые кто-то вызывает во мне такие эмоции. Даже не знаю, как описать их.

Девушка закатывает глаза и поднимается на ноги, отряхивая штаны.

— Ты по уши втюрилась в него, вот как это можно описать, — Трейси улыбается и

уходит в сторону костра, наверное, чтобы погреться, а я остаюсь в одиночестве, думая над словами Кристалл.

Да, она права. Я по уши и безвозвратно влюбилась в Стива Брауна. И ничто не сможет заставить меня разлюбить его.

Tom Rosenthal — Going To Be Wonderful

Весь вечер до самой темноты я провожу в компании Стива в его палатке. Мы запираемся там, болтаем о всяких глупостях, ужинаем, лакомимся малиной, которую я собрала во время путешествия, но всё-таки большую часть времени мы просто обнимаемся или целуемся.

А ещё мы делаем совместные снимки на мой телефон, чтобы оставить хотя бы частичку памяти о нашем лете. Они получаются глупыми и смешными, особенно учитывая то, что я не любитель делать селфи.

Все ребята развлекаются возле костра и совсем не замечают наше отсутствие, и мы пользуемся этим моментом, пока есть возможность.

Но вскоре нас находит Трейси и заставляет присоединиться к остальным — отмахнуться от неё не получается, прогнать тоже, поэтому нам с Брауном приходится вылезти из нашего укромного местечка и устроиться недалеко от костра, где ребята по очереди рассказывают страшные истории. Иногда кто-то смеётся, девушки взвизгивают, когда их кто-нибудь пугает, в стороне Джек снова играет на гитаре, и Кристалл присоединяется к нему, оставляя нас в покое. И зачем вообще ей понадобилось наше присутствие? Могла бы и дальше делать вид, что нас не существует.

Мы сидим на бревне чуть в стороне от остальных ребят — Стив начинает щёлкать зажигалкой, и я кошусь в его сторону, наблюдая за движениями руки. Небольшое пламя то появляется, то исчезает, словно забирая с собой из этого мира нечто печальное, а затем возвращая всё на место. Тихие звуки гитары успокаивают, костёр трещит, разгораясь сильнее, пахнет дымом.

— Однажды мы с отцом и с братом ходили в поход, — говорю я, чтобы хоть что-то сказать. — Ночевали в лесу. У папы было оружие, и мы стреляли по банкам. Пока мы развлекались со стрельбой, к нам в лагерь забрался енот или ещё какое мелкое животное, и разворотил наш рюкзак с припасами. Когда мы вернулись, всё было перевернуто верх дном, пакеты с чипсами разорваны, а крошки расстилались по траве, словно осенняя листва. Из-за этого нам пришлось вернуться раньше, потом что припасов для ужина нам не хватало.

— Весело, наверное, было, — бормочет Стив.

— Ага.

Я улыбаюсь, вспоминая, как плакала из-за того, что животное утащило моего любимого мишку. Рори успокаивал меня, даже пытался отправиться на поиски пропажи, но отец остановил его. Игрушку так и не нашли.

Мы снова замолкаем, и я отвлекаюсь на рассказ какой-то девушки, которая пытается переплюнуть страшилку Дина и заставить ребят дрожать от страха, но те лишь усмеваются и подшучивают над ней. Я улыбаюсь, плотнее кутаясь в кофту, и поднимаю голову, наблюдая за тем, как дым от костра поднимается в ночное небо и исчезает там, словно в бескрайнем пожирающем океане. Миллионы звёзд обрушиваются на меня, заставляя голову кружиться, и

я чувствую, как начинаю порхать. Вот ради таких моментов и стоит терпеть мошек и противных комаров, отсутствие интернета и нормальной постели. Ради великолепных звёзд я могу смириться со всем.

В какой-то момент Стив говорит, что отойдёт на пару минут в туалет, и я остаюсь в одиночестве. Прохладно — я нахожусь не рядом с костром, поэтому пламя не согревает меня, а сесть поближе возможности нет. Все, кто успел, уже оккупировали приличные места.

Брауна нет долго. Я осматриваюсь, пытаюсь отыскать его взглядом, но в темноте у меня получается увидеть только ребят, находящихся рядом с костром. Трейси тоже поблизости нет. Я поднимаюсь на ноги, отряхивая штаны, и плетусь в сторону Джека, пытаюсь найти Кристалл, но та словно испарилась.

— Трейси не видели? — спрашиваю я Джека, который в этот момент болтает с какой-то девчонкой.

Парень отвлекается, поворачиваясь ко мне, осматривает меня с ног до головы, и я ёжусь под его пристальным взглядом.

— Она к ручью пошла, — подумав, отвечает Джек, после чего отворачивается.

К ручью? Что ей там делать в такое время? Может, у неё что-то случилось? Да и Стива уже долго нет...

Я взволнованно осматриваюсь, снова пытаюсь отыскать эту парочку, и решаю сходить к ручью. Он расположен за перевалом чуть дальше в лесу, так что найти его просто, однако, там нет ни фонарей, ни костра. В темноте легко можно заблудиться — я стараюсь прислушиваться, чтобы не отойти слишком далеко от костра и не упустить голоса ребят. По ним проще будет вернуться к стоянке.

Темнота сгущается — я тихо пробираюсь между деревьями, стараясь особо не шуметь, и настороженно напрягаюсь. Мало ли, какое животное сюда забредёт...

Прежде чем я дохожу до ручья, до меня доносятся голоса, заставляющие меня замереть. Я узнаю голос Трейси, а затем и Стива, и моё сердце пропускает удар. Они спорят.

Отсюда я не могу разобрать слов, поэтому решаю подойти поближе. Я останавливаюсь за большим деревом, выглядываю из-за него и различаю две фигуры в темноте, освещённые тусклым еле пробивающимся сквозь кроны деревьев холодным лунным светом.

— ...Стив, приди в себя! — Кристалл пытается говорить приглушённо, но у неё плохо получается. — Это же Эмма Вудс! Ты хоть понимаешь, во что ты ввязался? Если родители узнают...

Я замираю. Они говорят обо мне? Почему?

— Они не узнают, если ты не скажешь, — перебивает её парень.

— Если ЕЁ родители узнают... — блондинка осекается и на мгновение замолкает. — Она втюрилась в тебя по уши. Зря ты затеял всё это. Она понятия не имеет, кто ты. Прекрати этот цирк, пока всё не зашло слишком далеко... — Трейси приглушает голос до такой степени, что я с трудом могу разобрать дальнейшие слова.

Я делаю шаг вперёд, чтобы подобраться поближе, но случайно наступаю на сухую ветку, и негромкий хруст разрывает тишину.

Сердце взрывается адреналином — я возвращаюсь обратно и прижимаюсь спиной к дереву, успевая заметить, как фигуры поворачиваются в мою сторону. Молчание убивает — я так и представляю, что сейчас они решат проверить, что это только что было, и увидят меня. Я зажимаю рот рукой, решая, что дышу слишком громко, и замираю.

Я не слышу шагов, но знаю, что брат с сестрой смотрят в мою сторону и вглядываются в темноту.

— Я расскажу ей всё в последний день, дай мне ещё немного времени, — тихо просит Стив.

— Я надеюсь, ты понимаешь, что делаешь, — отчеканивает Трейси, а затем я слышу шаги.

Сердце бешено стучит, когда девушка проходит практически рядом со мной, но Кристалл не замечает моё присутствие. Браун остаётся возле ручья — я не решаюсь подойти к нему, да и вернуться к костру тоже, ведь парень может услышать мои шаги.

Что такого в том, что Стив общается со мной? И что значит фраза «она понятия не имеет, кто ты»? Почему будет плохо, если мои родители узнают о Брауне? Да что вообще здесь происходит?

Я никак не могу быть связана с этим парнем, в прошлом мы никогда не общались, за исключением тех случаев, когда мы сталкивались в школе. И то я ни разу не обращала на Стива внимания. Это он так говорит. Но что же на самом деле? Какую страшную тайну хочет рассказать мне Браун в день нашего последнего пребывания в лагере?

Имею ли я право лезть к нему с расспросами или мне лучше подождать, пока парень сам не решится рассказать мне всё?

Голова разрывается от вопросов и противоречий. Мне почему-то становится страшно.

Стив ещё недолго стоит возле ручья, а потом уходит, всё так же не замечая меня, девушку, притаившуюся возле большого дерева в темноте леса. Я смотрю ему вслед, пока мрак не поглощает его фигуру полностью.

Мне требуется время, чтобы прийти в себя. Я не возвращаюсь к костру, а сразу иду в сторону своей палатки. Там никого нет — я забираюсь в спальный мешок и притворяюсь спящей. Даже, когда ко мне заглядывает Стив и тихо зовёт меня по имени, и когда звуки костра затихают, и когда Трейси возвращается в палатку и ложится спать.

Я лежу, прекрасно понимая, что заснуть сегодня у меня не получится. Единственный способ избавиться от мыслей — это бег.

Я понимаю это только под утро, когда бесконечные попытки заснуть ни к чему не приводят. Не знаю, удалось ли мне поспать сегодня, но я не чувствую усталости, когда одеваюсь и выбираюсь из палатки.

Все спят. Костёр холодный и давно остывший. Уже светает, но в то же время лес переполнен прохладой и утренним туманом. Кроссовки намокают из-за росы, изо рта вырывается пар. Я бросаю взгляд на палатку, в которой спит Стив, но не решаюсь заглянуть в неё. В замен я разминаюсь, подпрыгивая на месте, и бегу в сторону скалы, чтобы обогнуть её и вернуться с другой стороны. Я обследовала эту местность ещё вчера вечером, поэтому буду надеяться, что не потеряюсь.

Я бегу между деревьями до ручья — ветви хрустят под ногами, а трава шуршит, будто стонет от боли.

Дыхание сбивается, когда я завершаю первый круг. Лагерь всё ещё спит — я бесшумно направляюсь по тому же маршруту и пробегаю ещё парочку кругов. На пятой попытке, когда я добираюсь до ручья, я неожиданно замираю, остолбенев, потому что возле воды стоит нечто большое и мощное. Это олень. Он шумно пьёт воду, склонив к ней голову, громко фыркает и причмокивает. Его шерсть гладкая и красивая, рога извилистые, мощные, напоминающие ветки деревьев.

Он прекрасен. Не знаю, как животное умудрилось подобраться так близко к стоянке, и понятия не имею, как я могла не заметить его раньше. Я бегала здесь столько времени, но даже не слышала его передвижений.

Я прислоняюсь рукой к дереву, с восторгом наблюдая за красавцем, и даже не шевелюсь, боясь спугнуть его. Ветер дует в мою сторону, поэтому олень всё ещё не учуял меня. Интересно, он отбился от стада? Или его загнали в эту сторону люди? Может, он просто учуял запах еды и решил проверить?

Всё внутри меня трепещет и изнывает от восторга, и я даже боюсь дышать, боюсь упустить этот момент.

— Олень, — шёпот раздаётся у меня рядом с ухом, и я вздрагиваю.

Стив подкрадывается незаметно — его дыхание обжигает меня, рука опускается на талию, пальцы сжимают тело. Я чувствую парня спиной, но продолжаю смотреть на животное, словно замороженная. Не знаю, сколько проходит времени, но моё тело начинает неметь от напряжения, и я делаю шаг в сторону, наступая на ветку. Хруст разрывает тишину, олень резко вскидывает голову и смотрит на нас.

Глаза в глаза, проверяя, есть ли опасность, нужно ли бежать, или, может быть, защищаться. Наши взгляды прирастают друг к другу, и я вдруг ощущаю невероятную близость. Так и хочется подойти поближе и дотронуться до животного, до его рогов, до морды, до спины.

Но олень неожиданно срывается с места и скрывается среди деревьев, оставляя меня и Стива наедине друг с другом.

— Невероятно, — шепчу я, пытаюсь отойти после увиденного. — Ты видел? Ты... — я прокашливаюсь, вспоминая подслушанный разговор между Брауном и Трейси, резко оборачиваюсь к нему и смотрю прямо в глаза. Его взгляд спокойный и немного грустный, словно парень прекрасно знает, что я услышала их разговор, словно уже готов к расспросам. — Ты видел это? — всё-таки выдыхаю я, решая, что не стоит портить такой момент лишними разговорами.

— Ещё бы, — Браун улыбается. — Я стоял прямо позади тебя.

— Это так, — я восторженно выдыхаю, не в силах подобрать нужные слова. — Так круто. Господи...

Я улыбаюсь, утыкаясь лбом в грудь Стива, а затем отстраняюсь.

— Жаль, не было фотоаппарата. Такой момент...

— Ты уверена? — усмехается Стив, поднимая руку и показывая мне сотовый.

Я удивлённо перевожу взгляд с телефона на Брауна и обратно, вскидываю брови, боясь спросить, действительно ли он занял это, но парень лишь показывает мне фотографию.

Я стою возле дерева и смотрю на то, как олень пьёт воду, а затем второе фото: часть моего лица и животное, смотрящее прямо на нас. Я готова кричать от восторга, но вместо этого я задыхаюсь. Мне хочется плакать, и я обнимаю Стива так крепко, что могу сломать ему кости.

Я плачу. Бесшумно, сама не понимая из-за чего. И мне вдруг становится чертовски легко и хорошо. Может быть, давно надо было просто так взять и поплакать, чтобы избавиться от напряжения и плохих мыслей. Просто обнять Стива Брауна и разрешиться у него на груди без каких-либо причин...

The Neighbourhood — Female Robbery

Я не признаюсь Стиву, что подслушала его разговор с сестрой, и все оставшиеся дни делаю вид, словно всё в порядке. Следующие два дня проходят незаметно: мы собираем хворост для костра, бродим недалеко от лагеря и ищем всякие съедобные мелочи, которые можно было бы бросить в ужин, выслушиваем от Питера лекции на тему, как выживать в лесу, снова вяжем узлы, пытаемся самостоятельно развести костёр и даже учимся метать ножи.

В основном всё спокойно. Животные больше не забредают к нам, погода радует, еда вкусная, единственное, насекомые жутко раздражают, особенно комары по ночам. Палатка плотно закрыта, и противные твари скапливаются с другой стороны, словно мошкара, и жужжат, а некоторые даже умудряются пробраться внутрь и укусить. В итоге на утро кожа зудит и покрывается отметинами. Трейси бесится ещё сильнее.

Мы проводим на стоянке больше времени, чем планировали, потому что ребята отказываются возвращаться в лагерь, уж больно парням понравилось пробираться к девчонкам в палатки по ночам и пугать их. Один раз они даже забираются к нам ночью, подкидывают каких-то лягушек и наслаждаются громкими криками Трейси, которая вопит как ненормальная, выбегает из палатки и ещё долго отказывается возвращаться обратно. Мне же было всё равно. Лягушка — не ядовитая змея, чего её бояться? Она только прыгает и испуганно квакает.

Я даже подумать не могла, что те, кто больше всех выступал против похода, будут умолять Питера продлить стоянку ещё на пару деньков. В итоге, посоветовавшись со взрослыми, вожатый решает уступить нам. Еды у нас с запасом, поэтому с голоду помирать точно не придётся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Единственная, кто недовольна таким поворотом событий — Кристалл. И конечно же именно мне приходится выслушивать её причитания, поэтому я частенько прячусь в палатке Стива, либо сбегаю вместе с парнем в лес и наслаждаюсь одиночеством. Ночью мы с ним взбираемся на утёс и смотрим на звёзды, а когда терпеть проклятых комаров становилось совсем невыносимо, мы возвращаемся обратно в лагерь и разбредаемся по разным палаткам.

На медвежьем утёсе мы находимся пять дней, но так и не повстречаем ни одного гризли. Очередные шуточки парней по этому поводу уже начинают раздражать, и многие девчонки оказываются точно такого же мнения, что и я. Они показушно закатывают глаза и делают замечания ребятам, но те лишь хохочут и отмахиваются.

За всё время, проведённое в походе, я практически ни с кем не общаюсь, кроме Трейси Кристалл и Стива Брауна, но меня это ничуть не расстраивало, поэтому, когда наступает время собираться палатки, тушить костёр и прибираться за собой, чтобы двинуться обратно в сторону лагеря, я ничуть не расстраиваюсь. Хочется поскорее принять душ и оказаться в нормальной постели, и сейчас, после того, как мы почти неделю провели на природе, я разделяю позицию Трейси.

Мне срочно нужен душ, подушка и одеяло. А ещё крыша над головой и горячий чай. Или кофе.

Нас опять разделяют на две группы, и мы, забрав все свои вещи, двигаемся обратно в лагерь, но теперь уже маршрутом Дрея. Этот путь куда проще и неинтереснее, чем тот, по которому мы шли в самом начале. Здесь нет ни озера, ни плотины. Одна лишь река, по берегу которой мы двигаемся практически всё время. В этот раз Стив присоединяется к нам, и я всю дорогу не отхожу от него ни на шаг.

К тому моменту, когда мы делаем последний привал в этом походе, погода снова ухудшается. Поднимается холодный ветер, заставляющий кроны деревьев неистово шуметь и стонать под натиском плотного потока, а к темноте, когда мы сидим возле костра и жарим зефир, который припасли для нас взрослые, начинается дождь.

Раскалённые угли и сгоревшие брёвна громко шипят под натиском воды, огонь практически моментально затухает, и в этот момент мне кажется, будто он стонет, упрекая нас за то, что мы так плохо следили за ним.

Девчонки визжат и разбегаются кто куда, парни не отстают от них. Я отправляю в рот немного намокший зефир (не пропадать же сладкому!) и бросаюсь в сторону нашей палатки. Дождь охватывает меня в свои объятия, и моя одежда практически моментально намокает. Волосы прилипают к лицу, и на мне не остаётся ни сантиметра сухого места, когда я буквально вваливаюсь в наш «домик». Следом за мной кубарем влетает Трейси и закрывает палатку на змейку, чтобы ни одна капля больше не добралась до неё.

— Ну, и погодка! — стонет Трейси. — Жесть!

Я хватаю из рюкзака грязную футболку и начинаю высушивать волосы. Кристалл стаскивает свою одежду до белья и бросает мокрую кучу тряпок в угол, затем начинает рыться в рюкзаке в поисках нормальной одежды.

— Всё грязное, — бурчит Трейси. — Чёрт...

Она достаёт какие-то вещи, быстро стаскивает с себя бельё — я поспешно отворачиваюсь и делаю вид, что занята сушкой волос, — и одевается. Меня пробирает дрожь — я стучу зубами, пока стаскиваю неприятно прилипающую к коже одежду. Трейси не обращает на меня внимания и начинает бороться с волосами, и я пользуюсь этим моментом. Нахожу более-менее чистую одежду, которая не особо пропахла потом, снимаю мокрое бельё (хорошо, что у меня осталось запасное) и переодеваюсь. Как раз в тот момент, когда я натягиваю свитер, змейка палатки открывается, и внутрь заваливается Стив.

Трейси взвизгивает.

— Пошёл вон, Браун, тебе здесь не рады! — пищит она, обиженно надуваясь, но парень не обращает на сестру внимания и закрывает палатку.

— Да ладно тебе, мне там страшно одному, — шутит Стив и усаживается, пристраиваясь рядом со мной.

— Это не повод вот так врываться к нам, а если бы мы были не одеты?! — продолжает причитать Кристалл.

— Но вы же одеты... — Стив пожимает плечом. — У меня есть карты.

Он достаёт из кармана колоду и бросает в середину образовавшегося круга. Мы смотрим сначала на мокрые карты, а затем на Брауна, но тот лишь невинно улыбается. Я бросаю взгляд на его лицо, по которому стекают капли дождя, и оцениваю состояние одежды.

— Промок совсем, — говорю я, но Стив лишь отмахивается.

Он снимает свитер, оставаясь в одной футболке, и я понимаю, что она совсем сухая. Значит, дождь не успел пробраться так глубоко...

— Ладно, — сдаётся Трейси. — Можешь оставаться.

Стив фыркает, словно с самого начала знал, что так всё получится, а затем хватается карты и начинает раздавать.

Время тянется долго.

Ветер практически не добирается до нас сквозь ветви деревьев, но дождь всё равно неистово барабанит по крыше палатки, словно Майлз Теллер, играющий на барабанах в фильме «Одержимость». Мне кажется, что в любую секунду что-то где-то порвётся или сломается, и мы останемся без крыши над головой, но ничего подобного не происходит.

Мы ложимся спать втроём — Стив обнимает меня со спины, совершенно не обращая внимания на недовольства Трейси, и засыпает, начиная тихо посапывать мне в шею. Я ещё долго не могу выбросить из головы все мысли и тревожность, поэтому мне требуется время, прежде чем погрузиться в сон.

***

К утру дождь стихает. Я просыпаюсь в объятиях Стива и улыбаюсь, чувствуя его крепкую руку на своей талии. Мне хочется повернуться к нему, чтобы посмотреть на безмятежное лицо парня, но я боюсь, что Браун может проснуться. Я лежу тихо и наслаждаюсь моментом, пока томный шёпот не разрывает мои мысли.

— Доброе утро...

Я не знаю, откуда Стив узнал, что я уже проснулась, но всё-таки улыбаюсь, приятно морщусь и осторожно разворачиваюсь в его руках. Глаза парня закрыты, но уголки губ приподняты. Я чуть подаюсь вперёд и легко целую его.

Крепкая рука сжимает мою талию и скользит вверх, достигая подмышки, а потом плавно двигается обратно. Я обнимаю его за талию и прижимаюсь сильнее — его тепло согревает и приятным эхом отдаётся у меня в животе. Хочется мурлыкать как кошка и вонзять в парня когти от удовольствия.

А потом я отстраняюсь и утыкаюсь носом ему в шею, вдыхая запах затхлого пота, земли и каких-то шишек. Интересно, чем пахну я? Или скорее даже воняю...

Мы лежим так долго, будто снова пытаемся заснуть, пока нас всех не будит Питер. Мы ещё недолго нежیمся в объятиях друг друга, а потом Трейси выгоняет нас из палатки, дабы собрать её и упаковать в рюкзак. Мы быстро завтракаем — Питер подгоняет нас, чтобы мы успели добраться до лагеря, пока не начался очередной дождь, и всем ничего не остаётся, как следовать его указаниям.

Мы двигаемся дальше и к вечеру уже добираемся до лагеря. Это как спасительный глоток воды. Как только ребята видят очертания домиков, они срываются с места и бегут к ним, чтобы достать чистые вещи, а эти отнести в стирку. Впереди нас всех ждёт душ и обещанный праздничный ужин в честь возвращения из похода. Жду не дождусь, когда смогу расслабиться под струёй воды и полакомиться чем-нибудь вкусеньким. Семь дней в лесу должны окупиться как минимум вкусным тортом или пирогом. А иначе и праздничным ужином это назвать нельзя будет!

Etro Anime — First Heard Your Name

Оставшиеся дни пролетают быстро, словно мимолётное мгновение в ярком, но стремящемся к забвению сне, и я не успеваю оглянуться, как наступает вечер, когда Стив Браун должен будет рассказать мне нечто, связанное с его самым страшным секретом. Я стараюсь не вспоминать подслушанный разговор, произошедший между Треси и её братом в лесу возле ручья, где я спустя часы встретила завораживающего сознание и все мои мысли оленя, но у меня ничего не получается. Я думаю об этом каждый раз, когда остаюсь наедине с собой, и никак не могу придумать адекватное объяснение всему происходящему.

Поэтому я снова бегаю. Так много, чтобы вообще перестать думать. Перед сном, утром, когда мучает бессонница, в свободное от заданий Питера и от общения с окружающими время. Бегаю вдоль озера, до речки, где мы со Стивом иногда проводим время вместе, до загона с лошадьми, до полигона, до самого конца этой казалось бы такой бесконечной дороги. И это спасает меня от сумасшедших картин, разворачивающихся где-то внутри моей головы.

Я не хочу уезжать домой. Я так привыкла к этому лесу, озеру и спокойствию, что даже не представляю, что буду делать, когда вернусь в город. С одной стороны я скучаю по всем: по Нине, Мил и даже немного по Трис. По своей комнате, бесконечным аудиозаписям в плейлисте на социальной странице, по горячей ванне с пеной, по уютной кровати и по разным вкусняшкам, которые мама вечно прячет в одно и то же место, словно не замечая, что я каждый раз нахожу их и съедаю.

Но с другой стороны я совсем не горю желанием возвращаться в эту повседневность, где ничего никогда не меняется. Это всё равно что выпустить животное на свободу, а через несколько дней вернуть обратно в клетку. Это несправедливо.

Но пока у нас есть целый день, чтобы попрощаться со всеми, обменяться контактными данными с теми, с кем мы хотим и дальше продолжить общение, насладиться последними часами в лагере, повеселиться у костра и последний раз заснуть в спальном домике под бесконечные звуки сверчков.

Завтра ровно в двенадцать за нами приедут автобусы и увезут прочь, оставив лишь воспоминания и фотографии, как напоминание, что всё произошедшее здесь было не просто сказочным сном. И я очень сильно надеюсь, что всё то, что случилось в лагере, скажется на моей дальнейшей жизни. Скажется на мне. На моём характере, моём мировоззрении, моём восприятии мира. И мне остаётся только верить в это и делать всё, что в моих силах, чтобы не оступиться.

***

Я сижу на небольшом деревянном ограждении посреди просторного поля, где когда-то давно был полигон для стрельбы. Сейчас же здесь всё заросло, покрылось бесконечной зеленью, а старые мишени, расположенные примерно в ста метрах отсюда, сгнили и превратились в обычные куски фанеры, покрытые потрескавшейся от времени краской.

Здесь спокойно и тихо: ветер теребит мои волосы, зарываясь в них, словно пальцами, и я приятно морщусь от наслаждения; небо покрыто белыми облаками, изредка скрывающими солнце; сегодня тепло, но не удушающе жарко. Отличная погода для прощального дня в летнем скаутском лагере, который скоро превратится в обычный санаторий. Сидя здесь, я понимаю, что вряд ли когда-нибудь вернусь сюда. Хотя, возможно, в будущем я отправлю своих детей в это место, чтобы они тоже насладились этими прекрасными моментами.

Мне хорошо и тоскливо одновременно.

Сидя на ограждении в объятиях ветра и солнечных лучей, я получаю удовольствие от каждой секунды, каждого мгновения, въедающегося в мою память и уходящего в самую глубину души.

Я здесь, и я жду Стива Брауна, который незадолго до этого назначил мне встречу на старом полигоне. Не знаю, почему он выбрал именно это место, а не озеро или нашу иву, но какая разница? С этим парнем и на краю света я буду счастлива.

Я жду недолго. Вскоре после того, как я прихожу сюда, я замечаю фигуру парня вдали, которая появляется между деревьями и выходит на открытое пространство. Я щурюсь, пытаюсь разглядеть в солнечных лучах его лицо, но то сверкает и отсвечивает, словно зеркало, и мне остаётся только пристально наблюдать за ним, пока парень не подходит на достаточное расстояние, чтобы я смогла нормально видеть его.

На Стиве кепка и солнцезащитные очки. Он в обычной белой футболке, в армейских штанах с карманами, а на шее у него цепочка с военными жетонами, которые достались ему от деда. На плече у него, словно рюкзак, висит винтовка, и на мгновение мне снова кажется, что это мой брат Рори.

— Где ты взял это? — напряжённо спрашиваю я, когда Браун останавливается рядом.

Я щурюсь из-за солнца, совершенно не в силах разглядеть за тёмными очками глаз Стива, и спрыгиваю на землю. Нам больше не нужно носить скаутскую форму, поэтому я в обычной майке, в лёгких бриджах и в кроссовках. Парень снимает с плеча оружие, облизывает губы — я на мгновение замираю, наблюдая за его проворным языком, тут же исчезающим во рту, — и смотрит вдаль на мишени.

— Пневматика, — Стив протягивает мне винтовку. — Питер одолжил пострелять.

Я скептически поджимаю губы, но всё же беру в руки оружие — винтовка тяжёлая, приклад деревянный с зелёным армейским рисунком под цвет штанам Брауна, оптический прицел, крепление для ремней самодельное и немного неровное.

— HUNTER 440, — тяну я. — Однозарядная. Отдача почти как у боевой.

Я пытаюсь опустить ствол, чтобы проверить наличие пули, но пружина очень тугая, поэтому у меня получается не с первого раза. Стив не предлагает мне свою помощь, и я ему за это благодарна. Браун достаёт из кармана круглую коробочку — я слышу, как шарики внутри бьются о стенки, требуя, чтобы их выпустили на свободу.

— Я с утра повесил мишень, — говорит парень, открывая коробку и ставя её на деревянное ограждение.

Я внимательно смотрю на Стива, пытаюсь понять, зачем он всё это делает? Парень знает, что я выросла среди военных и хорошо разбираюсь в оружии, но в связи с прошлогодними событиями я теперь опасаясь его. Пусть это просто пневматика, но всё равно меня охватывают странные ощущения.

— Никогда не стреляла из Хантера, — бормочу я. — Слышала, что это не самая удобная винтовка. Откуда она вообще у Питера?

— Я не знаю, — признаётся Браун. — Увидел у него в главном здании, выпросил на пару часов. Решил, что тебе захочется пострелять.

Захочется пострелять? Да у меня брата на войне убили, я вообще должна бежать подальше от всего, что связано с военной тематикой, а не стоять на старом полигоне, намереваясь пострелять из пневматической винтовки с оптическим прицелом.

Я прикусываю губу, беру одну пулю 4,5 мм и вставляю в отверстие, после чего возвращаю ствол в прежнее состояние, кладу винтовку на ограждение, которое как раз подходит мне для удобной стрельбы, и замираю. Внутри зарождается нетерпение и азарт — я вспоминаю, как раньше стреляла под присмотром отца, и на меня обрушиваются приятные воспоминания. Я понятия не имела, что соскучилась по подобному. Чертовски соскучилась.

Предохранитель находится рядом со спусковым крючком — я осторожно двигаю его вперёд, прикрываю глаза, а затем медленно открываю их, удобнее перехватывая оружие. Смотрю в прицел, находя нужное место, и только сейчас замечаю, что Стив действительно повесил на старые фанеры самодельную бумажную мишень с нарисованными кругами.

Набираю в лёгкие воздух, медленно избавляюсь от него и лишь на выдохе стреляю. Приклад врезается в моё плечо из-за отдачи, но я не обращаю на это внимания. Звук гораздо тише, чем у боевого оружия, поэтому уши не закладывает — я отстраняюсь и вздыхаю. Почему-то именно сейчас с Хантером в руках я чувствую себя на своём месте, и меня это немного пугает.

— Твоя очередь, — поспешно бросаю я, отдавая парню винтовку.

Стив забирает её и «переламеняет» оружие пополам, чтобы зарядить. Я стою в стороне и внимательно наблюдаю за каждым движением Брауна. Не знаю, стрелял ли он когда-нибудь вообще, но держится парень уверенно.

Он занимает моё место, снимает очки, вешая их на ворот футболки, прицеливается несколько секунд, а затем стреляет. Я вздрагиваю, пытаюсь избавиться от навязчивых мыслей о брате, смотрю вдаль, но понятия не имею, достигла ли пуля цели, потому что отсюда сложно что-либо разглядеть. Стив поворачивается ко мне и улыбается. Он перезаряжает винтовку и протягивает её мне.

Так мы и сменяем друг друга, не говоря ни слова, словно читая мысли, а когда оружие оказывается в моих руках девятый раз, перед тем как я спускаю курок, Стив тихо и почти неслышно произносит у меня за спиной:

— Я пироман.

Его слова тонут в звуках выстрела, эхом разлетающегося по полю, но я прекрасно слышу их. Я отстраняюсь от винтовки, даже не проверив, попала ли я в цель, и оборачиваюсь к парню.

— Что? — переспрашиваю я, чтобы убедиться, что я правильно всё расслышала.

Стив стоит возле деревянного ограждения, и на его глазах снова тёмные очки. Это напрягает и приносит облегчение одновременно.

— Я пироман, Эмма, — спокойно повторяет Браун. — Это такая психическая болезнь, когда...

— Я знаю, что это значит, — перебиваю я, перехватывая в руках оружие. — Когда человек импульсивно поджигает всё подряд, испытывая от этого удовольствие. И он не может это контролировать.

Я поворачиваюсь корпусом к Стиву и смотрю на него, но за очками не могу разобрать его глаз. Парень как статуя. Стоит спокойно и непринуждённо, и понять, что он сейчас

чувствует практически невозможно.

— Ну, — я неловко переступаю с ноги на ногу и отвожу взгляд в сторону. — Эм... — я определённно что-то должна сейчас сказать, но я понятия не имею, что вообще говорить в ситуациях, когда парень, который тебе чертовски нравится, признаётся, что он психически больной. Я думаю о его зажигалке, с которой Стив постоянно играет, и о его ожоге. Очевидно, из-за расстройств и остался этот шрам. — Это же лечится, вроде как, да?

— Да, — Браун облакачивается спиной об ограждение и прячет руки в карманах. — Поэтому я лежал в больнице, когда пропустил в школе год.

Повисает неловкое молчание. Я определённно должна что-то сказать, чтобы разрядить обстановку, но голова настолько пуста, что мне становится неловко. Я всё ещё прижимаю к себе оружие, словно защищаясь, и провожу ногой по траве, приминая её.

— Ты об этом хотел мне рассказать? Поэтому мне опасно рядом с тобой? — тяну я, внимательно разглядывая Стива. — Если это так, то в этом нет ничего страшного. Мне лично всё равно.

Парень качает головой, заставляя меня замолчать. Над нами пролетает стая птиц, громко крича, и исчезает где-то в лесу. Ветер на мгновение усиливается, и мои волосы начинают дрожать, словно американский флаг возле дома моих соседей.

— Я хотел рассказать тебе не только это, — Браун опускает голову, и я прекрасно знаю, что он не смотрит на меня. Тень от кепки падает на его лицо, и мне неожиданно становится не по себе. — Рори Джей Вудс, — всё внутри меня замирает, потому что я никогда никому в жизни не говорила второе имя своего брата, — когда-то был моим лучшим другом.

Ветер снова усиливается и заглушает последние слова Брауна, но я всё равно умудряюсь их услышать. Волосы лезут на лицо, и я трясусь головой. Руки заняты винтовкой, которая не позволяет мне убрать непослушные пряди.

Что он только что сказал? Стив дружил с моим братом? Но почему тогда я не помню его? Я знаю всех друзей Рори, с которыми он обычно зависал, но среди них я ни разу не видела Брауна. И брат никогда не любил своё второе имя, поэтому мало кто его знал. Если уж Стив в курсе таких мелочей, то, очевидно, он был близок с Рори.

— Рори был моим другом, — зачем-то повторяет парень, словно думая, что я молчу, потому что не расслышала. — Он первый заметил, что со мной что-то не так. Я начал пропускать занятия, учителя жаловались на моё плохое поведение, я хулиганил и совершенно выпал из реальности почти на год. Я сходил с ума, поджигал предметы, словно безумный. Сначала бумага, затем мелкие вещи. Я уходил в заброшенный парк, где меня никто не мог увидеть, и любовался огнём. Это была как наркомания. Мне было мало, хотелось ещё и ещё. Я не мог жить без огня. По ночам поджигал мусорные баки, как-то в школе стащил химикаты из лаборатории и попытался подорвать машину директора, — парень замолкает, а я стою рядом, вглядываясь в его штаны, и пытаюсь представить всё это. Звучит бредово и нереально, и я с трудом многу поверить словам Стива. — Рори пытался повлиять на меня. Говорил, что это ненормально, что я должен рассказать отцу о своих проблемах, что мне нужна помощь. Я его не слушал. Мне было обидно, что лучший друг не понимает меня, не понимает, что огонь успокаивает и придаёт смысл моей жизни. Тогда мне казалось, что только с помощью поджогов я мог доказать всем, что существую. Оставить след... Привлечь внимание... Я не знаю.

Он замолкает, и несколько минут мы стоим молча. Руки начинают уставать от веса винтовки, но я не двигаюсь, боясь спугнуть момент. Спугнуть Стива и, возможно, отголосок

души Рори, кружащийся вокруг нас.

— Рори не понимал, что я чувствую. У него была счастливая и беззаботная жизнь, куча друзей, родители, девушки, цель, к которой он стремился, — продолжает Браун. — А у меня был только огонь. Я ни с кем не общался, постоянно проводил время в одиночестве. Я был обижен на маму, которая умерла и бросила меня, на отца, который женился на мачехе, на Рори, который не знал, что значит потерять кого-то, остаться ненужным, брошенным. Я злился на весь мир, поэтому сжигал его. Я хотел уничтожить его полностью, — я смотрю на Стива, и мне дико становится его жаль. — Мне было около пятнадцати, когда мы с Рори подрались из-за того, что я пытался спалить гаражи на окраине города. Мы поссорились, и твой брат меня конкретно отделал. Он собирался всё рассказать моим родителям, и я прекрасно понимал, чем это всё закончится. Меня запрут в лечебнице и будут промывать мозги. Я злился. Сильно. Я ненавидел Рори, ненавидел за то, что у него всегда всё хорошо, за то, что он не понимал меня. И тогда я пришёл к нему ночью и поджог его дом. Облил бензином, чиркнул зажигалкой и наблюдал за тем, как дом моего лучшего друга обволакивает пламя. Я хотел, чтобы Рори понял, каково это, когда у тебя отнимают что-то.

Я стою неподвижно и не смотрю на Стива — пальцы сжимают винтовку до такой степени, что костяшки белеют. Мне становится холодно, не смотря на обжигающие солнечные лучи. Внутри меня зарождается дикое отрицание, и я буквально готова начать умолять Брауна перестать рассказывать всё это.

— Я думал, что дома никого нет, — продолжает Стив. — Я знал, что Рори должен был уехать с родителями на два дня в Нью-Йорк, чтобы оформить какие-то документы для поступления в очередную военную школу или что-то вроде того. Он сказал мне это перед тем, как мы подрались. Тогда я подумал, что Джей похвастался, чтобы показать, насколько я ничтожен на его фоне. Это и был толчок к драке. Я планировал, что Рори вернётся, увидит, что его дом сгорел дотла, и поймёт, что я чувствую, но всё пошло не так, как я хотел, — Стив поправляет кепку и съехавшие по вспотевшему носу очки. Он прокашливается, тщательно избегая смотреть в мою сторону. Я же, словно окаменевшая статуя под взглядом Медузы, не могу даже пошевелиться. — Я не знал, что в доме останется младшая сестра Рори под присмотром своей бабушки. Я понятия не имел об этом. Стоял на противоположной стороне улицы и наблюдал за тем, как огонь охватывает стены, заползает внутрь и пожирает всё на своём пути. Я просто стоял и смотрел, получая невероятное наслаждение и удовольствие, пока не увидел в окне на втором этаже чью-то фигуру. Девочка пыталась открыть ставни, но у неё ничего не получалось. Я знал, что пожарные не успеют приехать вовремя, знал, что она умрёт. Задохнётся дымом, прежде чем сгорит заживо. Я испугался. И не того, что меня могут посадить за непреднамеренное убийство, если поймают. Я испугался самого себя. Сначала я хотел убежать. Куда угодно, лишь бы подальше оттуда. Но потом меня словно ударили по голове. Я рванул в сторону дома, выбил входную дверь. Дым заволакивал всё пространство, жар обжигал, огонь уже полностью охватил первый и второй этаж. Остановить его было невозможно. Я с трудом поднялся по сгорающей лестнице, даже не обращая внимания на пламя. Из-за адреналина я ничего не чувствовал. Я думал лишь о девочке, которая осталась одна в комнате и пыталась выбраться оттуда. Я думал о том, чтобы спасти её, — Стив прокашливается. — Я не успел добраться до неё. Горящая балка упала на меня и придавила к полу. Я потерял сознание буквально на минуту, может, даже меньше. Когда я очнулся, коридор был весь в огне. Первое, о чём я тогда подумал: я и есть огонь. Будто бы он исходил прямо из меня и не мог причинить мне вред. У меня был шок. Болевой и эмоциональный,

как мне сказали потом врачи. Поэтому я ничего не соображал. Выбрался из-под балки, добрался до двери комнаты, выбил её ногой. Там уже всё горело, дым заволакивал комнату, и я задыхался, прикрывая лицо рукой. Я ничего не видел, но я ни на секунду не думал о том, что могу умереть там. И я даже понятия не имел, как буду выбираться оттуда, — пауза. — Девочка лежала под окном, и я не знал, дышит она или уже нет. Ей было лет двенадцать. Маленькая и хрупкая, словно кукла. Я думал об этом, пока поднимал её на руки и разбивал окно. Из-за кислорода всё вспыхнуло ещё сильнее. Я думал, что я горю, но мне не было страшно. Наоборот, это доставляло мне удовольствие. Потом я выбрался на крышу крыльца, мы скатились по ней и упали на землю. Я вывихнул плечо при падении. Оттащил девочку на безопасное расстояние и просидел на земле, держа её на своих руках, пока не появились первые люди. Всё это время я смотрел на то, как стонет и трещит дом в огне. А потом я потерял сознание, — Стив поднимает голову и смотрит куда-то вдаль. — Очнулся в больнице с сильными ожогами. Меня признали невменяемым и запихнули в лечебницу, в которой работала моя мачеха. Я пробыл год в психиатрической больнице, а когда врачи убедились, что я могу вернуться в социум, меня выпустили. С тех пор я больше ничего и никогда не поджигал. Пять лет ни одного срыва.

Я сильнее хватаю винтовку, чтобы та не выскользнула из моих пальцев и не рухнула в траву. Голова идёт кругом от рассказа Стива, и я чувствую, как к горлу подступает тошнота. Это всё неправда. Это просто сон. Какое-то безумие! Всё вокруг меня кружится, словно я стою в центре огромной карусели под названием «жизнь», и мне хочется сойти с неё. Я не готова. Я не хочу слышать то, что хочет сказать мне Браун. Меня действительно сейчас стошнит от накативших на меня эмоций.

— Так что да, Эмма Вудс, я опасен для тебя, — Стив поворачивается ко мне, но его глаза всё ещё скрыты за очками, и в этот момент он мне кажется каким-то ненастоящим, механическим, совсем чужим. — Потому что это именно я убил твою бабушку. Я пытался убить тебя. И из-за меня Рори подписал контракт и уехал в Европу, чтобы оплатить покупку нового дома и твоё лечение. Это я виноват в смерти твоего брата. Я убил его...

Я зажмуриваюсь до такой степени, что перед глазами начинают плыть круги, голова кружится, и я больше ничего не соображаю. Делаю шаг вперёд, сильно пихая винтовку в руки Стива, срываю с него очки, задевая кепку, которая соскальзывает и падает в траву, и смотрю ему прямо в глаза. Они синие, темнее, чем небо, но гораздо светлее океана, и до бесконечности пустые. Я не понимаю, что сейчас чувствует Браун, но почему-то мне кажется, что парень испытывает наслаждение после своего рассказа.

Ужас охватывает меня, и я отступаю. Глаза начинают щипать из-за подступающих слёз, и противный ком перекрывает дыхание.

Всё вокруг меня сливается воедино, и я даже не успеваю понять, в какой момент я разворачиваюсь и убегаю. Я задыхаюсь. Меня тошнит от нехватки кислорода и переизбытка воспоминаний, и в себя я прихожу только возле своего домика.

Нет. Бред какой-то. Это всё настоящий бред. Стив Браун не мог быть причиной всего этого, он не мог разрушить всё то дорогое, что у меня было в жизни. Я не хочу верить ни единому слову, ни единой мысли. Человек, которого я люблю, просто не может быть причиной, разрушившей меня до основания. Я отказываюсь принимать это...

Fallulah — Give Us A Little Love

Как-то раз у нас дома случился пожар, в котором погибла моя бабушка. Папина мама. Мне тогда было почти двенадцать, и я мало что помню о том дне.

Мои родители уехали с братом в другой город на пару дней, чтобы оформить какие-то документы для Рори, и я осталась с Маргарет. Бабуля не любила сидеть с детьми и часто выпивала вечерами, просяживая свою пенсию в барах и покупая лотерейные билеты. Она любила бурбон, и от неё всегда пахло алкоголем и горьким шоколадом. Маргарет больше нравился Рори, чем я, а я отдавала предпочтение своей второй бабушке: Терезе.

Но Тереза живёт на восточном побережье и редко приезжает к нам, поэтому, когда родители куда-либо уезжали, они звали Маргарет и просили её присмотреть за мной. Бабуля кормила меня конфетами и отправляла спать в девять вечера, а сама сидела на диване и смотрела телевизор с бокалом крепкого бурбона.

Точно так же было и в тот день. Я наелась конфет до тошноты, выпила огромную кружку апельсинового сока и отправилась в свою комнату. Там я просидела ещё пару часов, перечитывая детскую книгу про принцесс и фей, а потом заснула. Кажется, это были выходные, и мне не нужно было вставать с утра в школу.

Я проснулась посреди ночи. Было жарко, неестественно светло и воняло дымом. Я подумала, что бабуля что-то готовит на кухне, что-то мерзкое и невкусное, поэтому решила спуститься и проверить её. Вдруг она заснула и забыла выключить плиту.

Но дверная ручка была накалена настолько сильно, что я даже не могла прикоснуться к ней. Открыть дверь у меня не получилось, и тогда я поняла, что это не просто подгоревшая еда. Это был пожар. Из-за дыма начала болеть голова, в щели под дверью неестественно колыхался свет. Я решила открыть окно, чтобы плотнуть свежего воздуха, но ставни не поднимались. Они всегда заедали, и открыть их было чертовски сложно. У папы вечно не было времени, чтобы починить их.

Огня в комнате ещё не было, но стены медленно покрывались огненными молниями, обои плавилась, а дым проворно пробирался ко мне, сжимая своими пальцами моё горло.

Я помню человека, который стоял на противоположной стороне улицы и смотрел в мою сторону. Я не помню, кто это был. Может быть, женщина. Может быть, мужчина. Человек побежал к нашему дому и исчез из виду.

Я начала кашлять и задыхаться. Было жарко. Помню, как упала рамка с моей фотографией, висевшая на стене, и разбилась. Всё трещало, рушилось и падало. Я не помню, было мне страшно или же нет. Я кашляла и задыхалась, закружилась голова, и я потеряла сознание.

Очнулась уже в больнице.

У меня было сотрясение, сильный шок и сломана рука. И ещё что-то по мелочи. Когда мои родители пришли навестить и сказали, что Маргарет погибла, я ничего не почувствовала. Я была уверена, что пожар начался именно из-за неё. Единственная мысль,

которая промелькнула у меня в голове «она сама виновата».

Я пролежала в больнице долго. Со мной работал психолог и ещё какой-то мозгоправ. После выписки я ходила на подобные встречи ещё примерно полгода, пока они полностью не убедились, что со мной всё в порядке.

Мы купили дом в кредит и переехали в другой район города. Пришлось перевестись в новую школу, где я и познакомилась с Ниной, Трис и Мил. Все сбережения ушли на моё лечение, денег было мало. Отец подписывал контракты и постоянно уезжал в Европу, мама устроилась работать в академию.

Рори хотел поступать в военную академию Вест-Поинт, это была его мечта. Вместо этого он ушёл в армию, подписал контракт и отправился вместе с отцом убивать людей. Благодаря брату мы смогли полностью погасить кредит и несколько долгов по счетам. Жизнь налаживалась.

Я никогда не интересовалась пожаром и погибшей в ней Маргарет. Я не знала настоящей причины его возникновения, а на вопрос «как мне удалось спастись», все отвечали, мол, меня вытащили пожарные.

Тогда мне было всё равно, именно из-за этого я и посещала психолога. Мама решила, что у меня посттравматический синдром или какая-нибудь там травма, которая может повлечь за собой «страшные последствия». Может быть, если бы я не была такой подавленной и отстранённой, не делала вид, что мне плевать на то, что произошло, родители бы не потратили все сбережения на врачей. И Рори бы не пришлось жертвовать своей мечтой ради денег.

Но брат никогда не жаловался, и я решила, что всё в порядке.

Ни разу я не думала о том, что именно пожар мог быть причиной смерти Рори Джея. Если бы дом не загорелся, брат бы не уехал на войну. Он остался бы жив.

А теперь, когда я думаю об этом, меня охватывает дикая досада и злость. В первую очередь на саму себя, потому что я влюбилась в человека, который и был отправной точкой, приведшей моего брата к гибели.

И я не знаю, что мне делать дальше.

***

Мне не хватает смелости подойти к Стиву или к Трейси, чтобы поговорить с ними, и я не уверена, что вообще хочу этого. В автобусе я сажусь у окна практически рядом с передним выходом. Рюкзак кладу на соседнее сидение, чтобы по прибытию не ждать, пока водитель соизволит достать его из кучи других вещей. Кристалл устраивается в середине, а фигуру Стива Брауна я замечаю в самом конце. Это напоминает мне дорогу в лагерь, вот только сейчас меня не раздражает безжалостное любопытство по поводу «незнакомца».

Стив держится от меня подальше, словно давая возможность поразмыслить над его рассказом и самостоятельно разобраться во всём. Я благодарна ему за это, но одновременно ненависть сжигает всё внутри меня. Теперь, когда я смотрю на него, я не знаю, что я чувствую.

Будто за каких-то несколько секунд он стал для меня совершенно чужим. Было ли вообще хоть что-то между нами за эти дни? Правда ли это всё? Или я схожу с ума? Может быть, я просто придумала каждое мгновение, которое мы провели вместе?

В автобусе душно, и даже открытая форточка не спасает. Дети шумят, галдят и смеются, а я смотрю в окно и наблюдаю за мелькающими деревьями, переходящими в придорожные

кафешки, забегаловки и остальные здания. Я сижу в наушниках, и на душе у меня беспокойно. И дело не в грустных песнях.

Мне нужно время, чтобы разобраться во всём.

Дорога тянется долго — на этот раз я не сплю, и у меня нет возможности избавиться от мыслей и воспоминаний. Несколько часов в моей голове превращаются в тучу бесконечных дней, и когда за окном появляются знакомые очертания города, меня окутывают странные эмоции.

Это словно конец, но в то же время начало. Словно бы я сто лет здесь не была, и одновременно будто бы я вообще никуда не уезжала.

Автобус подъезжает к школе и плавно останавливается. Я хватаю рюкзак, не спеша поднимаюсь на ноги и сливаюсь с толпой детей, которые буквально выталкивают друг друга на свежий воздух. Масса ребят плотным потоком покидает душный транспорт, и я вместе с ними оказываюсь на свободе. Я вдыхаю полной грудью и шумно выдыхаю — взгляд скользит по ближайшему пространству, и только в этот момент я понимаю, что скучала по цивилизации. Природа — это, конечно, хорошо, но всё-таки в городе я чувствую себя куда комфортнее.

Я перекидываю рюкзак через плечо и бросаю взгляд на заднюю дверь автобуса. Стив не спешит выходить, словно ждёт, пока я уйду отсюда. Чья-то машина сигналиит — я оборачиваюсь и вижу маму на своём красном кадиллаке. Не ожидала её здесь увидеть, вообще не думала, что меня будут встречать.

Прежде чем направиться к машине, я в последний раз бросаю взгляд в сторону автобуса и вижу, как Браун медленно выбирается на улицу вслед за Трейси. На нём очки и на лицо падает тень от кепки. Я в тайне надеюсь, что парень подойдёт ко мне и хотя бы попрощается, ведь мы даже номерами не обменялись, но Стив останавливается за кучкой ребят и, кажется, даже не смотрит в мою сторону.

Неприятный укол вонзается в мою грудь — я отворачиваюсь и поспешно иду к авто. Хватаюсь за ручку, бросаю рюкзак на заднее сидение, забираюсь в салон, захлопываю дверь и пристёгиваюсь. Вот и всё.

— Привет, — мама нарушает молчание.

Она красит губы помадой, заинтересованно смотря в опущенное зеркало.

— Привет, — только сейчас понимаю, что за всеми мыслями о Стиве Брауне я забываю даже поздороваться с матерью, которую не видела больше двух недель.

Я смотрю на неё. Она совершенно не изменилась: всё такая же идеальная и красивая. С симпатичной причёской, аккуратным маникюром и в летнем бежевом платье.

— Как отдохнула? — мама медленно закрывает помаду, кладёт её в сумочку, так же лениво поднимает зеркало, чтобы оно не мешалось, а потом резко выворачивает руль и давит на газ, словно за нами гонится маньяк.

— Неплохо, — бормочу я, хватаясь за ручку, чтобы не удариться лбом о стекло. — В поход ходили. И всё такое.

Мы мчимся по дороге в сторону дома, и я думаю о том, что мама, наверное, когда-то давно пересмотрела фильмы «Форсаж» с Вином Дизелем. Актёр, конечно, красавчик, но в реальности такие поездки когда-нибудь доведут меня до нервного срыва.

— Звучит здорово, — бросает мама, сворачивая на повороте.

— Ага.

Не особо хочется разговаривать, тем более с мамой. Сейчас я хочу съесть что-нибудь

вкусненькое, принять горячую ванну и позвонить Нине. Узнать, как у неё дела.

— У меня для тебя есть сюрприз, — говорит мама, когда мы почти подъезжаем к дому.

Я подозрительно кощусь в её сторону. Чтобы мама мне сделала сюрприз? Я даже боюсь представить, что это такое. Наверное, какая-нибудь безделушка.

Наш дом я вижу издалека — соседский американский флаг привычно развевается на ветру, ровный газон идеальной полосой проходит по их двору к нашему, и лишь несколько кустов с розами и небольшой белый заборчик отделяют наши дома. Всё-таки приятно вернуться в родные стены, и даже напряжённая атмосфера между мной и матерью сейчас уходит на задний план. Я улыбаюсь. Впервые за последние часы.

Когда мы подъезжаем ближе, я замечаю чью-то фигуру, сидящую у нас на крыльце. Это мужчина в армейских штанах, в зелёной майке и в чёрных берцах на шнурках. На его груди в отблесках солнечных лучей отсвечивают и ослепляют военные жетоны. Я прищуриваюсь и наклоняюсь, что увидеть лицо человека, но мне это и не нужно. Я знаю, кто это.

— Господи... — бормочу я.

Сердце пропускает удар, и я расплываюсь в улыбке. Машина сворачивает к гаражу и останавливается — я поспешно выбираюсь на улицу.

— Папа! — кричу я.

Он смотрит в мою сторону, и его губы расплываются в улыбке. Я огибаю кадиллак и несусь к нему, словно бы от этого зависит моя жизнь. Отец поднимается на ноги спрыгивает с крыльца как раз в тот момент, когда я бросаюсь ему на шею. Слезы радости застилают глаза, но я не перестаю улыбаться.

— Привет, крольчонок, — весело тянет он, поднимая меня в воздух, а затем опуская обратно на землю.

— Я думала, что ты через несколько дней приедешь! — я отстраняюсь, смахивая со щёк слезинки. — Я так рада тебя видеть. Когда ты вернулся?

— Вчера, — папа обнимает меня за шею, прижимая к себе, и смотрит на маму, которая выбирается из машины и ставит её на сигнализацию. — Решил сделать тебе сюрприз.

Он тянет меня в сторону дома, а я покорно слеую за папой, совершенно не задумываясь, куда мы идём и чем будем заниматься. Я обнимаю его так сильно, словно боюсь, что он испарится, стоит мне только перестать прикасаться к нему.

Я совершенно забываю про Стива, про пожар и про брата. Сейчас в моём мире есть только папа. И больше никого...

Our Last Night — Diamonds

Я заваливаюсь на кровать и облегчённо вздыхаю, понимая, что чертовски скучала по своему дому. По запахам, по горячей ванне, по домашней еде, по ноутбуку и прочим мелочам. Теперь меня не будут преследовать бесконечные сверчки по ночам и угрожающие звуки леса. И сейчас, лёжа на спине на мягкой такой родной кровати я не могу понять, рада ли я этому или же нет.

Снова думаю о Стиве. Чем он занимается? Вспоминает ли меня? Сожалеет ли о том, что сделал когда-то давно? Я так была шокирована всеми эмоциями, нахлынувшими на меня во время нашего последнего разговора, что совсем не заметила, испытывает ли Браун вину за свой поступок. Хотя, он же был болен. Он был один, подавлен и сломлен жизнью. И он злился. Всё-таки Стив спас меня тогда. Если бы он ничего не сделал, я бы, скорее всего, погибла в тот день. Но вся проблема в том, что если бы не Стив, ничего этого не случилось бы изначально.

Я лениво сажусь на кровати и осматриваюсь. Замечаю телефон на тумбочке и тянусь к нему. Снимаю блокировку с экрана, мгновение всматриваюсь в заставку, где изображены звёздочки, а потом решительно открываю галерею с фотографиями, начиная листать снимки со Стивом. Мы в палатке, корчимся и смеёмся. Тогда я ещё не знала, что таится внутри этого парня. Мне было всё равно, и казалось, что ничто на свете не сможет разлучить нас.

А вот теперь я сомневаюсь. Что мне делать дальше? Нужно с кем-то поговорить об этом, спросить совета. С папой? Он вряд ли обрадуется, если узнает, что я общаюсь с парнем, из-за которого погибла бабушка. С мамой бесполезно разговаривать, так что у меня есть один единственный вариант: Нина.

Я выхожу из галереи и набираю номер подруги. Вместо гудков я слышу обрывок песни группы Our Last Night, и это расслабляет. Подруга не отвечает долго, и я уже собираюсь сбросить вызов, когда мелодия прекращается.

— Эмма! — голос рыжей радостный.

— Привет, Нина, — я улыбаюсь. — Я недавно вернулась, не хочешь встретиться?

Девушка чем-то шуршит на заднем плане.

— Уже? Я почему-то думала, что ты завтра приедешь, — Нина на секунду замолкает. — Встретимся в восемь на нашем месте? Я как раз буду возвращаться из больницы. Ты не представляешь, Шон очнулся!

— Да ладно, — выдыхаю я. — Это круто!

— Ага. При встрече расскажу. В восемь на площадке. Увидимся!

Нина отключается. Я ещё несколько секунд держу сотовый у своего уха, словно надеюсь, что снова услышу голос подруги, но вместо него меня охватывает тишина. Так, ладно. У меня есть больше двух часов, прежде чем можно будет пойти на встречу с рыжей. А пока я приму горячую ванну, выберу какой-нибудь лёгкий наряд и перекушу, но перед этим мне срочно нужно кое-что узнать у отца.

Я бросаю сотовый на кровать и направляюсь в сторону выхода. Папа должен быть в

гараже, он собирался разобрать какие-то старые коробки, которые там пылятся с прошлого отпуска, поэтому я направляюсь напрямик туда. Кадиллак всё так же припаркован перед гаражом, двери подняты и внутри я вижу фигуру отца, который роется в старых вещах. Понятия не имею, что он там пытается отыскать.

— Чем занимаешься? — я останавливаюсь рядом с ним, заглядывая через плечо в одну из картонных коробок, но внутри вижу только инструменты.

— Пытаюсь найти кое-что, — папа оборачивается, когда слышит мой голос, а потом выпрямляется и вытирает тыльной стороной руки лоб, оставляя на коже следы то ли от смазки, то ли от грязи.

Он осматривает стеллажи с вещами, облизывая губы. Я скольжу взглядом по пространству и вздыхаю. Здесь пыльно и пахнет бензином, полно старых инструментов, канистр и коробок. На верхнем стеллаже я замечаю горный велосипед Рори, и у меня возникает жгучее желание прокатиться.

— Па, достань велик, — прошу я, упираясь руками в бока.

Отец смотрит на велосипед, медлит, словно собираясь запретить мне трогать вещи брата, но затем подходит к стеллажу и достаёт его оттуда. Он ставит велик на пол и осматривает.

— Почти как новенький, — тянет папа.

Горный Giant Glory чёрного цвета с пружиной и крутыми колёсами покрыт пылью, рама слегка потёрта, шины явно не новые. На раме какие-то старые ободранные наклейки. Это чертовски дорогой байк, стоил, наверное, штуки четыре баксов. Джей купил его после того, как мы полностью погасили кредит за дом и рассчитались с долгами. Катался с друзьями, когда был в отпуске, в остальное время велик пылился в гараже.

— Хочу прокатиться, — тяну я, забирая у отца байк. — Съезжу позже до Нины, — ставлю байк в сторону, чтобы он не мешал отцу. — Слушай, па. Я тут думала... Ну, — я смахиваю рукой пыль с сидения. — Помнишь пожар, в котором бабуля погибла? Из-за чего он начался?

Поворачиваюсь к папе, но он стоит спиной ко мне, продолжая рассматривать коробки. Молчание затягивается, и я уже сомневаюсь, что дождусь ответа.

— Да... — он поворачивается ко мне и немного колеблется. — Один из друзей Рори поджог дом, вроде как они поссорились, а у парнишки оказались проблемы с головой. Он тебя потом сам и вытащил из огня, — папа отряхивает руки. — Поймали с поличным, сам же потом и признался во всём. Хотя, пострадал он там гораздо сильнее, чем ты, так что, думаю, это было ему уроком.

— Ты не говорил никогда, — переступаю с ноги на ногу.

— Да потому что нечего рассказывать особо, — папа поднимает коробку, которую до этого изучал, и относит в угол гаража. — Мы судились с его родителями, но присяжные признали его невменяемым. Запихнули парня в психушку. В итоге денег мы от них не добились. Страховки на дом не было, поэтому мы с трудом купили новый в кредит, а тот участок продали за копейки. Вот и всё.

Я молчу, думая о Стиве. У него мачеха психиатр, наверное, она и припрятала его в лечебницу. Это всё лучше, чем тюрьма.

— Понятно. А как его звали? Ну. Того парня?

— Да я уже и не помню, — папа улыбается, доставая следующую коробку. — Это было сто лет назад. Мы переехали и начали жить заново, а твоя бабуля Маргарет сама виновата.

Бурбон для неё был важнее любого из нас. После смерти деда она совсем двинулась, я ещё поражаюсь, как мы её с тобой оставляли.

Я фыркаю.

— Слушай, а ты когда-нибудь думал, что этот пожар мог стать причиной смерти Рори? — я осекаюсь, замечая, как плечи отца напрягаются. — Ну, я имею в виду, что если бы не пожар, брат бы не стал подписывать контракт и поступил бы в Вест-Поинт. То есть...

— Послушай, крольчонок, — папа перебивает меня. Он медлит, а потом оборачивается и смотрит на меня таким внимательным взглядом, что мне становится стыдно, что я вообще затеяла этот разговор. — Я каждый раз думаю об этом. Не будь пожара, возможно, Джей остался бы жив. Но затем я думаю о том, что если бы твоего брата не было в тот момент на передовой, где мы выполняли задание, я бы не стоял сейчас здесь. Рори спас меня и ещё несколько солдат. Он пожертвовал собой, чтобы я выжил. Если бы Рори поступил в Вест-Поинт, я бы погиб. И я не знаю, благодарить ли того парнишку за пожар или же проклинать. Так что не забивай себе голову. То, что случилось, уже не изменить.

Я удивлённо смотрю на отца. Это впервые, когда он рассказывает хоть что-то о гибели брата. Получается, Рори спас ему жизнь, и если бы его там не было, вместо него погиб бы папа. В любом случае я потеряла бы либо брата, либо отца. И я не знаю, что из этих вариантов хуже всего.

— А теперь, если ты не против, я вернусь к поискам, — он улыбается уголками губ и возвращается к своим коробкам.

Я киваю, скорее сама себе, чем ему, и возвращаюсь обратно в дом. Папа прав, нет смысла винить Стива в том, что именно из-за него погиб Джей, но всё равно факт остаётся фактом. Браун оказался переломным моментом всей моей жизни, и я до сих пор не знаю, как с этим быть.

Andrew Belle — In My Veins

Я с опаской сажусь на велосипед брата, прикасаюсь к нему, словно бы дотрагиваясь до кожи Рори, кручу педали с мыслями, что Джей позади меня: смеётся и подбадривает, заставляя меня ехать быстрее. Ветер врзается мне в лицо, волосы разлетаются позади, словно крылья, и я улыбаюсь. Такое ощущение, я что я парю. Звуки колёс, соприкасающихся с асфальтом, скрип сидения и сжимающие руль пальцы.

Я вспоминаю, как брат с друзьями покорял возвышенность на окраине города. Он всегда любил взбираться на горы, а затем съезжать с них, подпрыгивая на буграх. Джей был бесстрашным.

Интересно, а он боялся убивать людей?

Я доезжаю до «нашего места» быстро, даже не успеваю насладиться поездкой. Нина уже сидит на качелях и дожидается меня. Она отрывается от телефона, когда слышит звуки байка, и замечает меня. Улыбка расплывается на её лице, и на меня накатывает облегчение.

— Эмма! — девушка поднимается на ноги — я подъезжаю к ней и только потом торможу, слезая в велика. — Ого, — рыжая осматривает мою «игрушку». — Крутая штука.

— Это брата, — неуверенно бросаю я, переводя дыхание. Я мчалась по городу как ненормальная. — Пылился в гараже.

— Оу... — Нина запинается. Она знает, что тема на счёт Рори для меня неприятная. — Я рада тебя видеть.

Я улыбаюсь и прислоняю байк к краю качелей, чтобы он не упал, а потом бросаюсь к подруге на шею, сильно обнимаю её. Я скучала. Правда. Очень.

Рыжая хлопает меня по плечу, наверное, не ожидая такого внезапного порыва страсти с моей стороны. Я смущаюсь и неловко отступаю, нелепо поправляя футболку. Обычно я не такая эмоциональная, да и редко обнимаю своих подруг при встрече. Всегда этим занимается Нина или же Трис.

— Рассказывай, — она хватает меня за руку и тянет в сторону качелей. Мы садимся на них и мгновение молчим. — Как лагерь? Ты видела гризли?

Я закатываю глаза, шумно выдыхая.

— Я видела оленя! — выпаливаю я, вспоминая момент, когда я стояла возле ручья, а животное смотрело прямо мне в глаза, настороженно и испуганно. Я думаю о фотографиях, которые сделал Стив, и впервые вспоминаю о парне за всё это время. Мысли о нём выветрились, пока я каталась на байке. Эмоции в этот момент зашкаливали, и я думала лишь о Джее.

— Круто! — Нина с интересом смотрит на меня. — Страшно было?

Я качаю головой. Нет. Мне не было страшно. Ни капли.

— Я была в восторге. Завороженно смотрела на него, и это так здорово, — я улыбаюсь. — А ещё мы ходили в поход на неделю в лес, учились выживать и всё такое. Меня

заставили следить за детьми, чтобы засчитать практику, но там был какой-то странный скаутский лагерь. Типа у них новый владелец, и они скоро сделают там санаторий, так что, можно сказать, мы последние, кто был там в качестве скаутов.

Я замолкаю, чтобы перевести дыхание, и смотрю на Нину. Она наблюдает за мной с лёгкой улыбкой, словно я маленькая девочка, повествующая какую-то сказку. Я замираю, медлю несколько мгновений, а затем рассказываю ей. Рассказываю всё. И про Стива и про то, что было между нами, и про его причастность к пожару, в котором погибла бабушка, и даже о том, что он считает себя виноватым в смерти Рори.

Нина слушает и не перебивает, её пальцы переплетены и девушка хмурится. Я не знаю, о чём она думает, поэтому, когда я заканчиваю свой рассказ, то выжидающе смотрю на рыжую, надеясь услышать от неё какое-нибудь мнение или совет. Когда молчание затягивается, я уже начинаю жалеть, что не сдержалась и всё вывалила на подругу. У неё ведь и без меня куча проблем...

— Стив Браун, — задумчиво тянет она, смотря в сторону школьного стадиона. — Что-то знакомое. Я вроде видела его в школе. В смысле... — она облизывает губы. — Не уверена. Он же брат Трейси Кристалл, да? — я киваю. — Хм. Не могу вспомнить, где слышала это имя... Хоть убей. Знакомое до жути.

Я пожимаю плечом.

— Я сама его никогда не видела в школе, — признаюсь я. — Он сказал, что мы с ним часто сталкивались, но я его не замечала. Не знаю...

Я опускаю взгляд на свои руки и начинаю рассматривать отросшие ногти, непокрытые лаком. Никогда не любила возиться с их покраской, вечно всё неровно получается. Только кожу заляпываю.

— Так, значит, у вас с ним любовь и все дела? — спрашивает Нина.

Я качаю головой, затем шумно вздыхаю.

— Я не знаю. Ни с кем ещё ни разу я не испытывала таких эмоций. Я словно голову потеряла, — признаюсь я. — Думала, что вернёмся домой и продолжим общение, но... потом он рассказал мне о своих проблемах и о том, что он сделал. Я в замешательстве. В смысле... Мне тяжело после гибели брата и... год прошёл только. Я не знаю... не могу никак избавиться от мыслей, что не будь тогда пожара, Рори остался бы жив.

Я замолкаю. Мы сидим молча несколько минут, прежде чем Нина снова подаёт голос.

— А что говорят твои родители?

Я поджимаю губы, вспоминая недавний разговор с отцом.

— Папа сказал, что брат спас ему жизнь. Если бы не Рори, отец бы погиб. Так что в любом случае я потеряла бы кого-то, — признаюсь я. — Но мне всё равно трудно. Стив, кажется, дал мне время, чтобы подумать. И, наверное, он ждёт, что я сама сделаю первый шаг. Но сейчас мне почему-то кажется, что он вообще больше ничего не хочет. В смысле... — я прокашливаюсь. — То есть, там, в лагере, всё было прекрасно. А потом он рассказал мне, что сделал, и я сбежала. Стив так и не подошёл ко мне, вообще избегал до самого конца. И мне теперь кажется, что он не рассчитывал, что мы продолжим общаться дальше. То есть, лагерь — это был наш предел. Его предел. Вернувшись сюда, «нас» словно и не было. Словно «мы» и не можем никогда быть. Я не знаю, смогу ли сейчас встретиться с ним и поговорить снова. Я буду думать о брате, и мне будет больно, а я так упорно избавлялась от всего этого весь год, что не смогу... Я не выдержу всех этих эмоций. Не хочу снова испытывать их...

Я замолкаю и умоляюще смотрю на подругу, словно она силой заставляет меня встретиться со Стивом Брауном, но рыжая молчит.

— Ну, у тебя всегда есть Майкл Филлинс, — улыбается Нина.

Я фыркаю. Совсем уже забыла про капитана «Викингов». Да и не думаю, что у меня с ним хоть что-то получится.

— Не знаю, — бормочу я.

Рыжая вздыхает.

— Может, тебе подождать? — предлагает она. — Подумать. Свыкнуться с мыслью. А когда будешь готова, встретишься с этим Стивом и поговоришь. Или забей на него и всё. У тебя ещё куча других парней будет. Слушай, — Нина берёт меня за руку, и её пальцы холодные, словно лёд, хотя на улице стоит жара. — Ты сама говоришь, что будешь испытывать боль, если увидишь его. Будешь думать о брате. И ты всегда будешь вспоминать Рори, общаясь с Брауном. Каждый раз. Зачем тебе это? Может, стоит забыть его? Отпустить? — я не понимаю, говорит она про Стива или же про Джея. — Со временем станет легче, ты встретишь нового парня, влюбишься и всё такое. Я сама проходила через подобное. Зачем тебе человек, который будет приносить в твою жизнь одни лишь страдания?

Я не отвечаю. Нина в какой-то степени права. Смотря на Стива я буду вспоминать Рори, порой они так чертовски похожи. И сейчас я не знаю, готова ли простить Брауна за пожар, за всё, что он сделал. Сейчас я боюсь видеться с ним. Да и Браун, похоже, тоже. Наверное, поэтому он не оставил мне свой номер телефона или хотя бы страницу на «Фейсбуке».

— А как... — осекаюсь. — Как Шон? — решаю поменять тему.

Нина поникает и отпускает мою руку. Её губы трогает улыбка.

— Он очнулся, — облегчённо говорит подруга, словно радуясь, что я больше не собираюсь продолжать разговор про Брауна. — Но его состояние ещё тяжёлое. Часть мозга повреждена, и он... Потерял слух. А ещё переломы не затянулись и ему трудно передвигаться. Он пока в больнице. Лежит всё время. Кажется, у него с левой рукой будут проблемы, врачи ещё не уверены.

— Самое главное, что он очнулся, — улыбаюсь я.

— Да, — Нина прикусывает губу. — Точно. Может, пройдемся? Не хочу здесь сидеть.

— Конечно, — я поднимаюсь на ноги, подхожу к байку и откатываю его в сторону.

Нина улыбается мне — я киваю ей в ответ, и мы плетёмся в сторону главной дороги, окутанные своими собственными проблемами и разочарованиями. Мы одни, но в то же время мы вместе. И это самое главное: оставаться не одинокими в трудный час.

Lifehouse — Broken

После моего возвращения из лагеря проходит несколько скучных и безжизненных дней. Я всё время провожу с папой, навёрстывая упущенные месяцы, и совершенно не думаю приближающейся школе, подругах и особенно о Стиве Брауне. И о Рори.

Я вру.

Конечно, я думаю обо всём этом, и чем больше проходит времени, тем сложнее становится выбор, который я должна сделать. А должна ли я вообще?

Сейчас, вспоминая Стива, я испытываю непонятное чувство: то ли я скучаю по нему, то ли злюсь, то ли просто обижена. Всё внутри ноет, когда я думаю о парне, почти точно так же, как в первые месяцы после того, как я узнала о смерти Джея. Но тогда я была в ужасе, в ступоре, в шоке. Все вокруг меня испытывали подобное.

Я до последнего не верила, что Рори умер. Даже когда блестящий чёрный гроб стоял на залитом солнечными лучами кладбище, покрытый идеально сложенным американским флагом, когда военные, друзья и командиры брата, распинались перед нами, рассказывая, каким храбрым был Джей и как достойно он умер, защищая честь Родины; когда солдаты стреляли из оружия, чтобы почтить память погибшего товарища; когда гроб опускали в яму и засыпали землёй.

Все были в чёрном. Я слышала плач и голоса на заднем плане, а в ушах шумел ветер, развевая моё длинное платье цвета сажи. Я была последней, кто покинул кладбище. Я просто стояла там на свежезакопанной могиле и смотрела сквозь надгробную плиту, словно загнипнотизированная. Просидела рядом на траве до самой темноты, думая о том, что если уйду сейчас, то навсегда потеряю брата. Мне казалось, что это просто какая-то ошибка, что они закопали пустой гроб, а Рори на самом деле сейчас где-нибудь в Европе, возможно в плену у врага или же просто сбежал с базы, чтобы больше не участвовать во всём этом. Я до последнего надеялась, что он придёт, обнимает меня и скажет, что всё в порядке.

Но я видела его тело и прекрасно понимала, что сколько бы я не пробыла на кладбище, ничего бы не изменилось. Мои иллюзии и пустые надежды развеялись в прах, словно пепел, унесённый резким порывом ветра.

Перед тем, как отправиться домой, я расплакалась. Одна, посреди могил, окутанная ночной темнотой с невероятным чувством беспомощности, а когда слёз больше не оставалось, я поднялась на ноги и побежала. Подол платья развеялся и путался у меня в ногах, каблук стучали об асфальт, а я бежала так быстро, насколько это вообще было возможно.

Я пыталась перекрыть ту дьявольскую боль, накрывшую меня после гибели брата, но грудь сжималась, а дикий отчаянный вопль так и просился вырваться наружу.

Я пересекла половину города, вернулась домой за полночь. Никто меня не хватил. Я просто поднялась к себе в комнату, забралась под одеяло, даже не раздеваясь, и пролежала так до самого утра.

С тех пор я и начала бегать. Каждое утро, когда бессонница охватывала меня, а сны превращались в кошмары. Не горя желанием лежать в постели и страдать, я вставала и

бежала, пока силы не покидали меня и не оставляли ни секунды для ненужных мыслей. Это вошло у меня в привычку. Бегать. Только так я могла не думать ни о чём, кроме боли в боку и трясущихся коленях.

Сейчас, когда отец в отпуске, мы бегаем вместе по утрам. Он всегда тренируется, чтобы поддерживать форму, поэтому с радостью соглашается составить мне компанию. Это меня отвлекает, и я действительно забываю обо всех своих проблемах.

Мы дразним соседскую собаку, которая неприятно твякает, заметив нас; подшучиваем друг над другом, смеёмся и наслаждаемся моментами. Затем возвращаемся домой, уставшие, но довольные, готовим блинчики, пока мама крепко спит в своей постели, завариваем чай или делаем какао.

Днём мы отправляемся в город на мамином кадиллаке и шьемся по торговым центрам. Папа с удовольствием наблюдает за тем, как я меряю одежду, подшучивает и издевается, если я выбираю что-то нелепое, а потом мы едим мороженое в одной из кафешек, и я рассказываю ему о школьных друзьях. О Нине и Шоне, о Мил и даже о Трис. Он спрашивает о моих днях в лагере, и я заваливаю отца историями про поход и глупых мальчишек, умалчивая о Стиве Брауне. Не думаю, что ему стоит знать об этом.

Вечером мы роемся в гараже в поисках какого-то небольшого кейса, который нужен отцу, но никак не можем отыскать его среди бесконечных коробок. На вопросы, что в нём, отец лишь улыбается. Мол, стимула и мотивации у меня больше, чтобы найти его. Я вообще не уверена, что кейс находится именно в гараже. Может, папа просто забыл, куда положил его в прошлый раз?

В остальное время, когда отец проводит его с мамой или же валяется на диване, смотря телевизор, я сижу у себя в комнате и зависаю в интернете. Заняться нечем вообще.

Нина всё время проводит на подработке в кинотеатре, а в свободные минуты помогает Шону в больнице. Говорит, что ей нужны карманные деньги, потому что с матерью после ухода из тенниса она до сих пор не разговаривает.

Мил уехала в Вашингтон к тётке на остаток каникул, чтобы насладиться прелестями мегаполиса. Там она нашла очередных фанатов, с которыми собирается устроить косплей мероприятие. Какой-то тематический вечер. Они готовят костюмы и всё такое.

С Трис я не связывалась, но на её страничке в фейсбуке можно найти много фоток с вечеринок на пляже. Она явно сейчас в другом городе.

Я даже из-за любопытства зашла на профиль Майкла Филлинса, но там ничего интересного нет. Фоток мало, информации тем более. В последний раз мы с ним общались ещё до того, как я уехала в лагерь, и сейчас я как-то не горю желанием снова писать ему. Хотя мысли были.

Спустя ровно одиннадцать дней после того, как я возвращаюсь из лагеря, мне приходит заявка в друзья на фейсбуке и вместе с ней сообщение от Трейси Кристалл.

«Фотки, которые я обещала тебе скинуть. Прости за ожидание!!!»

Я немного в замешательстве, поэтому думаю пару минут, стоит ли вообще отвечать или же принимать заявку, но потом понимаю, что это будет некрасиво. Я добавляю её в друзья и открываю сообщение. Прежде чем приступить к просмотру фотографий, я пишу «Спасибо, Трейси! Ничего страшного, всё в порядке».

Сердце стучит, когда я открываю фото. Я листаю их, тщательно просматривая каждый снимок, словно ища дефекты и проверяя на подлинность. Они все настоящие. Вот я стою под зонтом возле озера, когда Кристалл впервые устроила для меня фотосессию. Вот снимки из

столовой. Кадры из похода, некоторые селфи с блондинкой, парочка фото, где я стою рядом с Питером и ещё некоторые фотографии в те моменты, когда я даже не подозревала, что оказалась на прицеле телефона девушки.

И Стив. Здесь даже есть фото, когда я в его объятиях на крыльце или когда стою рядом в лесу. Мы улыбаемся, и каждый из этих снимков кажется мне безупречным.

А ещё помимо моих фотографий здесь есть и остальные. Кажется, Трейси решила скинуть мне вообще все снимки, даже свои собственные. Может быть, они просто попали в общий поток, я не знаю, но рассматривать их забавно. Сразу накатывает какая-то грустная ностальгия.

Я сохраняю всё на ноутбук в отдельную папку, чтобы не потерять, а затем выбираю самую красивую на мой взгляд фотографию, где я под зонтом возле озера, и ставлю её на аватарку. Практически мгновенно Трейси Кристалл ставит оценку «нравится».

Я прикусываю губу, захожу на её страницу и вижу более пятисот друзей. Боже, да у неё, наверное, вся школа здесь. Помедлив, я ввожу в поиск «Стив Браун», но профиля с таким именем в списке блондинки нет. Пробую просто Стив. Выскакивает парочка профилей, но ни одного нужного среди них нет. Не теряя надежды, я листаю список вниз, тщательно вглядываясь в имена и аватарки людей, добираюсь до самого конца. Среди всех я нахожу Нину, Трис и ещё знакомые лица из нашей школы. Стива Брауна в списке друзей Трейси Кристалл нет. Или он тщательно маскируется под чужими именами.

«Как у тебя дела, Эмма?».

Блондинка не оставляет меня в покое. Немного непривычно общаться с ней за пределами лагеря, а ещё странно то, что она вообще захотела мне написать. Раньше мы даже не здоровались.

«Хорошо. А у тебя?».

«Тоже всё супер. Никак не могу нарадоваться, что вернулась из лагеря. Дома так здорово! Классное фото на аватарке!».

«Спасибо! Да, дома хорошо. Душ, кровать и нормальная еда».

Мне хочется спросить у неё о Стиве, как он там, всё ли у него в порядке, но не решаюсь. У меня нет его номера телефона, профиля на фейсбуке или ещё каких-нибудь контактов, и Трейси единственная, кто связывает нас.

«Как там Стив?» — всё же решаюсь я, когда понимаю, что блондинка не собирается отвечать на последнее сообщение.

Кристалл не пишет долго, и я уже жалею, что не сдержалась. Если бы Браун хотел, он бы сам связался со мной за эти дни. Но прошло меньше двух недель — достаточный ли это срок, чтобы подумать и решиться на разговор?

«Я не знаю. Редко его вижу. Он почти не бывает дома, — наконец, отвечает Трейси. — Он всегда такой. Если хочешь, я могу дать тебе его номер телефона».

«Нет, спасибо. Может, в другой раз», — поспешно отвечаю я, понимая, что пока что у меня не хватит смелости позвонить ему.

Да и что я скажу? Давай встретимся и поговорим? А потом? Давай оставим прошлое и снова будем вместе, как в лагере? Я теперь даже не могу представить, как прикасаюсь к нему. Он кажется таким чужим и недостижимым. Словно его вообще не существует.

«Как хочешь, — Трейси. — Мне пора идти. Пока, Эмма».

«Пока».

Я вздыхаю и закрываю окошко с диалогом.

Какая же я трусиха... Надо было ещё в лагере разобраться с этой ситуацией, а сейчас с каждым днём становится только хуже. Если я оставлю всё на самотёк, что-нибудь изменится?

Думаю, нет.

White Lies — Death

Сегодня знаменательный день!

Я, Нина, Мил и Трис собираемся вчетвером, чтобы провести время перед началом учебного года. До первого сентября остаётся неделя, август стремительно подходит к концу, а с ним и лето, собираясь уступить место осени и учебным денькам, которые будут преследовать нас весь следующий год. Последний год в старших классах. А дальше колледж или университет, я ещё не решила. У меня на это есть время как минимум до весны.

Честно, я понятия не имею, каким образом наша компания умудрилась собраться вместе. Всё началось с Трейси Кристалл, которая выложила мои фотографии в свой блог. Я не знала об этом, поэтому, когда мне позвонила Нина в один из жарких дней каникул, я даже не подозревала ни о чём подобном.

— С каких пор ты скорешилась с Трейси Кристалл? — её голос звучал недовольно и немного отвратительно. Так всегда бывает, когда рыжая пытается показать, насколько она шокирована и возмущена. — Она выложила твои фото в свой идиотский блог. Поверить не могу, Эмма! Как ты могла затусить с ней и не рассказать мне об этом? Мы же с ней соперничаем за место капитана группы поддержки... Боже...

То, что Трейси Кристалл выложило мои фото в свой блог, оказалось для меня неожиданностью. Нина скинула мне ссылку на профиль блондинки, и я, скрывая весь свой ужас, поспешила прочитать каждое слово на счёт меня и лагеря, опасаясь, что Трейси напишет что-то лишнее и неприятное, но, к моему удивлению, ничего подобного там не было.

«Что скрывается в листе бесконечности?». Так звучал заголовок.

«Летний скаутский лагерь — это последнее место, куда можно отправиться девушке, любящей вечеринки, модные наряды и безграничный доступ в интернет. Тем, кто привык к сладкой жизни, нечего там делать. Это говорю я, Трейси Кристалл, девушка с идеальным маникюром и безупречным макияжем.

Самое ужасное — это сверчки по ночам. Их бесконечное пение сводит с ума, особенно, если хочешь нормально поспать. Заснуть просто невозможно. Первые дни в лагере я мучилась бессонницей и спала всего пару часов. Это убивало. От недостатка сна портится кожа лица, настроение становится просто ужасным, даже волосы превращаются в сухую солому. Потом, конечно, привыкаешь к сверчкам, особенно, если использовать беруши, но это уже зависит от того, насколько у вас сильная психика. Готовы ли вы пожертвовать своими нервами ради отдыха на природе?

Я не беру в расчёт комаров и прочих насекомых. Об этом даже говорить ничего не надо. Природа — она и есть природа.

В лагере нет никакой диетической пищи! Тем, кто следит за своим питанием и за калориями, лучше туда даже не соваться. Пища жирная. Постоянно подают картошку, мясо, макароны, тушёные овощи и прочую ерунду. Не спорю, это вкусно, но вредно. В принципе, не такой большой минус, можно пожертвовать своими диетами на несколько дней.

Общий душ — совершенно не гигиенично. Но это пустяки, по сравнению с тем, что нынешнее поколение парней совершенно не имеет совести и галантности, зато любит подглядывать за девчонками, принимающими душ. Это проблема. Большая проблема для тех, кто не может прожить и дня без принятия горячей пенной ванны с запахом лаванды или ванили. Лично мне приходилось вставать раньше всех, чтобы успеть принять водные процедуры и при этом не нарваться на бессовестных придурков.

И самое главное — это поход. Мы провели в лесу больше недели! Спали в палатках и ели еду, приготовленную на костре. Никакого интернета, никаких возможностей зарядить телефон. Насекомые, дикие звери, лес и долгая дорога пешком по буграм, горам и возвышенностям. Я думала, что у меня отвалятся ноги, никогда в жизни я столько времени не проводила в пути с огромным рюкзаком за спиной. А уж поставить палатку — сложнее ничего не придумаешь.

В общем, лагерь — это самое адское место для городских неженков, которые мажут каждый день кремами и трясутся из-за сломанного ногтя. Если вы не готовы, лучше даже не думайте на счёт того, чтобы записаться в скаутский лагерь. Или вообще в любой лагерь, расположенный на природе. Слышите?

Но если всё-таки кто-то из вас загорится желанием попробовать на себе отдых на природе, спешу вас обрадовать. В этом есть свои плюсы.

Природа — это чертовски красиво. Наш лагерь располагался на берегу озера, и мне безумно нравилось наблюдать за закатами, сидя на смотровой вышке. Смотреть на бесконечные звёзды, наслаждаться тишиной и шелестом листвы. Там спокойно. Нет городского шума, машин и затхлого запаха. Думаю, это стоит того, чтобы потерпеть все остальные минусы.

(Дальше Трейси прикрепляет несколько фотографий. Озеро, ночное небо, загон с лошадьми, фотки из похода, среди всего этого есть даже фотография, где я стою на камне и смотрю вдаль на противоположный берег озера, мимо которого мы проходили, когда шли к медвежьему перевалу. Я нахожу фото, где она сидит на спасательной вышке: видны только её вытянутые ноги на фоне воды, на которой отражаются красные лучи солнца. Рядом с Трейси кто-то сидит — я вижу ногу в армейских штанах и тут же понимаю, что это Стив. Она сидела с братом и смотрела на закат. Когда это было? Почему я не видела этого?)

Почти каждый вечер мы разводили костёр и пекли картошку. Это было здорово! Среди нас был парень, Джек, он постоянно играл на гитаре и пел песни. От него без ума были все девчонки в лагере. Ну, почти все...

(Дальше снова кадры, на которых ребята веселятся рядом с костром. Я нахожу фотографию, где я сижу на бревне рядом с Джоном. Трейси сняла нас со спины на фоне костра, и с трудом можно разобрать, что это именно я. Фигуры скрыты в тени, а огонь пожирает нас. Это было перед тем, как Джон начал приставать ко мне, а потом Стив доходчиво намекнул парню, чтобы тот больше не подходил ко мне. Эти снимки Кристалл мне явно не скидывала).

Не считая все минусы похода, мы побывали в красивых местах, добрались до медвежьего перевала и поселились там на несколько дней. Прожить без душа больше недели — это ад. Для меня. Хорошо, что я взяла с собой дезодорант, поэтому не так сильно воняла, в отличие от остальных. Но это не суть.

В хорошей компании и время проводить весело. Да-да, Эмма Вудс, я говорю именно о тебе.

Не о Джеке, не о другой парочке девчонок с нашей школы, которые преследовали меня по пятам и пытались подружиться, словно я какая-то знаменитость, а о тебе. И я знаю, что ты читаешь это.

Мы жили с ней в одной палатке и частенько болтали о всякой ерунде. Веселились, проводили время вместе и всё такое.

Скажу вам всем честно. Эмма — замечательная. И я не лукавлю и не издеваюсь, я говорю серьёзно. Она настоящая. Не притворяется и не пытается подлизываться ко всем, чтобы завесит друзей или выставить себя в лучшем свете. Она искренняя и добрая, и она, да, да, Эмма, я это знаю, терпеть не может таких, как я. Потому что такие как я — зло. Популярная девчонка, строящая из себя королеву школы. Нет. Королеву у нас строит Трис и Менди, а я всего лишь мелькаю на заднем фоне. Да и мне, честно, плевать на то, что обо мне думают.

Конечно, это странно, когда Трейси Кристалл, которая в упор тебя не замечала никогда в школе, вдруг решает дружить с тобой. Я знаю, о чём думала Эмма, которая вообще ни с кем особо не общалась в лагере, когда я вдруг решила навязаться ей. Наверное, не особо горела желанием проводить со мной время. Но я хотела подружиться с Эммой Вудс, чтобы доказать ей то, что я не такая, какой она меня видит. Может быть, у меня это не получилось, но... Как думаешь, Эмма?

Ты классная. Знай это».

И в конце блога куча фотографий со мной. Селфи, которые мы делали с Трейси, некоторые мои фото у озера с зонтом и ещё куча красивых, но нелепых снимков. А под всем блогом целая туча комментариев по типу: «Кто такая Эмма Вудс?», «Она с нашей школы», «Я её видела, она на третьем курсе», «Она что действительно такая крутая?» и бла, бла, бла. Куча позитива и такая же куча дерьма. «Да она просто выпендривается. Кто не захочет дружить с Трейси Кристалл?», «Задротка», «Лицемерка» и всё такое.

Боже. Зачем? Трейси Кристалл только что уничтожила мою спокойную жизнь. Как я теперь в школе-то появлюсь?

После того, как блог блондинки прочитала, наверное, вся школа, мне на фейсбуке посыпалась куча заявок в друзья и уйма сообщений. В основном все они были положительные. Я понятия не имела, что с ними делать, поэтому просто исчезла из сети на несколько дней, надеясь, что вся шумиха по поводу моей персоны уляжется.

Потом об этом узнала Мил, а следом за ней и Трис. Они все решили вытащить меня на общую встречу, чтобы обсудить произошедшее, и даже Нина не смогла увильнуть от этого. Вот, так и получилось, что мы все вчетвером собрались за неделю до нового учебного года в кафешке в центре города, чтобы поболтать, как в старые добрые времена.

А вся цепочка этих событий повлекла за собой то, что мне пришлось рассказать подругам о Стиве Брауне, который сжёг мой дом, убил бабушку Маргарет и стал одним из причин, по которой погиб мой брат. О Рори Джее знали все. Буквально все в этом городе (ну, как минимум в нашем районе), так что скрывать что-то от Мил и Трис было бесполезно.

И теперь я сижу рядом с Ниной напротив Мил и Трис, ковыряю ложкой ванильное мороженое и наблюдаю за тем, как подруги спорят на счёт того, что мне делать дальше с Брауном. Я не влезаю. Рыжая, кстати, тоже.

— Эмма должна поговорить с ним, — настаивает Мил. Она хочет, чтобы я встретила со Стивом, обсудила произошедшее и дала ему ещё один шанс. — Они же любят друг друга. Какая разница, что произошло между ними в прошлом? Это не повод разрушать всё, что

было в лагере. Это неправильно.

— Ты что, с ума сошла? — Трис возмущённо фыркает — её каштановые волосы трясутся, словно змеи на голове медузы, из-за того, что девушка негодуяще качает головой. — Он псих! Больной на голову. У него же психические проблемы. Ей не стоит вообще с ним связываться. Он убил её бабушку!

Мил закатывает глаза. Она сидит в углу на диванчике рядом с окном таким образом, чтобы ей было видно нас всех. Одним предплечьем она облакачивается на столешницу.

— И что? Он не знал, что дома кто-то есть, — подруга смотрит на меня, чтобы найти поддержку, но я лишь пожимаю плечом. — Тем более, он спас Эмму. Осознал и всё такое. Пиромания лечится! Он пробыл в больнице год. Он винит себя во всём этом, зачем его ещё больше наказывать? Да и приступов у него больше не было, ведь так? — она снова смотрит на меня, и я киваю.

— Сейчас нет, а завтра будут, — не уступает Трис. — Вдруг он сорвётся и убьёт Эмму? Это опасно. Ей нужно найти нормального парня, который будет дружить с головой. Клин на этом Брауне не сошёлся. К тому же он брат Трейси Кристалл. Это ещё хуже.

— Сводный брат, — вставляет Мил. — И это не суть. Трейси написала неплохой отзыв в своём блоге про Эмму. Ты просто бесишься, что она упомянула тебя и сказала, что ты строишь из себя зазнавшуюся королеву.

Трис отмахивается и на мгновение замолкает. Нина роется в телефоне, и я вижу, как она переписывается с Шоном.

— Это не правда, — наконец, бормочет Трис, понижая голос. — И речь идёт сейчас об Эмме, а не обо мне. Стив Браун опасен. Он пироман. Психически нестабильный. Тем более, что он ни разу с ней и не связался за этот месяц. Если бы он действительно любил Эмму, он бы сделал всё, чтобы быть с ней.

Мил шумно вздыхает, словно объясняет тупому ученику таблицу умножения.

— Как ты не понимаешь, — она выделяет каждое слово. — Он винит себя в смерти Маргарет и Рори. Стив боится, что если Эмма тоже будет против него, если она откажется от его чувств, то он не выдержит и сорвётся. Он понимает, что неправильно любить её, что он недостоин Эммы. Он опасается, что она тоже будет винить его, хотя, по сути, он не виноват, — я вскидываю голову, как-то возмущённо смотря на Мил, и она замечает мой взгляд. — Ну, в смысле, виноват, что устроил поджог. Но он не хотел убивать твою бабушку. Он просто был зол, хотел, чтобы другие тоже почувствовали то, что происходит внутри него. Он был одинок... — подруга вздыхает. — Эмма. Честно, хочешь моё мнение? Стив не виноват в смерти Рори. Никак. Заключить контракт — это был выбор твоего брата. Он мог не делать этого, но даже если бы он поступил в Вест-Поинт, он всё равно был бы в опасности. Военные — это страшная профессия. Никогда не знаешь, когда смерть настигнет тебя. Возможно, Браун стал одной из причин, по которой Рори отправился в Европу, но Стив не заставлял его. Это был полностью выбор твоего брата, — она смотрит на Нину, словно ища поддержку, но рыжая игнорирует нас. — Я считаю, что тебе в любом случае нужно поговорить с парнем. Обсудите всё, расставить все точно над «и». Если у тебя есть чувства к нему, не надо отталкивать их. Ты будешь жалеть о своём решении всю свою жизнь, так что просто прислушайся к своему сердцу. Вряд ли Рори хотел бы, чтобы ты до конца жизни искала виноватых.

Я опускаю взгляд на своё мороженое и понимаю, что аппетит пропал вообще. Мил пристыдила меня. Она в какой-то степени права. Со Стивом нужно поговорить. И сделать

это надо до учебного года, иначе потом, когда я встречу его в школе, у меня не хватит смелости подойти к нему.

— Ладно, — сдаюсь я. — Я поговорю с ним. Пора это сделать...

— Вот и молодец, — Мил победно улыбается, смотря на Трис, которая поджимает губы и фыркает.

Я вздыхаю и откидываюсь на спинку диванчика. Нужно будет зайти на фейсбук, ужаснуться в очередной раз, сколько там заявок и сообщений (с момента прочтения блога я так и не заходила в социальную сеть), написать Трейси и спросить номер телефона Стива Брауна. Сегодня. Да. Я сделаю это сегодня...

Daughter — Landfill

Когда я возвращаюсь домой, запираюсь в комнате и захожу в социальную сеть. Двести тридцать семь заявок в друзья и семьдесят четыре сообщения. Господи, я умру, пока буду читать их... Но сейчас не до этого. Я нахожу страницу Трейси и несколько минут решаю написать ей.

«Привет, Трейси. Можешь дать мне номер Стива? Хочу поговорить с ним».

Ещё пару минут я смотрю на сообщение, и только потом собираю все силы и отправляю его. Кристалл нет в сети, поэтому я решаю пока просмотреть все заявки и прочитать сообщения. Поверить не могу, что всего лишь из-за какой-то записи в блоге, куча народу решила подружиться со мной. Это странно и приятно одновременно.

Я не знаю, стоит ли мне добавлять их всех, я ведь всё равно ни с кем из них не буду общаться, но потом решаю, что если не сделаю этого, то случится что-нибудь плохое. Позитив превратится в негатив, и тогда меня в школе будут гнобить, словно зяблого неудачника. Хотя... какое мне дело? Отучится бы один год, а потом уехать куда-нибудь далеко отсюда, чтобы не наткнуться на отголоски прошлого.

Я принимаю все заявки и просматриваю сообщения. В основном это комплименты по поводу моих фото в блоге Трейси, а так же предложения дружбы на подобие: «Видела запись о тебе в блоге Трейси Кристалл, буду рада, если захочешь пообщаться со мной».

Почти всем я отвечаю «спасибо». Мне даже пишет несколько парней с предложениями затусить. «У нас вечеринка перед новым учебным годом, приходи», «Как на счёт встретиться? Ты вроде классная!», «Увидимся в школе, буду рад, если затусишь с нами».

Я не представляю, что вообще отвечать на такое, поэтому игнорю. Это, наверное, некрасиво, но мне так спокойнее. Никаких лишних разговоров, ничего. Я вдруг думаю о том, а что, если Трейси специально написала про меня в своём блоге, чтобы меня заметили парни и начали подкатывать. Следовательно, я бы перестала общаться со Стивом, и все были бы счастливы. Я же помню, как она ссорилась с братом из-за того, что Браун общается со мной.

«Не переживай из-за блога. Кристалл совсем не думает о чувствах других. Но читать это было забавно. Ха-ха. Все о тебе только и говорят», — это пишет мне Майкл Филлинс.

«Я знаю, что ты нравишься капитану, но если захочешь, можем как-нибудь погулять», — а это сообщение от Оливера Андерса, которого я как-то в школе видела за чтением Стивена Кинга.

Меня всё это пугает. Столько внимания я не получала никогда в жизни. И это дико странно.

«Не знаю, что в этом забавного, — отвечаю Майклу. — Мне лично такая популярность ни к чему. Надеюсь, в школе не будут доставать».

«Спасибо, Оливер. Может быть, как-нибудь погуляем. Увидимся в школе».

«Привет, Эмма, — сообщение от Трейси приходит неожиданно. — Держи номер. Не уверена, что он ответит. Я уже пару дней не могу с ним связаться. Надеюсь, ты не злишься из-за блога? Я должна была тебя предупредить, но совсем забыла».

Я поджимаю губы и беру телефон в руки, прежде чем ответить Кристалл на сообщение.

Вбиваю номер и сохраняю. Стив Браун. Единственные фото, которые у меня с ним есть — это наши общие, когда мы фотографировались в палатке. Я выбираю самое лучшее, где Стив на весь экран, а меня почти не видно, и ставлю его на идентификатор. А нужно ли вообще это делать?..

«Забей. Всё нормально. Но в следующий раз, пожалуйста, спроси у меня, прежде чем что-то писать. Меня теперь атакует половина школы».

«Ха-ха. Сорри. Я не думала, что получится такой ажиотаж. Не обижайся».

Я ничего не отвечаю. Держу в руках телефон, всматриваясь в номер Стива, и пытаюсь успокоить своё сердце, бешено мечущееся в грудной клетке. Мне требуется время, чтобы совладать с собой и придумать, что же я хочу сказать ему. Я так часто представляла себе наш разговор, что сейчас в голове настоящая пустота.

Когда я успокаиваюсь практически полностью, я нажимаю на вызов и подношу сотовый к уху. Сердце снова начинает бухать, а после протяжный неприятных гудков и вовсе чуть ли не останавливается. Стив не берёт трубку, и после оповещения, что «абонент не отвечает», я сбрасываю вызов. Трейси сказала, что не может с ним связаться уже два дня. Может быть, он думает, что это Кристалл звонит ему?

Я решаю отправить сообщение.

«Привет, Стив. Это Эмма. Встретимся? Я хочу поговорить обо всём. Перезвони. Или пришли смс. Хоть что-нибудь. Пожалуйста».

Отправляю. Ну, вот и всё. Если Трейси дала мне правильный номер, если он действительно принадлежит Брауну, если он не потерял свой телефон, и если вообще захочет мне ответить... Сколько всех этих «если».

Откладываю сотовый в сторону и поднимаюсь с кровати, направляясь на кухню. Там папа готовит какую-то странную штуку из бекона, картошки, шоколада и покупных чипсов. Даже не знаю, что это такое.

— Привет, — бросаю я, отламывая кусочек шоколадки и отправляя в рот. — Нашёл кейс?

— Нет, — он вздыхает и поджимает губы. — Наверное, я убрал его на чердак. Хотя точно помню, что оставлял в гараже. Чертовщина какая-то...

Я пожимаю плечом, наблюдая за тем, как папа берёт чипсы и поливает его растопленным шоколадом. Я морщусь.

— Слушай, па, — беру парочку чипсов из пачки.

— М?

— А если бы тебе очень сильно нравилась девушка, которая когда-то давно сделала что-то очень плохое... хм... что потом повлекло за собой какие-нибудь события, которые принесли бы тебе боль. Ну, в смысле, не она бы тебе причинила боль, а если бы она стала причиной, по которой случилось то, что сделало это? Ты простил бы её? Если бы, смотря на неё, ты вспоминал то, что случилось?

Папа хмурится, наверное, думая о том, что я говорю о слишком сложных вещах. Берёт картошку и заворачивает её в бекон. Не знаю, как он будет это есть. И где мама? Почему она не готовит?

— Ну. Когда-то твоя мама перерезала тормоза на моей машине, потому что думала, что я изменяю ей с её подругой. Я попал в аварию, и с тех пор больше не покупаю себе авто, — пожимает плечом отец.

Я фыркаю. Мама перерезала тормоза?

— Чёт бредово звучит, — бормочу я. — А если серьёзно?

Папа вздыхает и смотрит на меня, откладывая картошку.

— Если бы я действительно любил её, то мне было бы плевать, что она сделала. Хотя, наверное, это зависит от ситуации, — он снова пожимает плечом и возвращается к готовке.

Я молча наблюдаю за ним, а потом вздыхаю и качаю головой. Тоже мне советчик...

— Я возьму, — бросаю я, хватая одну из закрытых пачек с чипсами.

— Эй, это для шоко-чипсов! — недовольно бурчит отец.

— Что? — я замираю и смотрю на него, как на идиота.

— Меня этому на базе научили. Обливаешь чипсы шоколадом, ставишь в холодильник и потом ешь с пивом. Крутая штука, — папа показывает большой палец.

— Фи, — тяну я, подходя к холодильнику.

Нахожу там сок, парочку батончиков и сэндвичи. Это тоже, пожалуй, заберу.

— Сама ты «фи», — бросает папа, продолжая готовить.

Я не обращаю внимания на его слова и направляюсь обратно к себе в комнату. Закрываю дверь, подхожу к кровати и бросаю на неё всё, что прихватила с кухни. Сажусь в позу лотоса и придвигаю к себе ноут. Никаких оповещений. Беру в руки телефон и замираю, потому что вижу новое сообщение: «Завтра в девять вечера. На пристани. Стив».

Сердце пропускает удар. Завтра в девять вечера на пристани на другом конце города. Добираться туда на велике примерно час, если не больше. Если поеду на автобусе, могу не успеть на последний рейс. Понятия не имею, как они вообще ходят туда. Просить маму или отца отвезти меня — самоубийство. Они увидят, с кем я собираюсь встретиться, и запретят мне вообще покидать дом. Байк брата — самое адекватное, что я могу придумать.

«Хорошо», — отправляю Брауну.

Он больше не отвечает. Отлично. Завтра всё решится. Завтра в девять часов вечера всё встанет на свои места...

***

Я покидаю дом заранее, примерно в половину восьмого. Забираю байк брата, сажусь на него и еду в сторону пристани. Я нервничаю, и мне приходится сосредоточиться на все сто, чтобы не отвлечься и не попасть под машину, или не сбить кого-нибудь, или просто не свалиться с велосипеда. Я почти не вижу, куда еду. Все мои мысли лишь о том, что я скоро увижу Стива и что я совершенно не знаю, как себя вести рядом с ним. Раньше всё было просто, мы брались за руки, обнимались, целовались, а сейчас мы словно превратились в магниты с одинаковыми полюсами, которые отталкивают друг друга. И как бы мы не старались, не сможем оказаться в объятиях.

Я совсем не помню, как за своими мыслями и переживаниями добираюсь до пристани. Мчу туда, словно ненормальная. Всё внутри меня шевелится, смешивается, сталкивается друг с другом, словно бы идеальное движение нарушило свою работу и стало хаотичным, и мне трудно взять контроль над внутренней трассой. Трудно и, кажется, совсем невозможно.

Я еду по тротуару. Справа перила, спасающие меня от падения в реку. Чуть дальше бухта, какие-то корабли и строения. Я не помню, когда была здесь в последний раз и была ли вообще. В эту часть города у меня нет причин приезжать.

Вечернее солнце играет на поверхности воды, и я сбавляю скорость, тормозя и засматриваясь на пейзаж. Красиво. Здесь прохладно — ветер теребит мои волосы, завязанные в хвост, и я ёжусь. Осматриваюсь, пытаюсь отыскать знакомую фигуру, но кроме незнакомцев, прогуливающих по пристани, я никого не вижу.

Я проезжаю дальше. Медленно и осторожно, словно животное, готовое сбежать при малейшем признаке опасности. Пальцы сильно сжимают руль, колени не слушаются. Я сглатываю и шумно вздыхаю, успокаивая себя.

А потом я вижу его. Парень в кепке, в чёрных штанах, в оранжевой футболке и в затемнённых очках стоит у перил, облокотившись на них предплечьями. Рядом с ним велосипед, прислонённый к поручню. Я замедляюсь и практически останавливаюсь, всё ещё не в силах решиться на разговор. Мимолётные мысли о побеге посещают мою голову, но я не успеваю даже осмыслить их. Парень оборачивается и смотрит в мою сторону. Я осторожно прокручиваю педали и заставляю байк сдвинуться с места. Стив пристально наблюдает за мной, пока я подъезжаю к нему и осаливаюсь.

— Привет, — голос напряжён, и я делаю всё возможное, чтобы расслабиться.

Слезаю с байка и осторожно облакачиваю его о перила.

— Привет, Эмма, — его голос ударяет меня под дых, и я понимаю, что не могу дышать.

Вот он, Стив Браун, стоит передо мной, и только в этот момент я понимаю, что действительно скучала. Я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не броситься к нему в объятия и не разреваться. Всё внутри меня рушится, и я почему-то чувствую облегчение. Теперь я понимаю, почему мне было так больно думать о Стиве. Не из-за того, что я вспоминала брата, а из-за того, что я скучала.

— Как? — я осекаюсь, хватаясь рукой за поручень, чтобы хоть чем-то себя занять. — Как ты?

Он пожимает плечом. Из-за очков я не вижу его глаз, да и мне приходится щуриться, потому что вечернее солнце ослепляет. Я слышу крики чаек и шум какой-то лодки. Голоса людей совсем далеко от нас.

— Нормально, — бросает он, отворачиваясь и смотря куда-то вдаль на реку. — А ты? Слышал, сестра кипиш развела в своём блоге на твою тему.

Я неловко переступаю с ноги на ногу, вспоминая всех парней, которые писали мне и предлагали погулять.

— Ага, — тяну я. — Думаю, после этого будет весело в школе, — я замолкаю. — Я... — прокашливаюсь, совершенно не зная, как начать разговор.

Стив облизывает губы. Я замечаю, что его пальцы крепко сжимают зажигалку. Кусочек шрама почти незаметно выглядывает из-за ворота футболки, и я с трудом отрываю от него взгляд. Я смотрю на воду и хмурюсь. Мысли разбегаются, и все слова, которые я хотела сказать Стиву, растворяются, так и не покинув моего рта.

— Это ведь завтра? — тихо спрашивает Браун.

Я замираю и сильнее сжимаю пальцами перила.

— Да, — очень тихо отвечаю я. — Завтра ровно год.

Я снова смотрю на парня, и тень моего брата нависает над ним. Завтра год, как погиб Рори. Один адский чёртов год.

— Я... — я прокашливаюсь. — Я хочу сказать, что не виню тебя. То есть. Ты не виноват в его смерти и... В общем, — я топчусь на месте. — Всё в порядке.

Я говорю это, а внутри меня всё сжимается, и на секунду мне кажется, что вру.

— Спасибо, — отзывается Стив.

Он отстраняется от перил и поворачивается ко мне. Я смотрю на него и вижу лишь собственное отражение в его очках. Я выгляжу потрёпанно и жалко.

— Стив, — я осекаюсь, когда его рука поднимается, а пальцы прикасаются к моей щеке.

Морщусь в лучах заходящего солнца и немного трусю о горячие пальцы, словно кошка. Браун убирает прядь волос за моё ухо, а затем притягивает меня к себе и обнимает. Одной рукой он держит мой затылок, словно не хочет, чтобы я смотрела на него. Я утыкаюсь носом в его грудь и вдыхаю приятный запах, чувствую, как его сердце мерно бьётся внутри, а грудь то поднимается, то опускается. Я улыбаюсь, чувствуя себя спокойно и хорошо. Мы стоим долго, и я думаю о том, что всё вокруг нас замирает. Время останавливается, позволяя нам как можно дольше насладиться этим моментом, и я вдруг понимаю, что вот оно, то, что я так долго ждала. Спокойствие и умиротворённость. Штиль на моей душе.

— Давай, начнём всё заново? — решаюсь я, но, кажется, я произношу это слишком тихо, потому что Стив говорит мне совершенно другое.

— Это была ошибка, — его голос тихий, но от него исходит какой-то холод.

— Что? — не понимаю я.

Браун отстраняется от меня. Точнее, нет. Он почти отшатывается.

— То, что было в лагере, это ошибка, — повторяет Стив. Он снимает очки и сжимает их пальцами — я почти слышу, как трещат стёкла, но всё это испаряется на фоне его глаз. Они синие, серьёзные и бесчувственные. — Я виноват в смерти твоего брата, Эмма. И я был с тобой только из-за того, что меня мучила совесть. Я хотел искупить свою вину. Хотел, чтобы мне стало легче.

— О чём ты говоришь?

Я растерянно смотрю на парня, которого совершенно не узнаю в свете вечернего заходящего солнца. Я вспоминаю, как он признавался, что я ему безумно нравлюсь, как мы гуляли, обнимались, вспоминаю его поцелуи и прикосновения. Всё это не могло быть ошибкой. Это лучшее, что было в моей жизни. И это точно не ошибка.

— Я просто использовал тебя, Вудс, — холодно говорит Браун, и у меня перехватывает дыхание. Горло сдавливают, и я еле сдерживаюсь, чтобы не разреветься. — Думал, что если добьюсь твоего прощения, то мне станет легче. Всё, что между нами было, недоразумение. Это была не любовь. Ты — сестра Джея. И между нами никогда ничего не может быть.

Я делаю усилие и моргаю — слеза, дрожащая на моих ресницах, срывается и скатывается по щеке. Это всё ложь. Неправда. Стив не может так со мной поступить. Он же просто пытается отвалить меня, да? Он же врёт...

— Да плевать мне на брата, — мой голос дрожит. Я пытаюсь справиться со всеми эмоциями, нахлынувшими на меня. — Если ты из-за него всё это говоришь...

— Я же сказал, — отрезает Браун, и я пугаюсь его голоса. — Я просто использовал тебя. Можешь спросить у Трейси. Поэтому она написала этот дурацкий блог, чтобы хоть как-то утешить тебя после того, как мы поговорим. Я знаю, что ты слышала нас в лесу. Слышала, как мы говорили о тебе. Сестра была против, что я связался с тобой, потому что знала, что я задумал. Мне нужно было прощение, но я только потом понял, что не твоё. А твоего брата. Ты бесполезна.

Его губы трогают неестественная улыбка, и я чувствую, как земля уходит из-под ног. Голос не слушается: я хочу кричать, высказаться, разорвать парня на части из-за его слов, но вместо этого я просто стою и даже не могу пошевелиться. Горло сдавливают, и я не могу вдохнуть. Губы начинают дрожать, и я плотно сжимаю их.

— Не приближайся ко мне, Эмма. Если не хочешь, чтобы я снова поджог твой дом, — веки Стива на мгновение вздрагивают, а затем парень разворачивается, берёт свой велосипед и уезжает.

Всё расплывается из-за застывших слёз, я открываю рот, чтобы окрикнуть парня, но вместо этого глотаю воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Я обнимаю себя руками и сажусь на корточки, тихо скуля. Боль пронзает грудь — слёзы скатываются по щекам, когда я зажмуриваюсь. Хочется кричать, но я вжимаю все эмоции в плотную сферу и не позволяю им разлететься и уничтожить меня. Шумно втянув в себя воздух, я хватаю свой велосипед и сажусь на него. Тело с трудом слушается — всё внутри перекрывает мои мысли, и я не могу ни о чём думать, кроме как о раздирающей боли внутри меня.

Как он мог так со мной поступить? Он же говорил, что я давно ему нравлюсь! Что он ещё со школы следит за мной, что мы столько раз сталкивались, и я его не замечала. Он же был таким...

А что, если это правда? Он наблюдал за мной лишь из-за брата? Чувствовал вину, хотел получить прощение, а я была единственной, кто связывал его с Джемом. И он притворился, что у него ко мне чувства, чтобы я простила его за смерть Рори. Какая же я дура!

Я кручу педали, но слёзы застилают глаза, и я почти не вижу дороги. Машина сигнализирует, кто-то кричит. Я переезжаю на другую сторону улицы и почти падаю с байка. Мне приходится слезть с него. Не в силах больше держать велосипед, я отбрасываю его в сторону — он с громким скрежетом падает на асфальт — но потом ужасаюсь и поднимаю его. Прохожие оглядываются — я не обращаю на них никакого внимания.

Достаю сотовый и звоню Нине, но подруга не отвечает. Без сил сажусь на скамейку, прислоняя к ней велик, и набираю номер рыжей до тех пор, пока мне не говорят, что «абонент не отвечает». Она выключила телефон. Ну, прекрасно!

Я смахиваю очередные слёзы и пытаюсь совладать с собой, чтобы успокоиться. Возвращаться домой в таком виде плохая идея. Если мои начнут спрашивать, что случилось, я не сдержусь и расскажу всё.

Стив Браун. Чёртов придурок.

— Эмма?

Я вздрагиваю и вскидываю голову. Рядом стоит Трис и нерешительно смотрит на меня. Губы начинают дрожать ещё сильнее, и я сдаюсь. Сфера из эмоций, которую я усердно сдерживала внутри, разлетается на части, когда я вижу подругу.

— Что случилось? — брюнетка садится рядом и обнимает меня.

Я утыкаюсь в плечо девушки и начинаю рыдать.

— Стив, — сквозь слёзы выдавливаю я. — Он сказал, что просто использовал меня. Сказал, что всё было ошибкой, недоразумением.

Я задыхаюсь в руках девушки, она последняя, в чьих объятиях я хотела бы оказаться. На её месте должна была быть Нина, но...

— Вот урод! — Трис гладит меня по спине. — Всё будет хорошо, Эмма.

Она замолкает, а я просто сижу и плачу до тех пор, пока практически полностью не успокаиваюсь. Мне становится немного легче, и я отстраняюсь.

— Ну, — девушка хватается пальцами мои щёки и стирает слёзы. — Ты же у нас такая красивая. Никто не смеет тебя обижать! Знаешь, что, — она ободряюще улыбается. — Я провожу тебя до дома, ты примешь горячую ванну, забудешь о сегодняшнем вечере, а завтра мы сделаем из тебя конфетку. Тебе не повредит новый образ.

Я пытаюсь улыбнуться, но у меня не получается.

— Завтра годовщина смерти Рори, — шмыгаю носом, стирая слёзы.

— Хорошо, тогда послезавтра, — решительно заявляет она. — Новый учебный год,

новый имидж, новая Эмма. И никакие придурки больше не заставят тебя плакать.

Я киваю, сама не зная, зачем.

— Так, хватит ныть, вставай, — Трис хватается меня за локоть и помогает подняться.

Я беру велосипед и осматриваюсь. Да я проехала больше половины пути до дома! А казалось, что всего пару улиц. Снова думаю о словах Стива, и всё внутри меня сжимается. Всё это кажется каким-то кошмаром.

— Пошли, — Трис подталкивает меня, и мы идём вдоль по улице.

Мы больше не заговариваем на тему моей встречи с Брауном, и подруга вместо этого начинает рассказывать мне, как провела каникулы. Я слушаю в пол-уха, но ничего не отвечаю. Мысли превращаются в кашу, все мои мечты о том, что я прощаю Стива, и мы живём долго и счастливо, сгорают, словно лист бумаги.

До моего дома мы добираемся, когда уже практически темнеет. Трис прощается со мной, обещая позвонить на счёт моего «преображения» (зачем это, я до сих пор не понимаю), и уходит. Я ставлю велик в гараж, тихо пробираюсь в дом и поднимаюсь на второй этаж. Вместо ванны я запираюсь в комнате, и как только я остаюсь в одиночестве, тошное чувство боли снова накрывает меня. И я готова скулить, лишь бы избавиться от него, готова вырвать его ногтями из груди вместе с сердцем.

Боль — она преследует меня постоянно, она течёт в моих венах, она и есть я. Я есть боль. И я не могу это исправить, как бы ни старалась...

ColdPlay — Square One

На следующий день никто не придаёт значения тому, насколько я подавлена, потому что все в этом доме расстроены или как минимум делают вид, что всё плохо. Они трагично перемещаются по дому в своих мрачных чёрных нарядах и пьют дорогой алкоголь, который мама купила в магазинчике в центре города.

Сегодня у нас много гостей, если это так можно назвать. Мамины подруги с работы, папины друзья, некоторые военные, которые служили вместе с Рори, бабушка Тереза и дедушка Фрэнк, и ещё несколько человек, которые были связаны с братом и смогли заскочить к нам сегодня.

Я почти никого не замечаю. Мне немного стыдно, потому что в этот день я думаю не о Джее, а о Стиве. Вчерашняя встреча с ним была настолько неприятной, что весь негатив из-за его слов перекрывает тоску по брату. Старая рана уходит куда-то вглубь души, а поверх неё накладывается новая, словно слой в торте, которые мама делает по выходным. Чем больше намазываешь крема сверху, тем слабее чувствуется то, что находится в самом низу. Видишь только то, что находится на поверхности.

Я прокручиваю в голове все слова Брауна, сказанные мне вчера на причале в лучах заходящего солнца, которое словно прощальная песня, играющая для нас, вонзалось в каждый участок кожи. Стив сказал, что просто использовал меня, чтобы ему стало легче. Хотел прощения. Он винит себя в смерти Рори. Я же просто игрушка, которая попала ему на пути и которая могла помочь ему в достижении своих целей. Интересно, если бы я не была сестрой Джея, он бы обратил на меня внимание?

Я сижу на барном стуле на кухне и смотрю на наполовину пустой стакан виски со льдом. Алкоголь обжигает, проникает в кровь и притупляет эмоции. Никто не обращает внимания на девочку, которая в одиночестве напивается на поминках своего брата, думая совершенно о другом человеке.

Мама со своими подругами в гостиной, она выслушивает сочувственные слова, трагично вздыхает и делится воспоминаниями о тех днях, когда Рори был ещё жив. Какой он, что он делал, как радовал её подарками по праздникам, каким он был в детстве и каким стал, когда вырос, показывает наш семейный альбом с фотографиями, а в конце рыдает у кого-нибудь на плече.

Отец с кем-то в гараже. Наверное, обсуждает военную политику или ещё какие-нибудь проблемы. Возможно, тоже вспоминает брата. Я знаю, что ему тяжело, но папа ни разу не показывал этого. Он делает вид, что ему всё равно, но я знаю, что это не так. Видела, как однажды ночью он сидел в гостиной на диване и плакал, смотря на фото Рори. Это было где-то спустя месяц после его смерти.

Остальные гости разбредаются по дому и наслаждаются бесплатной едой и выпивкой.

Я хватаю стакан пальцами и делаю глоток, слегка морщась. Я больше не могу здесь находиться, но если я уйду, то родители решат, что я слишком небрежно отношусь к памяти брата. Но вряд ли бы он хотел, чтобы ради него собирались люди, которых он никогда не знал, и обсуждали его. Мёртвые уже ничего не хотят. Поминки, похороны — это для живых.

Чтобы им стало легче, чтобы они смогли попросить прощение за что-нибудь, если не успели сделать это при жизни.

Я вздыхаю, наливаю в стакан виски практически до краёв, хватаю его и направляюсь в сторону выхода. Чёрные туфли на каблуке медленно стучат по паркету, платье дрожит от моих движений, словно крыло ворона, ровный опрятный пучок на голове сдавливает волосы и оттягивает кожу. Я выхожу на улицу навстречу жаркому дню, прищуриваюсь из-за солнца, осматриваясь, и замираю на крыльце.

Кубики льда постукивают о стенки стакана, когда я делаю очередной глоток. Я не настолько пьяна, чтобы уйти из реальности, алкоголь лишь приглушает мои чувства, придавливает их книгой, накрывает пеленой, но в то же время открывает дверь, чтобы я могла с лёгкостью вырваться из своего заточения. Мне нужен только повод.

И он появляется, когда я вижу Нину, стоящую на тротуаре. На ней чёрное длинное платье с рукавами по локоть, волосы рыжие, распущенные. Подруга смотрит на меня, словно боится подойти. Мои губы подрагивают, и я плотно сжимаю их, втягивая в себя воздух. Делаю ещё один глоток, прежде чем медленно спуститься с крыльца и направиться навстречу Нине. Она идёт ко мне, но я не вижу эмоций на её лице, потому что солнце ослепляет, а слёзы застилают глаза.

Мы оказываемся в объятиях друг друга на середине нашего идеального газона, я всё ещё сжимаю стакан пальцами и не отпускаю его. Запах рыжей успокаивает и расслабляет. Я ничего не чувствую: ни печали, ни боли, ни разочарования, ни обиды, просто пустота, накрытая алкоголем, но не смотря на это слёзы всё же вырываются из глаз и скатываются по щекам. Сами по себе.

Нина знает, каково мне было, когда я потеряла Рори. Она была рядом, она всё видела.

Но она понятия не имеет, что случилось вчера на пристани и что именно Стив Браун сказал мне во время заката, играющего на глади реки. И я не уверена, что хочу, чтобы она это знала.

OneRepublic — Marchin On

— Ты уверена, что это хорошая идея? — скептически спрашиваю я, когда Трис, всё-таки настоявшая на том, чтобы вытащить меня в торговый центр, практически силой заталкивает меня в салон красоты.

— Да! — девушка довольно улыбается. — Если хочешь что-то изменить в своей жизни, начни с себя.

Я поджимаю губы и осматриваюсь. С роду не была в подобном месте, а уж, если бы мне кто-то сказал, что я приду сюда с Трис, так я бы никогда в жизни не поверила. С Ниной, да. Возможно, даже с Мил. Но с Трис... Она последняя, с кем я вообще хотела бы ходить по магазинам и по парикмахерским, но в связи с последними событиями...

Девушка уверенно тянет меня в сторону администраторши, а я сжимаю в руке пакеты с одеждой, которые накупила вместе с подругой. Брюнетка лично выбирала костюмы и наряды, которые мне бы подошли. Всё, что она мне предложила — это совершенно не мой

стиль, но так как я вообще не разбираюсь в моде и в одежде, которую можно сочетать, а которую нельзя, то мне пришлось довериться Трис. Она уговорила меня, что новый учебный год нужно начинать в новом образе, чтобы удача разорвала меня на кусочки.

В Трис есть один огромный плюс. За всей её болтовнёй я совершенно не успеваю думать о Стиве или о своих других проблемах, поэтому рядом с подругой я чувствую себя немного легче. До тех пор, пока снова не оказываюсь в одиночестве.

— Розалия! — брюнетка улыбается, подходя к администратору, и я сразу понимаю, что это её знакомая. Очевидно, подруга частенько бывает в этом салоне.

— Трис, дорогая, — женщина с короткой красивой стрижкой улыбается. Она блондинка, в белой блузке и с красными длинными ногтями. На вид ей около тридцати, хотя, возможно, даже больше.

Они целуются в обе щеки, приветливо улыбаясь.

— Я привела свою подругу, — Трис поворачивается в мою сторону, и теперь их пронзительные взгляды впиваются в меня, изучая каждый сантиметр моего тела. — Сделаешь из неё конфетку? Думаю, ей пойдёт тёмный цвет волос.

— Что? — выпаливаю я. — Трис, мы так не договаривались!

Розалия отмахивается, поспешно подходя ко мне своими быстрыми маленькими шажками, хватая меня за локоть и поворачивает в разные стороны, словно вещь, которую собирается приобрести.

— Не говори глупостей, тебе очень даже пойдёт тёмный цвет, — мурлычет женщина, силой заставляя меня пройти вглубь салона. — Я сама тобой займусь.

Трис радостно хлопает в ладоши и забирает пакеты из моих рук, сразу после этого меня усаживают в кресло, и я замираю, впиваясь взглядом в своё собственное отражение. Выгляжу как-то загнанно и устало, длинные светлые волосы растрёпаны, кончики сухие и секутся. Совершенно не представляю себя с тёмными волосами, и вообще, никто не предупредил, что всё будет настолько кардинально. По-моему, одежды достаточно, зачем ещё и причёску менять?

— Не бойся, Розалия профи, — Трис хлопает меня по плечу, довольно улыбаясь. — Менять что-то, так кардинально.

— Я тебя убью, — обещаю я, но в этот момент Розалия резко разворачивает кресло, и я больше не вижу своего отражения.

Никогда в жизни не красилась. Всегда считала, что это портит волосы и что после покраски они будут выглядеть ещё хуже, чем до неё. Но я не стала возражать, потому что в глубине души знала, что мне это нужно. Избавиться от чего-нибудь, испепелить своё прошлое, пусть это даже просто волосы. Тем более, что всегда можно перекраситься обратно.

Следующие несколько часов проходят чертовски долго и ужасно утомляюще. Ножницы щёлкают, и пряди волос спадают на пол. Когда я вижу их, у меня зарождается неприятное щемящее чувство. Я думаю, что зря согласилась на авантюру Трис, которая всё это время блуждает по салону, совершенно не зная, чем себя занять. В какой-то момент она сдаётся и решает тоже сделать себе какую-нибудь укладку. Или причёску. Она укорачивает себе кончики на несколько сантиметров, а меня тем временем начинают красить в цвет горького шоколада. Я ужасаюсь, думая о том, что корни скоро отрастут и будут выглядеть безумно стрёмно. Придётся краситься заново или же вовсе возвращать прежний цвет.

На кончиках Трис не останавливается. Она решает отрезать волосы ещё больше и

сделать себе кривое каре, словно бы подбадривая меня, что расставаться с волосами не так уж и трудно. С её волосами заканчивают быстрее, чем с моими, поэтому я могу лицезреть довольную мордашку подруги, которая светится от счастья. Ей идёт такая причёска, но что на счёт меня?

— Вот и всё, — Розалия встаёт передо мной и осматривает, любуясь новым творением. Трис стоит рядом и оценивающе кивает головой.

— Круто, — наконец выдаёт она.

Я волнуюсь. Пальцы сжимают подлокотники, а сердце неистово бьётся. Какая я теперь? Понравится ли мне новый образ? Смогу ли я вообще выйти в таком виде на улицу? Не думала, что смена причёски — это так волнительно.

— Закрой глаза, — улыбается женщина.

Я вздыхаю и послушно прикрываю веки, чувствуя, как мой стул разворачивают к зеркалу, чтобы я смогла увидеть себя.

— Можешь открывать.

Я медлю. Мне всё ещё страшно. Я вспоминаю своё отражение до того, как надо мной поработали проворные ножницы Розалии, пытаюсь выловить образ и запечатлеть в памяти, и только после того, как у меня это получается, я медленно открываю глаза.

На меня смотрит незнакомая девушка — я с трудом узнаю в ней себя. У неё тёмные прямые волосы чуть выше плеч с завёрнутыми внутрь концами, пробор неровный на правую сторону, передние пряди чуть короче, и из-за этого кажется, будто волосы заострены. Это почти как кривое каре, только спуск плавный и почти незаметный. Зелёные глаза теперь не так сильно выделяются, и я не знаю, радоваться этому или же нет.

Я в замешательстве. Непривычно видеть себя такой, и я не могу понять, нравится мне новый образ или же нет. Признаться, по ощущениям ничего не меняется, я всё ещё чувствую себя блондинкой, вижу себя прежней, вот только отражение в зеркале говорит об обратном.

Я склоняю голову, и девушка напротив меня повторяет то же самое.

— Воу, — только и говорю я, поднимаясь на ноги. — Я не знаю... это...

— Это круто, Эмма! — Трис улыбается. — Тебе очень идёт. Если бы я тебя увидела на улице, не узнала бы. Вообще другой человек.

Я с трудом отрываю взгляд от своего отражения и поворачиваюсь к подруге.

— Мне потребуется много времени, чтобы привыкнуть, — выдыхаю я.

Розалия смеётся.

— Заходи почаще, — говорит она. — Друзья Трис — мои друзья.

Я неловко улыбаюсь, прикусывая губу. Трис подпрыгивает на месте, радостно фыркая. Она прощается с женщиной, которая, кстати, оказывается её тётей, и манит меня на улицу. Странное чувство преследует меня до самой двери салона, а когда я вырываюсь на свежий жаркий воздух, понимаю, что это не я только что покинула здание. Это была новая Эмма. Изменённая.

Эмма из прошлого умерла вместе с моими светлыми волосами, вместо неё родилась новая Эмма. Решительная и свободная.

The Neighbourhood — West Coast

Если вам кто-то скажет, что новая причёска и стиль в одежде превратит вас в совершенно другого человека, — не верьте ему. Это совершенно не так. Ты можешь покрасить волосы, постричься, стать чертовски привлекательной в новом платье или с модной дизайнерской сумочкой в руках, но внутри ты останешься прежней. Люди так просто не меняются. Да, это всё делает тебя чуточку увереннее в себе, возможно, даже твоё поведение изменится и взгляды на мир, но ты останешься всё той же блондинкой с зелёными глазами, чей брат погиб на войне, а любимый человек обидел до такой степени, что видеть его у тебя вообще нет никакого желания.

Да-да, я это о себе.

Трис спасла меня от загнивающего одиночества и бесконечных мыслей о том, почему Стив Браун так поступил со мной. Она вытащила меня из ямы, прежде чем я увязла в ней по уши, дала надежду и решимость оставить всё в прошлом. Без неё я бы медленно тонула в депрессии, как после смерти Рори. С ней же я теперь могу притвориться кем-то другим, с новой внешностью с новой страницей в жизни, которую я могу заполнить так, как я хочу.

Стив неожиданно открыл мне глаза. Моя жизнь, оказывается, не зациклилась на смерти Джея. Браун вытянул меня из бесконечного круга самобичевания по поводу брата, уничтожил и отправил дальше, словно бейсбольный мяч, который питчер подаёт бэттеру, чтобы тот отбросил его своей битой куда-нибудь подальше.

За многие месяцы бегства от боли, которую причинил мне Джей, я поняла лишь одно: ни в коем случае нельзя оставаться в одиночестве. Никогда, слышите? Чем дольше ты остаёшься среди своих мыслей, тем сильнее начинаешь загоняться, думать и страдать, а это постепенно сведёт тебя с ума.

Поэтому я решаю, что для начала учебного года будет неплохо воспользоваться предложением тренера и вступить в команду по бегу. Так я займу себя после школы и смогу познакомиться с кем-нибудь из других ребят, потому что с уходом Нины из тенниса я остаюсь единственная, кто всё ещё цепляется за нашу четвёрку.

У Мил есть её друзья-задроты, у Трис её шестёрки и вечные вечеринки, у Нины теперь команда поддержки, а у меня нет никого, кроме них. Пора новой Эмме Вудс набраться решимости и вырваться из своей зоны комфорта, чтобы последний год в старших классах был незабываемым.

Когда ты думаешь об этом, всё кажется чертовски легко. Раз, и у тебя куча друзей, два, и ты популярен, три, и успех преследует тебя по пятам, но на деле всё не так. Где-то в глубине меня всё ещё существует прежняя Эмма, которая прячется за массой уверенности и новым образом. Она всё ещё любит Стива Брауна, тоскует по брату и скучает по тем временам, когда наша компания вчетвером собиралась на «нашем месте» и весело отрывалась, уверенная в том, что ничто никогда не сможет разлучить нас.

Итак, мы выяснили, что новый имидж не делает тебя другим человеком, потому что не так-то просто избавиться от своих страхов и проблем, которые постоянно преследуют тебя,

но это даёт тебе шанс хотя бы попытаться что-то поменять.

И в тот момент, когда я выхожу из маминого красного идеального кадиллака, за рулём которого сидит мой отец, я говорю той Эмме, прячущейся внутри мен, «заткнись и катись к чёрту». Больше никто не посмеет задеть мои чувства и причинить мне боль, теперь всё будет так, как я захочу.

Я вздыхаю, набираюсь смелости, осматривая школьный двор, поправляю на плече сумку и решительно направляюсь к школе. Вот она: новая Эмма Вудс.

Чем хорош мой последний год в нашей школе? Долой форму! Предыдущие старшие курсы путём демократии и голосований добились отмены идентичной одежды, и теперь все старшие классы, безгранично кричащие об этом событии в социальной сети, могут носить всё, что пожелают.

Это странно. Я, привыкшая к тому, что в повседневной одежде меня могут увидеть лишь подруги и некоторые случайные ученики, встретившиеся мне в городе, безмерно волнуюсь, как они воспримут меня в новом образе. Идя по ровной асфальтированной дороге прямо в сторону главных дверей здания, я осматриваю парней и девчонок, группами расположенных по территории. Теперь, когда они не похожи на клонированных имперских штурмовиков, можно легко различить, кто к какому «сословию» принадлежит всего лишь взглянув на их одежду. И когда я смотрю на школьников, мне кажется, что вместо идеального потока людей, к которому я привыкла за последние годы, на меня обрушивается небрежная хаотичная масса «индивидуальностей».

Не мне судить. Так, как я одета сейчас, я никогда в жизни не ходила даже по городу. Мой уличный небрежный стиль больше походил на нелепые наряды из бабушкиного гардероба, которые я неумело сочетала с современными принтами. Учитывая, как нелепо смотрелось моё платье на Нине в день, когда она пришла в школу после ссоры с матерью.

Я неожиданно вспоминаю про Стива, который научил меня в лагере парочке приёмов, как сделать наряд более оригинальным и крутым, если он совсем безнадёжен, и невольно осматриваюсь, ища взглядом знакомую фигуру. Мысль о том, что этот парень находится в этой школе и, возможно, прямо сейчас наблюдает за мной, навевает странные чувства.

Я иду медленно, стараясь не навернуться на каблуках. Белое платье чуть выше колен с чёрным поясом развевается из-за лёгкого ветра, кожаная чёрная куртка с закатанными руками скрипит, когда я хватаюсь за ручку двери и открываю её, проваливаясь в школьный коридор, бордовая широкая повязка на голове в виде банта почти сливается с волосами и не позволяет им растрепаться. Пальцы сжимают сумку под цвет повязки, и я вздыхаю, пытаюсь унять волнение.

Медленно иду в сторону своего шкафчика, пытаюсь не обращать внимания на взгляды и перешёптывания. В шуме коридора я различаю несколько фраз.

— Что за девчонка?

— Новенькая?

— Это же Эмма Вудс.

— Привет, Эмма, — какая-то девчонка здоровается со мной, и я неуверенно улыбаюсь. — Отлично выглядишь.

Меня сковывает напряжение, пока я пересекаю коридор. Впервые в жизни чувствую на себе столько взглядов, и в какой-то момент мне даже кажется, что они все подшучивают надо мной или же издеваются, но потом я открываю шкафчик и смотрю на своё отражение в небольшом зеркале. Я выгляжу странно, непривычно и совершенно незнакомо, словно вдруг

оказалась в теле какой-то другой популярной девушки и теперь незаслуженно пользуюсь её славой.

Я прячусь за дверцей, чтобы хоть как-то скрыться от любопытных взглядов. Мимо меня проходит парень из команды по регби в бордовом свитере с логотипом Викингов и присвистывает. Я усердно пытаюсь сделать вид, что этот свист был адресован не мне.

— О. Мой. Бог, — слышу отчётливый возглас за спиной и оборачиваюсь. Передо мной стоит Нина, а рядом с ней Мил. — Что ты сделала с моей Эммой? — рыжая округляет глаза, осматривая меня. — Тебя вообще не узнать. Я сначала подумала, что какая-то первогодка забрала твой шкафчик.

Нина хватается за сердце. На ней зелёная блузка, заправленная в тёмные джинсы, и кеды. Волосы убраны в хвост.

— Ты выглядишь как одна из группы поддержки, — комментирует Мил.

Она поправляет джинсовую куртку, затем скрещивает руки, но из-за огромной груди у неё это получается с трудом. Кажется, подруга слегка поправилась. Её нельзя назвать жирной, но и худышкой тоже. Нечто среднее...

— Знаешь, все эти популярные цацы, которые заставляют остальных прислуживать им, используют парней в своих целях и думают, что мир крутится вокруг них, — Мил кривится, изображая поведение девчонок.

— Вовсе нет, — отмахиваюсь я, пряча пару учебников в шкафчик и закрывая его. — Просто решила, что пора что-то поменять.

— Но... — Нина стонет. — Ты совсем другая. Блин... — она ещё раз осматривает меня. — Красивая и...

— Как будто раньше она была страшной, — закатывает глаза Мил.

— Нет. Она была нормальной! В смысле... Адекватной... и... — рыжая пытается подобрать подходящее описание, но у неё ничего не получается. Я вскидываю бровь, смотря на подругу.

Со мной снова кто-то здоровается, и на этот раз я отвечаю, немного улыбаясь.

— Так говоришь, словно боишься, что она заберёт у тебя популярность и место капитана команды поддержки, — Мил стучает подруга кулаком в плечо, смеясь, и та замолкает.

Кажется, Нина как раз это и пыталась сказать...

— В любом случае, — я улыбаюсь и вешаю сумку на плечо, — я собираюсь вступить в команду по бегу. Меня звала тренер перед каникулами, так что на счёт поддержки не волнуйся. Я не собираюсь соперничать с тобой на эту должность.

— Я и не... — Нина фыркает, начиная постукивать ногой, как она обычно делает, когда обижается и не знает, что сказать.

Мне говорит привет какой-то парень из оркестра, и я машу ему рукой.

— А мне это нравится, — тяну я. — Раньше меня никто не замечал, а сейчас все только и делают, что хотят подружиться со мной.

— Кто-то здесь словил хайп, — тянет Мил.

Я отмахиваюсь и поправляю прядь волос.

— Я записалась на предмет «Фотография» и на «Психологию», — заявляю я. — У меня уже есть девятнадцать кредитов, мне осталось всего пять, чтобы получить диплом, но нужно набрать как можно больше, чтобы потом выбрать престижный колледж и всё такое.

— Ого. У меня только четырнадцать, — тянет Мил.

— А у меня восемнадцать, — кажется, Нина пытается похвастаться, но никто не обращает на неё внимания.

Я вдыхаю и ещё раз осматриваюсь, скользя взглядом по ученикам. В какой-то момент мне кажется, что я замечаю среди толпы фигуру Стива, которая почти мгновенно скрывается из виду, и моё сердце пропускает удар, но в этот момент звонок раздаётся под потолком, и всё школьники начинают расходиться.

— У меня испанский, — бросаю я. — Увидимся позже.

Я улыбаюсь подругам и направляюсь в сторону своего класса, оставляя позади озадаченную Нину и почему-то чертовски весёлую Мил. Что ж, первый день начался неплохо, надеюсь, все остальные в этом году меня тоже не подведут.

Get Scared — Parade

Спорт в нашей школе делится по сезонам.

Осенью акцент идёт на теннис, американский и европейский футбол, волейбол, гольф, чирлидинг и кросс. Зимой борьба, плавание, прыжки в воду и баскетбол. Весной бейсбол, софтбол, лёгкая атлетика и снова теннис.

Точнее, так должно быть не только у нас, но и в остальных заведениях, но на самом деле всё это перемешано и превращено в сплошную кашу. Основной акцент идёт на команду по регби «Викинги», школа спонсирует их больше всех, при том, что на тренировках парни проводят всю осень, весну и часть лета. Теннисных кортов у нас всего два, и кроме Нины там занимается ещё три девушки и один парень, хотя в основном всё внимание было направлено на мою подругу, потому что её мама неплохо спонсировала школу и занятия дочери.

Бейсбольной команды у нас вообще нет, так же как плавания, софтбола и борьбы. Знаю, что некоторые занимаются баскетболом и волейболом в нашем спортзале после занятий, распределяют время, чтобы было удобнее тренироваться, но команды слишком слабые, поэтому дальше местных лиг они никогда не выбирались.

Кросс же у нас только осенью и весной. Раз или два в сезон все школы города устраивают забег на пять километров по пересечённой местности. Обычно на них отправляют лишь четверых лучших представителей от школы. Учитывая, что в нашей команде «FLASH» сейчас двенадцать человек, мне попасть на забег будет практически невозможно. Я буду тринадцатой. Не очень-то удачное число для начала новой жизни.

— Набег в день у нас от трёх до двадцати километров, — говорит мисс Кавано, бывший тренер Нины, когда я направляюсь вместе с ней и ещё с несколькими новичками на поле после занятий. — Тебя я уже не раз видела в деле, так что в команду ты попадёшь сто процентов, — обещает она. — Форму тебе дам на следующем занятии, а сейчас проверю твои показатели на сто метровке и километре. Потом можешь просто побегать, пока я новеньких смотрю.

Я прикусываю губу, думая о том, что мне придётся выложиться сейчас по полной, чтобы доказать, что я достойна халявного места в команде.

— Только, — я немного смущаюсь. — У меня такая проблема, что, если я остановлюсь, то потом не могу снова бежать, даже если не устала, — признаюсь я, чтобы потом с этим не было проблем.

— Хм, — женщина поправляет свисток на своей шее и перекладывает блокнот для записей в другую руку. За нами семят четыре девушки-первогодки, о чём-то переговариваясь и не обращая на наш разговор никакого внимания. — Может, ты просто накручиваешь себя? — она вздыхает. — Вспомни, когда ты бегаешь не на стадионе, ты когда-нибудь останавливаешься, чтобы перевести дух?

Я задумчиво прикусываю губу, неловко трогая пальцами бант на голове. Думаю о том, как я бегаю по утрам или перед сном, вспоминаю парочку раз, когда я делала передышки.

Обычно по утрам домой я всегда возвращаюсь бегом, но до этого могу остановиться, чтобы пропустить машину или прохожих, или просто постоять и отдышаться.

— Эм... Ну, да, возможно. Я никогда не думала об этом.

Мисс Кавано улыбается.

— Понаблюдай за собой, когда будешь бегать, — говорит она. — Может быть, ты просто со стадионом не дружишь.

Тренер улыбается и открывает дверь, пропуская меня и остальных девчонок на улицу. Сегодня жарко, и я с удовольствием вырываюсь из плена прохладных школьных коридоров и погружаюсь в шум и крики учеников. «Викинги» на поле под пристальным наблюдением мистера Диги, в стороне команда поддержки, среди которой я замечаю фигуру Нины и Трейси (что-то скребётся у меня под ложечкой, но я тут же отворачиваюсь и следую за женщиной, которая ведёт нас в сторону беговой дорожки).

— Итак, Эмма. Сначала проверим твоё время, — она достаёт из кармана секундомер. — Сто метровка начинается здесь, — она указывает на линию, — и заканчивается там, где я встану. По команде ты должна будешь как можно быстрее добежать до меня. С низкого старта.

Я киваю, взволнованно осматриваясь. Нина замечает меня и машет рукой, и я киваю ей. Чувствую на себе взгляд Трейси Кристалл, но стараюсь игнорировать его.

— Отлично, — мисс Кавано ободряюще улыбается мне, затем направляется к своей позиции, а мне ничего не остаётся, как подойти к линии и встать в низкую стойку.

Я упираюсь коленом и руками о землю, прикрываю глаза, глубоко вздыхая и заставляя сердце перестать так трепетать в груди, поднимаю голову и смотрю на тренера. Она уже добирается до нужного места и поднимает руку вверх. Сердце не унимается. Тук-тук-тук-тук. В лёгких разливается страх, и я чувствую, как пальцы начинают подрагивать. Почему я так волнуюсь?

Мисс Кавано резко опускает руку, давая мне понять, что пора выдвигаться, и я срываюсь с места, вкладывая все свои силы, чтобы бежать как можно быстрее. Кажется, что тренер находится за тысячу миль от меня и совершенно не приближается, будто я замираю на одном месте, а финиш, словно в кошмаре, только отдаляется.

Но вот я уже оказываюсь рядом с женщиной и торможу, буквально всем телом чувствуя, как её палец нажимает на секундомере «стоп».

Лёгкие горят. Обычно я никогда не вкладываю столько сил в бег, стараюсь двигаться медленно, чтобы распределить свою энергию на длительное расстояние.

— Неплохо, — говорит тренер, смотря на мой результат.

Я подхожу к ней и перевожу дыхание.

— Шестнадцать секунд, — она показывает мне время.

Я не знаю, хорошо это или же нет, потому что понятия не имею, какие нормативы в нашей школе для девушек.

— Хорошо, теперь давай на длинную дистанцию. Передохни пару минут, пока я остальных посмотрю, — она машет девушкам, затем кричит. — По очереди на линию!

Я киваю и отхожу в сторону, поправляя съехавшую повязку на голове. Бросаю взгляд на поле, где играют «Викинги» и ищу взглядом Майкла Филлинса, но отсюда сложно разобрать, кто есть кто. Оборачиваюсь и смотрю на Нину, но невольно замечаю, как в мою сторону направляется Трейси. Только не она...

Вздыхаю и отворачиваюсь, мысленно умоляя мисс Кавано быстрее закончить с

проверкой времени у новеньких, но тренер всё ещё возится с первой претенденткой.

— Привет, Эмма, — Кристалл останавливается рядом со мной и смотрит в сторону игроков. — Отлично выглядишь.

— Спасибо, — я не смотрю на неё, потому что знаю, что если сделаю это, то мне придётся натолкнуться на её сочувственный взгляд, адресованный мне по поводу её брата. — Ты что-то хотела?

Она упирается руками в бока и трясёт головой, пытаясь убрать непослушную прядь с лица.

— Ты мне нравишься, Вудс, правда, — говорит Трейси, и я непонимающе морщусь. — Просто хочу, чтобы ты не ввязывалась в неприятности и не связывалась с моим братом. Он плохая компания для тебя.

Я поджимаю губы. На меня накатывают воспоминания о встрече на пристани, и неожиданная злость сковывает мои внутренности.

— Да. Он ясно мне дал понять, чтобы я держалась от него подальше, — поворачиваюсь к девушке и смотрю ей прямо в глаза. — Так что не надо мне лишний раз напоминать об этом. Он мне всё рассказал на прошлой неделе, и я знаю, что всё дело в моём брате, а я так, на пути попала. И передай ему, что использовать меня была плохая идея. Пусть катится к чертям.

Трейси озадаченно смотрит на меня, переступая с ноги на ногу, открывает рот, закрывает его, качает головой, очевидно, занервничав.

— погоди, что? — спрашивает блондинка. — Что он тебе сказал?

Я скрещиваю руки на груди и с упрёком смотрю на неё. Она что, издевается? Прекрасно же знает, что он мне сказал и что он вообще хотел от меня в лагере.

— Не делай вид, что ты не знаешь, — недовольно говорю я. — Я слышала ваш разговор в лагере в лесу. Знаю, что он просто хотел воспользоваться мной, чтобы ему стало легче из-за смерти Рори, но, очевидно, легче ему не стало. Он сказал, что просто использовал меня и чтобы я больше не подходила к нему, это я и собираюсь делать, весь следующий год. Так что пусть не попадается мне на глаза.

— Постой, Эмма, — Трейси трясёт головой. — Я не знала о вашем разговоре. Стив...

— Твой брат лживый эгоистичный придурок, который использовал меня, потому что винил себя в смерти его лучшего друга, — выпаливаю я, краем глаза замечая, что девушки из группы поддержки начинают смотреть в нашу сторону. — И ты это прекрасно знаешь. Я любила его, а он просто вытер об меня ноги. Так что я надеюсь, больше не услышу его имени и не встречу его в школе. Пусть прячется и дальше, как делал это до нашего знакомства. Передай это ему.

Я слышу, как мисс Кавано зовёт меня, чтобы продолжить тренировку, и разворачиваюсь, оставляя удивлённую Трейси Кристалл хлопать ресницами и открывать рот, словно рыба на суше.

— Эмма! — пытается остановить меня девушка, но я не оборачиваюсь. — Чёртов Браун... — слышу её приглушённые слова.

Я останавливаюсь рядом с женщиной и улыбаюсь, пытаясь отогнать неприятную злость, прокрадывающуюся в мои лёгкие. Наконец-то я выговорила, мне даже как-то полегчало.

— Так, Вудс, — мисс Кавано хлопает меня по плечу. — И остальные. Бежите ровно два круга. Не спешите, иначе быстро выдохнетесь, распределяйте нагрузку, но и не забывайте, что время тикает. Чем быстрее закончите, тем лучше будет результат. На позиции, девочки.

С высокого старта.

Женщина отходит в сторону, и мы впятером занимаем дорожки. Она поднимает руку с секундомером, а потом громко свистит. Я срываюсь с места и сразу ускоряюсь, прекрасно понимая, что это плохая идея, потому что я быстро выдохнусь. Но, чёрт возьми, я бегаю на этом стадионе с прошлого года, он для меня кажется таким маленьким и лёгким, что преодолёю я его за считанные минуты. Наверное. Надеюсь.

Я бегу не медленно и не быстро, но первогодки почти сразу же отстают, и я ухожу в отрыв на половину круга. Когда я пробегаю мимо команды, отдыхающей возле столиков с водой, некоторые парни подбадривающе улюлюкают, и среди них я замечаю Майкла, который пристально наблюдает за мной, когда я проношусь мимо.

На втором круге я чуть сбавляю скорость, потому что колени уже начинают подводить. Я дышу медленно и ровно, голова идёт кругом, лёгкие горят, хочется пить, но я не останавливаюсь. Два круга для меня — это ничто.

Я бегаю утром, после занятий и иногда перед сном в течение всего года, так что выносливости мне хватает, чтобы добраться до финиша первой с отрывом в один круг.

— Ого, — тянет мисс Кавано. — Три минуты двадцать шесть секунд. — Очень даже здорово. У тебя больше выходят длинные дистанции, чем короткие.

Я довольно улыбаюсь, наблюдая за остальными девочками, которым бежать ещё целый круг. Выравниваю дыхание, упираясь рукой в бок,

— На сегодня хватит, завтра после занятий приходи в тренерскую, я выдам тебе форму. Познакомишься с другими ребятами, — говорит тренер.

— Хорошо, — киваю я.

Смотрю на стадион, думая, может быть, ещё немного побегать, но потом замечаю парней из команды «Викинги» и решаю, что если останусь, то капитан обязательно пристанет ко мне с разговорами, так что на сегодня мне хватит внимания. Особенно после стычки с Трейси.

Я разворачиваюсь и направляюсь в сторону здания школы, чтобы пойти по холодным коридорам к раздевалке, принять душ и отправиться домой.

Шаги эхом разлетаются по пустому пространству, двери кабинетов заперты, сквозь некоторые стеклянные окна я вижу одинокие столы и томящиеся в молчание классы. Я думаю о том, чтобы подождать Нину, но в тот момент, когда я сворачиваю за последний угол, всё внутри замирает, потому что я слышу знакомую мелодию пианино, доносящуюся из кабинета музыки. Она всё такая же печальная и идеальная — я бесшумно подхожу к двери и замираю, всё внутри меня сжимается и обрастает шипами, вонзающимися в мои внутренности. По другому я не могу объяснить то, что я сейчас чувствую.

Прислоняюсь плечом к стене и немного улыбаюсь. Всё-таки что-то в этом мире не меняется. Мелодии всё так же встречают меня после тренировки, словно человек поджидает меня внутри и начинает играть в те моменты, когда я прохожу мимо. Я никогда не горела желанием знать, кто там за этой дверью, потому что хотела сохранить некую тайну в своей жизни. Мне нравилась эта интрига, неизвестность, иллюзии, потому что я понимала, что могу разочароваться, если узнаю правду. Ожидания не всегда соответствуют реальности. Я боялась.

Но то была старая Эмма. Новая же теперь рушит все иллюзии в своей жизни, чтобы не барахтаться в них, как в огромной паутине.

Я решительно хватаюсь за ручку двери и распахиваю преграду, взволнованно бросая

взгляд на пианино и на человека, который сидит за ним. Он резко прекращает играть и поворачивает ко мне голову, и я чувствую, как падаю, потому что встречаюсь с синими глазами Стива Брауна. Человека, которого меньше всего ожидала здесь увидеть. Это он сидит за старым потрёпанным фортепиано, и это его пальцы скользили по пожелтевшим от времени клавишам, как когда-то скользили по мне.

Это Стив, и это всегда был он. Каждый раз, когда я проходила мимо музыкального класса после тренировки, каждый раз, когда останавливалась и одёргивала себя, чтобы не заглянуть внутрь и не узнать, кто же этот незнакомец, играющий так до безумия идеально. Окно сбоку от парня открыто — я слышу голоса команды по регби и понимаю, что отсюда прекрасно виден стадион. Браун видел меня отсюда каждый раз, когда я бегала, и, скорее всего, даже сегодня.

Я не двигаюсь, потому что моё тело не слушается, хотя мозг отчаянно кричит, чтобы я развернулась и ушла. Я не знаю, что я испытываю сейчас. Волнение, обиду, удивление, злость, страх, отголоски чувств.

Глаза Стива тускнеют, он отрывает от меня взгляд и закрывает крышку пианино, задевая нижние октавы, затем поднимается и хватается кепку, лежащую на крышке инструмента, надевая её на голову.

— Светлые волосы тебе шли больше, — как бы просто так бросает Браун, перекидывая рюкзак через плечо. Его голос для меня, словно удар под дых.

Лицо парня непроницаемо, и я не могу понять, что он испытывает. Единственное, в чём я уверена, Браун не ожидал, что ворвусь сюда и прерву его игру, потому что я ни разу этого не делала за весь прошедший год.

Стив направляется ко мне, и я чуть отступаю, чувствуя сковывающее моё тело напряжение. Мне хочется ответить ему чем-нибудь, съязвить или же просто послать, но я не могу выдать ни слова. Парень достигает меня, и тогда я обиженно бросаю, не смотря на Брауна.

— Тебе ли не всё равно?

Он на секунду замирает, поравнявшись со мной, и мне уже кажется, что он согласится или скажет ещё что-нибудь, чтобы разрядить напряжение между нами, извинится хотя бы за то, что наговорил мне в прошлый раз, но ничего из этого не происходит.

— Да. Ты права. Мне плевать.

По лёгким скользит холод, и я прикрываю глаза, потому что дыхание перехватывает. Стив уходит, оставляя меня стоять в дверях кабинета музыки, где пару минут назад парень исполнял красивую мелодию.

Секрет раскрыт. Теперь я знаю, кто срывается за маской таинственного пианиста. Теперь, каждый раз, проходя мимо этой двери после тренировок я буду думать о Брауне. Иллюзии разрушены, ответы найдены. Вот только реальность оказалась не такой уж и привлекательной, и я всегда знала об этом, поэтому и не хотела рушить свои мечтания.

Так что стоит сначала убедиться в том, а нужно ли вообще тебе знать то, что тебе знать не надо? Может быть, если бы я не открыла дверь, я не была бы так сильно разочарована в своём поступке?

Keane — Is It Any Wonder

— Как по-испански будет «Умри, долбанная сучка»? — устало бурчит Нина, смотря в сторону Кристины Фейл, которая кокетливо болтает с капитаном «Викингов» возле входа в столовую.

Мы сидим за столиком в тени старого дерева, растущего на территории школы уже несколько десятков лет, и обедаем. На улице жарко, не смотря на осень, солнце припекает и радует своими прощальными тёплыми лучами, шум школьников навевает приятную атмосферу, и я улыбаюсь, проглатывая вкусный кусок яблочного пирога, которым меня сегодня угостила одна из первогодок, попавшая в команду по кроссу.

Из тех четырёх девчонок прошли только две, а после того, как я обогнала их на целый круг, да и, кстати, особо-то не старалась при этом, они начали боготворить меня и восхвалять, словно я превратилась в одну из популярных девчонок из команды поддержки. Теперь чуть ли не каждый день они приносят мне что-нибудь вкусненькое, разные штучки, которые делают на кружках по рукоделию, и рассказывают всем подряд, какая я классная. Отказываться от подарков у меня не получается, потому что девочки практически силой заставляют меня принимать их и давят на жалость, что если я откажусь взять очередной пирог или браслет из камушков, то глубоко оскорблю их чувства.

В итоге я просто забиваю на свою совесть и принимаю всё подряд, с благодарностью улыбаясь и рассказывая перед набегом, как усердно я тренировалась весь год, чтобы достичь таких результатов.

Девочек зовут Вероника и Ким. Первая постоянно болтающая блондинка, похожая на юлу, которая бесконечно крутится вокруг своей оси и никак не может остановиться, а вторая корейка с волосами по плечи цвета ворона. С тех пор, как они записались в мои фанаты, стали носить повязки на голове в виде бантиков, чтобы как можно больше походить на меня.

— *Morir, maldita perra*, — выговариваю я. — Или как-то так. Не знаю. А что?

Я оборачиваюсь, проследив за взглядом подруги, замечаю Филлинса и Кристину, и внутри меня что-то недовольно урчит.

— Фейл пытается стать капитаном, — бурчит Нина. — Настраивает всех против меня. В эту пятницу уже должны объявить, кто из нас займёт эту должность. Я просто обязана победить.

— И зачем тебе это? — я поворачиваюсь корпусом, чтобы лучше было видно Кристину.

— В смысле, зачем? — фыркает рыжая. — Это мечта моего детства, стать популярной чирлидершей и начать встречаться с капитаном футбольной команды, — она осекается, наверное, вспоминая про Шона. — А так как Филлинс мне не нужен, остаётся первая часть.

Я ничего не отвечаю, пристально наблюдая за Фейл и за Майклом. Они непринуждённо болтают, но отсюда я их вообще не слышу и даже с трудом могу различить, как шевелятся их губы. Кристина склоняет голову и выставляет ногу, чтобы привлечь внимание парня, кокетливо проводит ботинком по земле. Капитан что-то говорит, и девушка смеётся так громко, что даже здесь её слышно. В какой-то момент Майкл замечает мой взгляд и

поднимает руку, приветствуя. Я делаю то же самое.

— Вечером иду на свидание с Майклом Филлинсом, — безразлично бросаю я, отворачиваясь.

— Что?! — выпаливает Мил, до этого сидящая молча и листающая книгу «Полёт Эйзенштейна». — А как же Стив...

Нина резко ударяет её ногой под столом, и та замолкает. Я не обращаю внимания на их многозначительные взгляды и возню, собираясь доесть пирог.

С момента последней встречи со Стивом Брауном в кабине музыки прошло почти две недели. За это время я ни разу не видела парня в школе. Пианино молчало каждый раз, когда я возвращалась в раздевалку с пробежки, и лишь это расстраивало меня. Единственное, что я чувствовала, думая о нём, это злость и обиду, и когда капитан «Викингов» всё-таки уговорил меня погулять с ним, я подумала о том, что было бы неплохо, чтобы Браун увидел меня с другим и понял, что у меня всё прекрасно и что никакие негативные поступки с его стороны не повлияют на мою жизнь.

— Могу поговорить с Майклом, чтобы они с парнями были за тебя, — безразлично тяну, уплетая пирог.

— О, Эмма, это было бы здорово! — почти взвизгивает Нина.

— Не знала, что капитаном становятся по общественному голосованию, — бурчит Мил. — Вроде как перед уходом его должен был назначить предыдущий лидер.

Рыжая отмахивается и недовольно постукивает пальцами по столешнице.

— Нет. Капитана выбирают участники команды голосованием, и они это сделают в пятницу, — злится Нина. — Но Фейл пытается выманить на свою сторону всех игроков, плюс «Викингов» и, кажется, вообще всю школу. Если на её стороне будет большая часть команды, я в пролёте.

— Кристина тупая курица, — я снова оборачиваюсь, замечая Трис, которая направляется к болтающей «парочке». — Если она станет капитаном, то команда развалится. Долго она не протянет.

— Ага, ну, конечно, — фыркает Мил.

Трис здоровается с Майклом, останавливаясь рядом с ним, и что-то говорит ему. Капитан улыбается, кивает и смотрит в мою сторону. Я отворачиваюсь — не хватало ещё, чтобы он решил, что я слежу за ним.

— У меня сегодня первое занятие по фотографиям, — улыбаюсь я. — Препод заболела и только сегодня возвращается. И, кстати, угадайте, кто ведёт у меня психологию.

Я смотрю на Нину, но та безразлично пожимает плечами.

— Мисс Кавано!

— Да ладно! — рыжая недоверчиво смотрит на меня. — Мой тренер?

— Мой тренер, — поправляю я, хватая баночку с соком и пытаюсь выдавить оттуда хоть каплю, но вместо этого с шумом высасываю один лишь воздух. Вздохнув, я ставлю пустую коробочку на поднос и отодвигаю его. — Я сама удивилась, когда увидела её. Оказывается, она не только тренирует теннисистов и команду по кроссу, но ещё и психологию преподаёт.

— Многие так делают, школа-то большая, — Мил возвращается к книге.

Я не обращаю на неё внимания и снимаю с телефона блокировку, чтобы проверить время. До начала урока ещё семь минут.

— Зачем ты вообще пошла на психологию? — спрашивает Нина. Я собираюсь ответить, что не знаю или что пошла туда просто ради интереса, но рыжая морщится и недовольно

бурчит: — Чёрт. Трис идёт сюда.

Я не оборачиваюсь, чтобы проверить достоверность слов подружки, лишь скользну взглядом по её недовольной мордашке и идеальным ноготкам, которыми она всё ещё стучит по столу. Когда Трис добирается до нас, она встаёт позади меня и наклоняется к моему уху, томно выдавливая каждое слово:

— Майкл Филлинс просил передать, что тебя ждёт сюрприз.

Я скептически кривлюсь и поворачиваю голову к брюнетке — та выпрямляется и довольно расплывается в улыбке, осматривая всех.

— Сюрприз?

Трис пожимает плечом.

— Подробностей не знаю.

Девушка подмигивает мне, а потом разворачивается и направляется в сторону школы. Я смотрю ей вслед, озадаченно думая о том, что же за сюрприз такой меня ждёт от Майкла? Надеюсь, это что-то безобидное и не в бунтарском духе парня.

— С каких пор ты и Трис лучшие подружки? — злится Нина.

Я смотрю на неё и пожимаю плечом. Ни Нина, ни Мил не знают про мой разговор с Стивом на пристани, поэтому и не могут понять, почему Трис постоянно крутится вокруг меня, зовёт на вечеринки и дарит безделушки в виде кулонов и «подбадривающих штучек», считая, что это сможет сделать мне приятно и отвлечь от плохих мыслей о Брауне. И, чёрт возьми, у неё это неплохо получается.

— Да ничего подобного, — бросаю я. — Ты же знаешь, тебя я люблю больше всех. Ладно, мне пора на «фотографию». Увидимся позже.

Шлю ей воздушный поцелуй, поднимаюсь на ноги, хватаю сумку и бреду в сторону школы, где совсем недавно скрылась Трис. Майкла поблизости нет, зато я вижу Кристину, которая теперь болтает с Оливером и с ещё парочкой парней. Даже не смотря в их сторону, я врываюсь в прохладные коридоры здания и иду к своим шкафчикам, чтобы избавиться от учебников.

Подойдя к небольшой железной дверце, я открываю замок и заглядываю внутрь. Небольшая коробочка, лежащая поверх моих тетрадей, привлекает внимание, и я растерянно осматриваюсь по сторонам, словно пытаюсь определить, кто же из учеников влез в мой шкафчик и положил это сюда. Код от замка есть только у меня и у школьного секретаря. Ну, и в базе директора, наверное. Прикусив губу, я беру в руки коробку: к ленточке, которой перевязан «подарок», прикреплена записка.

Ровным, красивым, почти орфографическим почерком выведено: «Поздравляю со вступлением в команду по кроссу».

Подписи нет.

Я вспоминаю послание Трис о том, что меня ждёт сюрприз, и улыбаюсь, открывая коробочку. Она, очевидно, от Майкла Филлинса, вот только каким образом он смог проникнуть в мой шкафчик? Это немного напрягает.

Внутри оказывается спортивный браслет с красивым ремешком с рисунком бордовых цветов, и я удивлённо вскидываю брови. Ничего себе. Эта игрушка довольно дорогая, точно стоит пару сотен баксов.

Закрываю коробочку, следом дверцу шкафчика, и направляюсь в сторону кабинета, где будет проходить занятие по фотографиям. Настроение поднимается из-за сюрприза Майкла, и я довольно улыбаюсь. Признаться, вообще никогда парни ничего мне не дарили, так что

такая вот приятная неожиданности раздрает меня изнутри на счастливые кусочки.

Надо похвастаться Нине, она обзавидуется. Да и с цветом угадал — мой любимый.

Звонок разлетается по коридору как раз в тот момент, когда я открываю дверь класса и захожу внутрь. Преподавателя ещё нет, зато в кабинете уже сидят ученики и весело переговариваются. Я скольжу взглядом по пространству. В середине стоит круглый стол с вереницей компьютеров, а по всему помещению хаотично расставлены столы для нескольких учеников. Здесь человек пятнадцать, может быть, меньше.

Я осматриваю всех и неожиданно замираю, замечая в дальнем углу в самом конце класса знакомую фигуру. Парень в капюшоне и в солнечных очках прячется в тени класса, дистанцировавшись от остальных ребят, и я с ужасом понимаю, что это Стив. Сжимаю пальцами коробку, которую мне подарил Филлинс, и стискиваю зубы.

Отлично. Просто прекрасно! Почему Браун здесь? Неужели его вытащили из класса трудных подростков? Или же это распространяется только на основные занятия, а не на дополнительные? Чёрт, и угораздило же меня попасть в класс именно с ним...

— Эмма! — меня зовут девушки, сидящие за столом слева, и манят меня к себе.

Не знаю, как их зовут, они, кажется, учатся на продвинутом курсе математике. Я в ту область занятий даже не суюсь.

Оторвав взгляд от парня, я приветливо улыбаюсь и подхожу к ним, присаживаясь за стол. Что ж, ладно. Я буду делать вид, что не замечаю Стива, и, надеюсь, что он последует моему примеру. Одно занятие в неделю я смогу выдержать в его присутствии, если только он не будет привлекать к себе внимание, иначе мне придётся попросить, чтобы меня перевели в другую группу.

Hannah Boleyn — So Ok

— Опаздываешь, — упрекаю я Майкла Филлинса, наблюдая за тем, как парень подходит к столику, за которым я сижу.

Я жду его больше двадцати минут в милостивой кафешке и лениво ковыряю ложкой невкусное мороженое, которое заказала, чтобы не казаться слишком уж одинокой. Пока капитан «Викингов» добирался до назначенного места, я увлечённо переписывалась с Трис и обсуждала Стива Брауна, взгляд которого прожигал меня сегодня на уроке по фотографиям.

Почему я решила сообщить об этом именно брюнетке, а не Нине, я понятия не имею. Мы с ней в последнее время очень сблизились, и чем больше я общаюсь с ней, тем чаще задаюсь вопросом, почему же Нина так её ненавидит? Да, Трис тусовщица и иногда ведёт себя так, словно последняя сучка на Земле, но с другой стороны она отлично помогает мне справиться со всем, что наваливалось на меня летом, не задаёт лишних вопросов и даёт хорошие советы, как не погрузиться в пучину депрессии. Если бы не она, мысли о Брауне разорвали бы меня на кусочки.

— Прости-прости, — Майкл присаживается напротив меня на диванчик и виновато улыбается. — Машина заглохла в паре кварталов отсюда. Уже устал чинить этот металлолом. Давно ждёшь?

— Ну, — я пожимаю плечом. — Минут двадцать. И эта гадость меня не спасает, — отодвигаю от себя десерт, к которому даже не притронулась.

Филлинс коротко смеётся и подзывает к нам официантку. Девушка, до этого предлагавшая мне два раза кофе, быстро оказывается рядом с нами, приветливо улыбаясь.

— Принесите два милкшейка, — просит парень. — И какой-нибудь десерт для дамы в качестве извинения за опоздание.

Мне кажется, последняя фраза была адресована мне, пусть парень и разговаривал с официанткой. Девушка, не переставая улыбаться, кивает и уходит, чтобы отнести повару наш заказ, а я смотрю на своего спутника, пытаюсь понять, что происходит у него в голове. Филлинс улыбается, и сквозь слегка приоткрытый рот я вижу его белоснежную вереницу зубов. У парня лёгкая почти незаметная щетина, глаза карие, а из-за освещения я не могу разобрать даже зрачков.

— Как тренировки? — спрашиваю я, подпирая голову рукой.

Майкл фыркает.

— Как и всегда, — отмахивается парень. — Утром пробежка. С трёх до шести игра. Час назад только закончили, помчался домой, чтобы переодеться, а потом к тебе. Если бы знал, что машина заглохнет, поехал бы на автобусе.

— Ничего страшного, — улыбаюсь я. — Но ты мог написать и предупредить.

— В следующий раз так и сделаю, — парень достаёт из кармана сотовый, смотрит на время, затем кладёт его в сторону. — Кстати, на счёт сюрприза...

— О, — я его перебиваю. — Да, я его нашла в школе. Спасибо, — я вспоминаю про

спортивный браслет, который надела на запястье, и показываю капитану с довольной улыбкой на лице. — Хотела написать сообщение и поблагодарить, но решила всё-таки лично. Только... Как ты смог открыть мой шкафчик?

Филлинс неловко смущается и опускает взгляд. Он медлит, чешет нос, коротко выдыхая, а потом качает головой.

— Эм... — Майкл вздыхает. — Ну... Взял ключ у завхоза.

— Оу, — я надуваю губы, думая о том, что да, можно было легко догадать о подобном. — Это, конечно, мило, но в следующий раз лучше не надо взламывать мой шкафчик. Это странно...

Парень смеётся, смущённо улыбаясь.

— Хорошо, не буду.

Он смотрит на браслет, затем снова на меня. В этот же момент к нам возвращается официантка, она ставит на стол два бокала с милкшейком и тарелку с пирожным передо мной.

— Приятного аппетита, — улыбается девушка, затем разворачивается на пятках и уходит обслуживать следующий столик.

Я смотрю на десерт и вскидываю бровь, потому на нём тонким кремом написано: «Извини за опоздание». Поднимаю взгляд на Майкла и смотрю на него исподлобья, но тот лишь пожимает плечом, мол, вообще не при делах. Я улыбаюсь, но никак не комментирую это.

— Так, ты починил машину? — интересуюсь я, отламывая ложкой небольшой кусочек и отправляя в рот.

— Нет, — признаётся Филлинс. Он берёт пальцами бокал и пододвигает к себе, немного поковыряв содержимое трубочкой. — Пытался, но ничего не вышло. Вызвал эвакуатор и пошёл пешком.

Я наблюдаю за тем, как кончик его языка касается трубочки, а потом губы захватываю её в своё рабство. Майкл делает глоток молочного напитка.

— Жаль. Тебя родители не будут ругать?

— Нет, — фыркает парень. — Отец знает, что эта развалюха ничего не стоит и постоянно ломается. Раньше мы вместе с ним собирали авто, но что-то где-то пошло не так, и мы забросили это дело. Я через пару лет кое-как починил её, но там всё равно нужны новые запчасти и всё такое.

— Значит, ты помимо футбола увлекаешься починкой автомобилей? — шучу я.

— Типа того, — Филлинс снова делает глоток. — Раньше увлекался, а потом решил заняться регби. Переходный возраст и всё-такое.

— Ага, — я думаю про урок психологии, на котором мы в прошлый раз говорили на тему подростков, но решаю, что лучше не упоминать подробности.

Мы замолкаем: я смотрю то на своё пирожное, то поднимаю взгляд на Майкла, совершенно не понимая, что испытываю к нему. Он симпатичный, с ним приятно общаться, но нет никакого ажиотажа, как у меня было в лагере со Стивом. Там мне просто вскружило голову, и я бредила каждой секундой, когда мы находились вместе. С Филлинсом же совершенно не так. И в глубине души я почему-то думаю о том, что просто использую его, чтобы заглушить припадки по поводу Брауна. В прочем, Трис как раз и советовала мне заняться подобным.

— Слушай, — я вспоминаю про обещание, которое дала Нине сегодня за завтраком. —

Это, конечно, странно прозвучит, но... Ты ведь знаешь Нину? Мою подругу?

Парень задумчиво хмурится, разглядывая меня.

— Рыжую? Которая в команде поддержки теперь? Конечно, — он пожимает плечом. —

А что?

Я надуваю губы, но медлю с ответом, пытаюсь собрать в кучу все свои мысли. Доедаю последний кусок десерта и с тихим звоном кладу ложку на тарелку.

— Ну, она вроде как хочет стать капитаном. В пятницу будет голосование, — я смотрю Филлинсу прямо в глаза и с трудом сдерживаюсь, чтобы не отвести взгляд в сторону. — Но Кристина Фейл тоже метит на это место, и пытается настроить всех против Нины. Я видела как ты сегодня с ней разговаривал...

Майкл, наверное, думает, что я ревную, потому что поспешно скидывает руку.

— Да, она подходила, пыталась уговорить меня, чтобы я поддержал её на выборах, — как бы просто так бросает капитан. — Ничего такого.

Я киваю, хватаясь пальцами за свой нетронутый милкшейк и притягиваю его к себе.

— Короче, я не хочу навязывать всё это, но я пообещала Нине, что попрошу тебя быть на её стороне, — выпаливаю я. — И чтобы ты поговорил с командой по этому поводу. Это очень важно для Нины, у неё и так дома полная неразбериха, ещё и из тенниса она ушла, так что...

— Ладно. Без проблем, — пожимает плечом Майкл.

Я удивлённо скидываю брови. Что, вот так просто? Без лишних вопросов и пререканий? Как-то подозрительно.

— Серьёзно? — не верю я.

— Да, — парень невинно улыбается. — Ради тебя, всё что угодно.

Я фыркаю и отмахиваюсь, делая глоток из трубочки. Прожигаю его смущённым взглядом, в тайне надеясь, что мои щёки сейчас не пылают.

— На самом деле, от «Викингов» это не зависит, — тянет Майкл. — Я про выбор капитана поддержки. Этим должна заниматься команда чирлидеров.

— Но ваше мнение тоже учитывается, — бормочу я.

— Да, — улыбается капитан. — Поэтому я не против быть на стороне Нины. Мне лично она симпатизирует больше, чем Фейл. К тому же мы с Шоном неплохо ладим. Как он там, кстати? Его перевели на домашнее обучение, так что мы совсем не видимся с ним, а заскочить к нему всё времени нет. Хотим собраться всей командой.

Я улыбаюсь. Да, Шон, одноклассник капитана. Как я могла забыть о нём. Делаю ещё один глоток, прежде чем ответить.

— Он потерял слух, — опускаю взгляд на столешницу. — Сейчас дома сидит, переломы уже затянулись, но рукой управлять ему тяжело. Что-то с мозгом связано, я не знаю. Пока всё ещё физиотерапию проходит.

— Ясно. Бедняга. Я слышал, что ему под колёса кто-то пытался броситься, — говорит Филлинс. — Вот он и вывернул руль, выехал на встречу, а там...

— Под колёса? — хмурюсь я. — Не знала об этом.

— Да я тоже, — Майкл пожимает плечом. — Типа слухи и всё такое. Не знаю, может быть, врут. Шон то молчит, говорит, что не помнит ничего.

Я не отвечаю. Кто-то пытался броситься под колёса парня? Но кто? Странно это всё...

Мы недолго сидим молча, допивая свои коктейли. Грусть охватывает нас, и я уже не могу собрать свои мысли, чтобы придумать какую-нибудь позитивную тему. Я почему-то

снова думаю о Стиве, и меня охватывает тоска. Интересно, что он почувствует, если узнает, что я гуляю с Майклом Филлинсом?

— У тебя крем, — парень отвлекает меня от мыслей, и я удивлённо перевожу на него взгляд. — На...

Он осекается, вздыхает и подаётся вперёд, вытягивая руку. Я мысленно шарахаюсь от его движения и радуюсь, что не сделала этого в реальности, иначе Филлинс подумал бы, что я совсем дикарка.

Его пальца прикасаются к моей щеке, а большой вытирает уголок губ, где, очевидно, и скопилась пенка от милкшейка. Я смущаюсь, впиваясь взглядом в тёмные глаза спутника, который тянется через стол, чтобы привести меня в должный вид.

Моё тело каменеет, и я терпеливо жду, когда же Майкл, наконец, отстранится от меня и позволит дышать спокойно. Не люблю, когда нарушают моё личное пространство, особенно таким наглым способом.

Взгляд парня, прикованный к мои губам, резко взлетает вверх и впивается в мои глаза. Я коротко выдыхаю, пытаюсь заставить себя либо улыбнуться, либо откинуться назад, но тело не слушается. Не знаю, сколько проходит времени в промежутке между словами капитана и его осторожными попытками убрать крем с моих губ, но мне кажется, что целая вечность. На деле, наверное, секунд пять.

Филлинс не убирает руку. Его веки вздрагивают, он снова смотрит на мои губы, а я думаю о том, хочу ли я поцеловать его или же нет?

Но времени у меня не остаётся, потому что Майкл сам тянется ко мне и целует. Мысль о том, что его губы не такие, как у Стива, впивается в мои мысли, и я никак не могу избавиться от неё. У Брауна они мягче и податливее, словно спелая черешня, которой хочется наслаждаться всё больше и больше, а у Филлинса они слегка грубые и чертовски обжигают.

Почему, целуясь на своём свидании с мальчиком, я думаю совершенно про другого человека? Это как-то неправильно.

Капитан чуть отстраняется, и его губы трогает улыбка. Я слегка смущаюсь из-за такой близости — парень садится ровно, позволяя мне нормально дышать, и я откидываюсь на спинку дивана.

— Может, пойдём погуляем? — предлагает Майкл.

Я киваю. Парень зовёт официантку и оплачивает счёт, в том числе и моё первое отвратительное мороженое, которое я так и не соизволила съесть. Я хватаю сумку и поднимаюсь на ноги. Сидеть здесь слишком жарко и стыдно: посетители видели наш поцелуй. Не смотря ни на кого из присутствующих, я первая покидаю кафе и оказываюсь на свежем воздухе, вдыхая полной грудью. Колокольчик позади меня звенит, и я оборачиваюсь, встречаясь взглядом с Майклом Филлинсом, капитаном школьной команды «Викинги», человеком, с которым я минуту назад целовалась прямо посреди переполненного кафе.

Vance Joy — Mess Is Mine

— Ладно, смотри, — Майкл раскладывает передо мной карты, собираясь показать очередной фокус, который у него вряд ли получится.

Я внимательно наблюдаю за его руками — живот скручивает от недавнего смеха, челюсти сводит, и я собираю все свои силы, чтобы успокоиться. Парень прикусывает губу, неумело перебирает колоду и делает такой серьёзный вид, словно вот-вот откроет вечный двигатель.

— Так, — он показывает мне карты. — Выбери одну.

Я фыркаю и делаю вид, что совершенно не впечатлена. Беру одну карту и переворачиваю.

— Не смотри! — возмущается парень. — Всё испортила!

Он цокает, а я снова начинаю смеяться.

— Ладно-ладно! Я возьму другую! — сквозь смех вскрикиваю я, а затем делаю сосредоточенное лицо.

Филлинс прищуривается и подозрительно смотрит на меня, пока я вытаскиваю новую карту и показываю ему.

— Так, стоп, — Майкл хлопает по столу и поджимает губы. — Всё не так делаю. Верни обратно.

— Но... — я надуваюсь и подпираю голову рукой. — Может, уже признаешь, что фокусы — это не твоё?

— Молчи, женщина, — он снова перемешивает карты, а затем складывает их веером передо мной, но так, чтобы их видела только я. — Возьми одну, но мне не показывай.

Я вздыхаю и выбираю из колоды червовую даму, смотрю на неё, перевожу взгляд на капитана, а потом с хлопком кладу карту на столешницу. Майкл забирает её и возвращает к остальным, начиная снова перемешивать их.

— А теперь ты каким-то чудом вытащишь ту, что я достала, — скучающе комментирую я.

— Нет, — уверенно и совершенно серьёзно заверяет меня Филлинс. — Не вытащу. Потому что хрен его знает, как этот фокус работает.

Я фыркаю и снова начинаю смеяться.

Мы сидим за моим любимым столиком в школьном дворе в тени старого дерева и занимаемся перед уроками всякой ерундой. Школьники шумят, солнце пригревает, не смотря на осень, и на душе у меня прекрасно. Настроение зашкаливает, и я благодарна Майклу за то, что он постоянно пытается развеселить меня. Мне с ним хорошо, рядом с ним я забываю обо всех проблемах и неудачах, забываю обо всём на свете.

— Но я могу вытащить эту карту, — продолжает парень, доставая из колоды свою жертву и показывая мне. Это червовая дама.

— Эй! — тычу в него пальцем. — Это та самая!

— Что? — Филлинс фыркает и смотрит на карту, которую показал мне. — Серьёзно! Да ла-а-адно! — он изображает глубокое удивление. — Я просто карточный гений!

— Тебе просто повезло, — отмахиваюсь я, не веря в то, что парень действительно специально достал червовую даму.

— Ничего подобного, — обижается Майкл. — Говори, что хочешь. Я всё равно буду карточным гением.

Он демонстративно перемешивает колоду, делая вид, что оскорблён до глубины души. Я улыбаюсь. Он такой милый, когда кривится и воображает из себя чёрт знает кого.

— Эй, — нагибаюсь к нему и складываю губки бантиком, но Филлинс не обращает на меня внимания.

Я всем видом показываю, что хочу его поцеловать, но парень продолжает оскорблённо перемешивать карты. Ну, и ладно.

Я фыркаю и собираюсь отстраниться, но Майкл неожиданно подаётся вперёд и сам целует меня. Я мурлычу, довольно улыбаясь сквозь поцелуй, и мир вокруг меня испаряется. Я чувствую вкус шоколадки, которую парень съел пять минут назад, и его пальцы, путающиеся у меня в волосах.

— Завязывайте, голубки, — голос Нины возвращает нас в реальность, и мы отстраняемся друг от друга.

Девушка довольно улыбается, скрещивая на груди руки.

— Угадайте, кого сделали капитаном команды поддержки? — она свысока смотрит то на меня, то на Майкла.

— Кристину! — выпаливает парень с таким видом, словно собирается выиграть миллион.

Нина фыркает и брезгливо отмахивается.

— Новый капитан стоит прямо перед вами! — она радостно пищит.

Филлинс картинно поникает, делая вид, что расстроился, но я не обращаю на него внимания.

— Да ладно! — улыбаюсь я. — Поздравляю.

— Спасибо, — она хлопает в ладоши от счастья. — И тебе спасибо, — смотрит на Майкла. — И тебе тоже, — обращается ко мне. — Если бы не вы, у меня бы ничего не получилось!

Она снова пищит, довольно подпрыгивая на одном месте. Я улыбаюсь, потому что никогда в жизни не видела Нину настолько счастливой. Даже победы на соревнованиях не доставляли ей столько удовольствия, как должность капитана чирлидеров. Наверное, она и правда мечтала об этом с самого детства.

Рыжая садится рядом со мной, толкая меня бедром, и мне приходится подвинуться.

— Тебе бы надо подкраситься, — она смотрит на мои уже проступающие светлые корни.

Я открываю рот, чтобы согласиться с ней, но Майкл меня опережает.

— Вот чёрта с два! — возмущается парень. — Мне нравится вот это вот, — он показывает на мои волосы. — Похоже на шоколад. Типа горький смешали с белым. Выглядит прикольно.

Нина отмахивается, мол, ничего ты не понимаешь.

— Короче, — подруга улыбается. — Я устраиваю вечеринку на следующей недели, в честь того, что я стала капитаном, так что жду вас у меня дома в пятницу вечером.

Я коротко смеюсь.

— Погоди, твоя мама разрешила тебе устроить тусовку? — не верю я, вспоминая строгую мать Нины, которая тряслась над каждым движением своей дочери, боясь, что она сделает какую-нибудь глупость.

— Пф-ф-ф, нет, — Нина поджимает губы. — Но кто её будет спрашивать? Она уедет на неделю на свои благотворительные вечера, так что даже не заметит ничего. А я планирую устроить самую грандиозную вечеринку в этом году, чтобы Трис обзавидовалась. Пусть знает, что не она одна может закатить крутую тусовку.

Ну, да, конечно. Нина без придинок к Трис уже не Нина.

— Так, вы придёте? — рыжая смотрит то на меня, то на Майкла.

Парень прожигает меня взглядом, мол, слово за тобой, и я поджимаю губы.

— Конечно придём, — улыбаюсь я.

— Отлично, — она вскакивает на ноги. — Ещё столько всего нужно сделать. Потом пришлю вам приглашение и всё такое. Не скучайте.

Девушка улыбается и в припрыжку идёт в сторону школы. Я смотрю ей вслед и совершенно не узнаю подругу. Ещё полгода назад она и заговорить боялась про вечеринки, а тут сама решила её устроить. Куда делать прилежная теннисистка, которая следовала каждому приказу своей матери, выигрывала кубки, ходила на благотворительные вечера, идеально одевалась и вела себя так, словно выросла в благородной семье?

Что ж, вечеринка так вечеринка.

Я вздыхаю и кривлю губы, вспоминая, что мне ещё надо сделать задание по фотографиям на четверг. Нужно принести снимок на тему «меланхолия», а я понятия не имею, что вообще можно изобразить на нём. Это какая-то трагедия.

Звонок отвлекает меня от мыслей, и я неохотно поднимаюсь на ноги. Впереди ещё два урока, а затем тренировка, как всё лень...

— Увидимся после занятий, — тянет Майкл, обнимая меня рукой за талию и коротко целуя в уголок губ.

— Ага, — я смотрю ему вслед.

Парень присоединяется к своим друзьям и направляется в сторону дверей, а мне ничего не остаётся, как отправиться на математику. Эх, такая хорошая погода, а мы просиживаем штаны в классах. Нужно наслаждаться последними деньками тепла, а не тухнуть на занятиях...

Placebo — Protect Me From What I Want

Всё начинается в четверг, когда я прихожу в школу вместе с Ниной и с Мил. Первым уроком у меня должно быть занятие по фотографиям, и я сжимаю в руке папку с проявленным снимком, на котором изображён велосипед брата на фоне американского флага наших соседей.

Я долго думала на счёт того, что же для меня означает слово «меланхолия» (болезненно-угнетённое состояние, тоска, хандра) и решила, что это точно что-то из вещей Рори. Мысли о нём всегда заставляют меня грустить и ностальгировать по старым временам, когда мы с ним играли в детстве перед домом, как он учил меня кататься на крошечном велосипеде, как мы рисовали лёжа на полу гостиной перед камином, как ели мамины блинчики по утрам и как он гонял соседского мальчишку, который каждый раз пытался заигрывать со мной, когда мы с ним оставались наедине.

Всё это вызывает у меня улыбку и печаль одновременно, и даже когда я беру в руки его велосипед, всё внутри меня сжимается, пытаюсь вырваться наружу, но сейчас у меня есть те, кто поддерживает меня и заставляет улыбаться, поэтому я даже не могу вспомнить момент, когда в последний раз грустила из-за смерти Джея.

— Надеюсь, что мой проект примут, — тяну я поднимаясь по ступеням школы. В дверях образовалась пробка, и мне приходится притормозить, чтобы подождать, пока она рассосётся.

— Да примут, — отмахивается Нина. — Это же всё равно не обязательный предмет. Хотя я до сих пор не понимаю, нафига ты выбрала фотографию и психологию.

Я пожимаю плечом, вставая на носочки, чтобы рассмотреть, что там происходит, но отсюда мне ничего не видно.

— А что, я тоже хотела выбрать психологию, — говорит Мил. — Но потом решила, что лучше похожу на компьютерную графику.

— А я выбрала искусство и пение, — Нина разглядывает свои идеальные ноготки, затем вздыхает и смотрит на столпившихся школьников. — Да что там такое?

Я не отвечаю, потому что сама понятия не имею, из-за чего образовалась такая пробка. Там что, дерётся кто-то? Или проход перекрыли из-за ремонта.

— Может, через столовку пройдем? — предлагает Мил.

— Да, точно! — Нина бросает недовольный взгляд на спины учеников и разворачивается.

Мне ничего не остаётся, как последовать за подругами.

— Вы уже решили, куда будете подавать документы? — интересуется Нина. — До января надо уже их отправить, а я вообще не представляю, куда можно податься. В прошлом году нам давали списки вузов и колледжей, но я тогда была уверена, что буду заниматься теннисом, так что особо не вдавалась в подробности. Надо будет попросить у секретаря, чтобы мне распечатали хоть какую-то информацию.

Рыжая замолкает, чтобы перевести дыхание. Мы огибаем школу и направляемся к западному входу, чтобы войти в школу через столовую. Здесь народу поменьше, потому что основная часть студентов столпилась у главного входа.

— Я тоже не знаю, — признаюсь я. — Думала поехать в Бостон. Или в попробовать в Вашингтон. Вообще любой колледж, лишь бы приняли. А потом уже по ходу определиться.

Подруга отмахивается.

— Да с твоими оценками тебя даже в Гарвард возьмут бесплатно, — бурчит Нина.

Я качаю головой, потому что это совершенно не так. Да, у меня полно кредитов накопилось, и я планирую набрать ещё больше, чтобы наверняка, но вряд ли меня возьмут на бюджетную основу в какую-то престижный вуз. Я даже понятия не имею, в какую область податься.

— А я попробую в Оклахому и в Вашингтон, к тётке поближе. И ещё на всякий случай в парочку, недалеко отсюда, — Мил поправляет рюкзак. — Хотя, с моими оценками меня на бюджет точно не примут.

Она коротко смеётся.

— Ого, — Нина с уважением смотрит на подругу. — Может быть, мне тоже с вами попробовать? А давайте в один вуз поступим, это же будет так здорово! И не придётся после школы расставаться.

— А это идея, — улыбаюсь я. — Можно потом вместе просмотреть варианты и выбрать что-нибудь подходящее.

— Да, — Нина оживляется. — Это было бы круто. Только представьте, будем жить в общежитии, ходить на вечеринки, на занятия, вместе изучать предметы, заведём ещё больше знакомств. Колледж — это же не школа, там по любому очень круто.

Я ничего не отвечаю. Пока подруга размышляет о том, чем можно заниматься после поступления, мы добираемся до дверей столовой и заходим внутрь. Здесь почти никого нет, столики пусты и лишь несколько человек, решившие перекусить с утра пораньше, сидят в стороне от нас. Не обращая на них внимания, мы двигаемся дальше, чтобы пройти через арочный проём и оказаться в школьном коридоре, а дальше добраться до шкафчиков, потому что Нина всю дорогу до школы причитала, что у неё тяжёлая сумка.

Я иду впереди, продолжая думать о фотографии, которая находится в папке в моих руках, прохожу под аркой, сворачиваю в коридор, ведущий в сторону шкафчиков, а потом неожиданно замираю. Нина натыкается на меня, бурчит что-то невнятное, и через секунду замолкает.

— Твою мать, — тянет Мил, останавливаясь рядом со мной.

Я скольжу взглядом по стенам коридора, по железным дверцам шкафчиков, по дверям, доскам с объявлениями и по витринам, за которыми блестят кубки и медали школьных команд, и вижу, что буквально каждый сантиметр пространства завешен распечатанной фотографией, повторяющейся по всему коридору. На ней изображена я, наблюдающая за оленем в лесу. На каждом фото подпись «меланхолия».

Я открываю рот, чтобы избавиться от наступающего чувства отчаяния, смешанного с возмущением. Это как кадр из прошлого, хватающий меня за шкуру и пытающийся затащить в глубины моего времени.

Эта фотография была лишь у одного человека, была только у Стива Брауна.

— Я убью его, — скулю я. — Чёрт, я выпотрошу его прямо сейчас.

— Да ладно, — Мил толкает меня локтём в бок. — Даже и не понятно, что это ты. Да и

фото крутое.

— Как он мог? — выпаливаю я. — Какая к чёрту меланхолия?!

Я закрываю рот рукой, чтобы избавиться от накативших воспоминаний и эмоций, но они обрушиваются на меня с такой силой, что я даже не могу дышать. Зачем он это сделал? Почему сейчас, когда я уже практически смирилась с тем, что он оттолкнул меня? Когда я нашла того, кого можно поставить на замену?

Я чертыхаюсь и разворачиваюсь, решительно направляясь в класс, где у нас проходят занятия по фотографиям.

— Эмма! — Нина пытается окрикнуть меня, но я не останавливаюсь.

Я ему сейчас устрою. Он у меня получит за всё, что сделал! В этот раз не отвертится так просто! Я сломаю ему ноги, если потребуется, я заставлю его выслушать всё, что я думаю о нём и о его поступке.

Звонка ещё не было — я распахиваю дверь и врываюсь в класс. Присутствующие удивлённо смотрят на меня, но я не обращаю на них внимания, осматриваю помещение, пытаюсь найти взглядом Стива.

— Браун приходил? — раздражённо бросаю я.

— Нет, — отвечает мне девушка, сидящая в углу слева.

Я фыркаю и вздыхаю. Ну, ничего. Подожду, когда парень соизволит появиться.

Прикрываю за собой дверь и направляюсь к своему месту. Бросаю сумку на пол рядом со стулом, присаживаюсь на него и кладу папку с фотографией велосипеда моего брата перед собой. Смотрю на неё так, словно это она виновата во всех моих неудачах, пытаюсь прожечь её насквозь, уничтожить и мысленно разорвать на кусочки, но в реальности фото мне всё ещё нужно, чтобы получить дополнительные баллы, так что я не могу от него избавиться.

Я сижу молча, думая о развешенных фотографиях по всему коридору и о надписи «меланхолия». Что это означает? Стив тоскует, когда смотрит на неё? Неужели, он скучает по мне? Испытывает хандру и болезненное чувство пустоты, когда думает о лагере и обо мне? Иначе, зачем бы ему, мать его, развешивать этот чёртов снимок по всему школьному коридору?

Ничего не понимаю.

Я сижу молча, в ожидании, когда же начнётся урок и когда сюда придёт Браун.

Но он так и не приходит, и мой пыл постепенно стихает, оставляя место грусти и тревоги. Оставляя место только для отчаяния и беспомощности.

Pacific Air — Float

«Скажи своему брату, что мне не понравилась его сегодняшняя выходка», — пишу я Трейси Кристалл, решительно отправляя сообщение блондинке.

Только через несколько минут я успокаиваюсь и понимаю, что погорячилась и зря побеспокоила девушку, но отступить было поздно.

Сегодня явно не мой день. Сначала задание по фотографиям на тему «меланхолия», которое я с трудом смогла выполнить, затем выходка Брауна с моими снимками, развешенными по всему школьному коридору. К счастью, никто не догадался, что на них изображена я. Для меня это было слишком личным, всё, что произошло в лагере, должно было остаться там, как сказал мне сам Стив. Я не хотела выставлять то, что было между мной и им летом на показ, но своим поступком парень открыто заявил, что...

А что именно он заявил? Что для него всё это ничего не значит? Зачем тогда он использовал кадр в проекте по фотографиям и подписал «меланхолия»? Может быть, хотел, чтобы я поняла, что он всё же что-то чувствует ко мне?

Мыслей так много, что я не знаю, на какую из них нужно реагировать в первую очередь. Всё в кучу, всё смешанно и скомкано. Хорошо, что Майкл не знает о том, что на снимках изображена я. Там плохо видно, да и вообще многие решили, что это просто постановочное фото, которое кто-то стёр с интернета. Только я, Нина, Мил, Трис, Трейси и сам Стив знали, что это не просто спектакль, это было на самом деле.

«Хочу поговорить с тобой на счёт Стива», — пишет мне Кристалл, но я не горю желанием вообще слышать хоть что-то об этом парне.

«Нет. Просто передай ему, что мне не понравилась его выходка. Надеюсь, больше этого не повторится».

Блондинка не отвечает мне.

Весь оставшийся вечер я только и делаю, что думаю на счёт снимков, даже когда бегаю на тренировках, даже когда Филлинс провожает меня после школы до дома, даже когда я обнимаю его на прощание, когда улыбаюсь, здороваясь с родителями, когда запираюсь в своей комнате и ложусь спать.

Единственная мысль, не оставляющая меня: Зачем Стив Браун это сделал? С какой целью?

А на следующий день утром, когда я открываю свой шкафчик, чтобы взять парочку учебников для занятий, я снова нахожу записку. Сначала я думаю, что Майкл опять решил устроить мне сюрприз, но я ошибаюсь. Там всего три слова:

«Прости за вчерашнее».

Прости за вчерашнее?

Я переворачиваю бумажку, но на ней больше ничего не написано. Это от Стива? Он извиняется за то, что развесил фотографии? Или это всё-таки от Филлинса? Но второму не за что извиняться. Я с ним не ссорилась вчера, и он никак не косячил. Значит, это всё же от Брауна.

Стоп, а он то как смог открыть мой шкафчик?

Я прикусываю губу, вглядываясь в почерк. Где-то я его уже видела...

Руки сами тянутся к тетрадкам и начинают искать спрятанную между ними записку, которую я получила в прошлый раз вместе с подарком Филлинса. Нахожу её между биологией и испанским и подношу к глазам.

В левой руке у меня стараясь бумажка, в правой сегодняшняя.

Почерк одинаковый.

Я непонимающе смотрю то на одну, то на другую. Это что, получается, Стив прислал мне подарок? Майкл соврал мне? Чёрт... Но что, если это всё-таки записки от капитана? Вдруг он действительно решил, что накосячил, и захотел так извиниться? Да, точно. Это именно так. Не могу поверить в то, что Браун прислал мне анонимный подарок, да ещё такой дорогой, после всего, что наговорил мне.

Я зажмуриваюсь, трясую головой и прячу записки в карман. Нужно проверить, найти Майкла и вытянуть из него правду. Я захопываю шкафчик с такой силой, что ребята, стоявшие в стороне, оборачиваются и смотрят на меня. Поправляю сумку на плече и осматриваюсь.

Филлинс, скорее всего, должен быть на улице вместе с остальными парнями из команды. Я должна пойти к нему прямо сейчас, иначе с ума сойду от всей этой неопределённости.

Поспешно направляюсь к дверям и выскакиваю на улицу, осматривая территорию школы в поисках Майкла. Вижу его чуть в стороне рядом со скамейкой, на которой сидят ребята из «Викингов», и иду прямо к нему. Один из игроков замечает меня и толкает Филлинса локтём в бок, тот оборачивается. Парень улыбается, когда понимает, что это я.

Я расплываюсь в улыбке и подхожу ближе — капитан целует меня в щёку, приветствуя, и я довольно мурлычу, пытаюсь скрыть нетерпение.

— Получила твою записку, — улыбаюсь я, смотря на Майкла. — Ты же обещал, что больше не будешь лазить в мой шкафчик.

Парень открывает рот, тихо выдыхая, и отводит взгляд в сторону.

— Прости, — улыбается Филлинс, смущаясь.

— Да ничего, — я толкаю его в бок кулаком и притворяюсь, что совсем не против этого. — То, что ты написал... Ну... Мне никогда ещё не говорили подобного. Столько комплиментов, я даже слов-то таких не слышала никогда.

Делаю смущённый вид. Так, если это и правда послание от Филлинса, то он обязательно скажет, что там нет ничего подобного, начнёт ревновать, мол, кто-то ещё пишет мне записки. Ведь там просто извинения, нет ничего такого, о чём я только что сказала.

— Эм... — Майкл теряет, и мне на секунду кажется, что вот он, момент, когда парень должен подозрительно скривиться и начать ссориться со мной по поводу того, что я получаю от кого-то странные записки с комплиментами. Тогда я успокою его и расскажу, что это просто розыгрыш. — Ну, да, — бормочет капитан, смущаясь из-за смешков и подколов своих друзей. — Ты же у меня самая лучшая, вот я и написал всю эту ванильную чепуху.

Я падаю. Филлинс врёт. Это не от прислал мне сегодня записку, и браслет тоже был не от него.

Моментально перестаю улыбаться и отступаю, недовольно скреживая руки.

— Ты соврал, — возмущаюсь я, и Майкл растерянно смотрит на меня. — В записке

были извинения. Чёрт, Филлинс! — я выдыхаю, качая головой. — Так, значит, браслет тоже не твой? Как ты мог?

Я бросаю на него разочарованный взгляд и разворачиваюсь, собираясь вернуться в школу.

— Эмма, стой! — окрикает меня парень. — Ну, прости! Да, это не я прислал его, — Майкл догоняет меня и хватает за локоть, останавливая. Я неохотно торможу и оборачиваюсь. — Просто я растерялся тогда и решил подыграть. Я понятия не имею, от кого этот браслет. Мне очень жаль...

Зато я прекрасно знаю, от кого он.

Филлинс пытается обнять меня, но я отталкиваю его. Мысль о том, что парень обманул меня, въедается в мою голову и разрывает меня на части.

— Прости меня, Эмма. Ты же знаешь, как ты мне нравишься, — капитан виновато смотрит на меня.

Я почти сдаюсь. В обычной ситуации я бы посмеялась и простила его. Ну, с кем не бывает. Это ведь я решила, что подарок был от Майкла, сама виновата, что не доглядела.

Но одна только мысль, что записки присылал мне Стив Браун, переворачивает весь мой мир и меняет всю ситуацию.

— Ты соврал мне, — обиженно выдавливаю я.

Разворачиваюсь и поспешно направляюсь в школу.

— Эмма! — Майкл снова пытается окрикнуть меня, но я не останавливаюсь.

Чёрт, Стив, какого хрена ты делаешь с моей жизнью...

Major Lazer X Dj Snake — Lean On

Настроения идти на вечеринку Нины совершенно нет, но я не могу просто так взять и подвести подругу. Я знаю, что это её первая глобальная тусовка дома и что для неё это чертовски важно, так что позвонить или написать ей с новостью, что я не хочу приходить, у меня не хватит смелости.

Там будут все заядлые любители халявной выпивки и развлечений. У Нины богатая семья и мало кто из нашей школы может похвастаться огромным особняком и бассейном на заднем дворе. По крайней мере у меня позади дома лужайка с цветами и место для барбекю.

На вечеринку придёт Трис, Трейси, чирлидерши, «Викинги», среди которых будет и Майкл Филлинс, моя команда по кроссу и куча остальных ребят с нашей школы. Скорее всего, многие притащат с собой левых друзей, так что народу должно быть полно, ведь Нина всю неделю кричала о своей офигенной тусовке у неё дома в эту пятницу.

И, конечно же, новая Эмма просто не могла взять и не пойти туда, пусть у неё было плохое настроение и ей совершенно не хотелось пересекаться с некоторыми личностями.

И когда это я начала говорить о себе в третьем лице?

И вот она я, стою на крыльце огромного двухэтажного особняка своей лучшей подруги, вспоминая, как мы в прошлом частенько устраивали у неё дома пижамные вечеринки и тырили вино из погреба, чтобы втихаря выпить пару бокалов, и думаю, что заходить внутрь у меня нет никакого желания. До меня доносится громкая оглушающая музыка, разрывающая на части пространство, в окнах мелькают тени незнакомых мне людей, компания парней курит в стороне от крыльца, о чём-то весело разговаривая.

Сейчас около одиннадцати вечера, и тусовка Нины в самом разгаре.

Я вздыхаю и решительно хватаюсь за ручку двери, открывая её и переступая порог.

Внутри шумно, душно и пахнет алкоголем с травкой. Здесь не просто много народу, первый этаж забит практически весь! Ещё ни разу я не видела столько толпы в одном месте, а особенно дома у рыжей. Если её мать узнает, что подруга устроила вечеринку, то умрёт от инфаркта.

Я протискиваюсь мимо девчонок, которые приветствуют меня, улыбаюсь им, и иду в сторону гостиной. Нужно найти хозяйку дома, отчитаться перед ней, что я пришла сюда, а потом втихаря свалить. Девушка всё равно не заметит этого.

Здесь музыка просто оглушающая — я осматриваю гостей, вижу команду по регби, ещё каких-то парней и девчонок, которые сливаются в одну сплошную массу и веселятся, но рыжую макушку Нины найти не могу.

Разворачиваюсь и иду на кухню. Здесь тоже много ребят, все они смеются и переговариваются, кто-то разливает напитки, какой-то парень сидит в углу между шкафом и дверью совсем укуренный с самокруткой в руках. Я морщусь и отворачиваюсь. Прохожу к столу и хватаю бутылку пива из переносного холодильника со льдом.

Нины и здесь нет. Куда она подевалась?

Смотрю в окно на задний двор — девушки и парни плескаются в бассейне с пеной.

Осень в этот раз жаркая, так что ребята ловят последние возможности искупаться. В свете ярких фонарей трудно разглядеть, есть ли на улице подруга, так что я бросаю это дело. Когда перестаёшь искать, вещь сама попадается тебе на глаза. В моём случае это человек.

Я открываю бутылку и делаю глоток холодного пива — напиток скользит в желудок, и я вздрагиваю из-за внезапных мурашек. Осматриваюсь, решая, что будет лучше пойти в гостиную, ведь там больше шансов встретить Нину. Огибаю девочек, стоящих в проходе, и они услужливо отступают, позволяя мне пройти. Делаю ещё один глоток, облизываю губы и выхожу в коридор, но в дверях с кем-то сталкиваюсь, и мне приходится остановиться.

Я уже собираюсь попросить прощение и пойти дальше, но не успеваю.

— О, Эмма.

Это Трейси Кристалл.

Я мысленно чертыхаюсь. Вот повезло же мне столкнуться именно с ней! Сейчас опять пристанет со своими разговорами и фиг отделаешься от неё.

— Трейси, — комментирую я, поджимая губы. — Ты видела Нину? — я притворно осматриваюсь, чтобы избежать лишних слов.

— Она была с Шоном, когда я видела её в последний раз, — пожимает плечом блондинка. — Слушай, Эмма...

— Нет, — я отмахиваюсь и пытаюсь пройти мимо, но Трейси хватается за локоть и не отпускает. — Я не хочу с тобой разговаривать о твоём брате, — серьёзно заявляю я. — Отпусти.

Кристалл кривится, но её пальцы не разжимают меня.

— Слушай, я понимаю, что он обидел тебя и всё такое, но ты должна просто выслушать меня, — она умоляюще смотрит мне в глаза, словно кот из «Шрека». — У него снова начались срывы.

Я неохотно отворачиваюсь, снова пытаюсь вырвать руку из захвата блондинки, думаю о браслете, который прислал мне Браун, о его выходке с фотографиями и о том, что он не появляется в школе второй день, и прикрываю глаза.

— Ладно, — сдаюсь я. — Но это ничего не будет значить.

— Конечно. Я просто думаю, что ты должна знать, — Трейси кивает на лестницу, крепче берёт меня под руку и тянет в сторону второго этажа.

Я неохотно следую за ней, думаю о том, что совершенно не обязательно так держать меня, я же не собираюсь сбежать. Мы поднимаемся вверх и идём по коридору, оставляя позади вереницу белоснежных дверей. Здесь музыка не такая громкая и народу совсем нет.

Я делаю глоток из бутылки, которую всё ещё держу в руке, а когда мы останавливаемся в конце коридора перед окном, открывающим вид на задний двор, я облегчённо вздыхаю, потому что Кристалл отпускает меня и делает шаг назад. Она молчит, а я терпеливо жду, пока девушка соизволит начать рассказ.

Снова делаю глоток и немного морщусь из-за холодного напитка.

Дверь ванной неподалёку от нас открывается, и оттуда выходит какая-то девчонка, неровной походкой направляясь к лестнице. Я смотрю на неё, но не могу вспомнить, знакомы ли мы.

— Слушай, — Трейси не смотрит на меня. — Стив... он не умеет общаться с людьми. Он привык к одиночеству и совершенно ни с кем не сближается.

Я пристально смотрю на блондинку, мысленно умоляя её приступить к самой сути своего рассказа, а не говорить мне, какой парень одинокий и замкнутый. Это не оправдывает

все его поступки.

— Ты там что-то про срывы говорила, — напоминаю я, снова делая глоток.

— Да, — она вздыхает. — После того, как он вернулся из лагеря, ему с каждым днём становилось всё хуже. Он неделями не появлялся дома, постоянно где-то пропадал, нам ничего не говорил, — девушка вздыхает. — Он снова поджигает. Как раньше, начинает с мелочей. Пока это просто бумага или книги, которые он тащит из библиотеки родителей. Я как-то проследила за ним, сама видела, как Стив сжигал их.

Я опускаю взгляд, представляя, как Браун сидит ночами в каком-нибудь парке и смотрит на сгорающую макулатуру.

— Ему становится всё хуже и хуже, — продолжает Кристалл. — Скоро он начнёт и что-то покрупнее поджигать, это просто дело времени. Я пока не говорила матери, потому что не хочу, чтобы она снова запрятала его в лечебницу. Там ужасное место...

Девушка замолкает и потирает шею.

— А я при чём? — вздыхаю, качая головой. Мои волосы закрывают глаза, и я убираю прядь за ухо. — Он меня послал в прошлый раз, ясно дал понять, что всё это просто игра.

— Это не так! — возмущается Трейси, и я удивлённо вскидываю брови. — То есть, — она смотрит в окно на бассейн. — Стив винит себя в смерти твоего брата. Он уверен в том, что Рори его ненавидел. И эта мысль губит его. Он буквально с ума сходит из-за того, что сделал. Но то, что он сказал тебе... Будто всё было не по-настоящему, — Кристалл трясёт головой. — Полная чушь! Я никогда не видела, чтобы Стив был так счастлив. С тобой он был настоящим, он был совсем другим. Просто... просто он считает, что не имеет прав любить тебя. Ты — сестра Рори. И он... он боится, что и ты его будешь ненавидеть, не хочет увидеть в твоих глазах ненависть, потому что это убьёт его. Стив любит тебя, Эмма! — Кристалл смотрит мне в глаза, и я даже теряюсь. — Поэтому он тебя оттолкнул. Не хотел и тебе причинить вред, как твоему брату. Хотел держать тебя на расстоянии, чтобы ты была в безопасности, но из-за этого он постоянно страдает. А когда он узнал, что ты теперь крутишься с Филлинсом, так его совсем переклинило. Мы больно смотреть на него. Я просто... Я не знаю, что делать. Если его состояние будет ухудшаться, то придётся рассказать родителям, и они снова запрут его в лечебнице. Я думаю, что ты... ты могла бы помочь ему. Если бы ты... Если бы ты доказала ему, что он не виноват в смерти твоего брата, что Рори вовсе не ненавидел его, то, может быть, это бы спасло Стива. Эмма, пожалуйста.

Я не смотрю на блондинку, думая над её словами. Доказать Стиву, что он не виноват в смерти моего брата? Но я сама до конца не верю в это. И как, собственно, мне убедить Брауна, что Рори не испытывал у нему ненависти? Я ведь понятия не имею, о чём думал Джей. Я даже не была в курсе, что у него был друг-пироман. Всё это как-то...

— Я не знаю, — качаю головой. — Я не уверена, что смогу помочь ему. Может быть, стоит снова отдать его профессионалам?

Трейси жалостливо смотрит на меня.

— Ты не знаешь, что там за место, — тянет Кристалл.

Я хмурюсь, потому что всё внутри меня сжимается. Я не хочу во всём этом участвовать... Не хочу... Не знаю, как. Не знаю, смогу ли...

— Извини, — бросаю я, разворачиваясь и направляясь в сторону лестницы, чтобы покинуть эту глупую вечеринку.

— Эмма! — зовёт меня блондинка, но я не оборачиваюсь.

Я делаю ещё один глоток, чтобы алкоголь, наконец, проник мне в кровь и позволил отвлечься, думаю о словах Трейси Кристалл, которая стоит позади у окна, надеясь, что я всё-таки соглашусь ей помочь, и вдруг неожиданно замираю, потому что дверь справа резко открывается, почти задевая меня. Я удивлённо смотрю на вывалившуюся из спальни родителей Нины пьяную и хихикающую парочку, и вскидываю бровь.

Ребята замирают, замечая меня, и стихают. Я вскидываю бровь и моргаю, чтобы убедиться в реальности того, что я сейчас вижу. На меня смотрит испуганная Трис и растерянный Майкл Филлинс. Их одежда помята, волосы растрёпаны. Они явно только что занимались сексом.

— Серьёзно, да? — с упрёком тяну я, вдруг понимая, что я вообще ничего не чувствую, узнав, что мой парень, с которым я сегодня утром поссорилась, только что трахнул мою подругу, которая последние недели только и делала, что уговаривала меня затусить с капитаном и дать ему шанс.

— Эмма, — Трис пытается что-то сказать, но я поджимаю губы и прохожу мимо них.

Час от часу не легче... То Трейси со Стивом, то Майкл с Трис. В моей жизни может хоть что-нибудь происходить нормально?

Я спускаюсь на первый этаж, заскакиваю на кухню, чтобы взять там ещё парочку бутылок с пивом, а потом покидаю вечеринку. Меня ждёт долгая дорога по ночному городу в компании моих мыслей и алкоголя. Конечный пункт — моя кровать. Завтра суббота, так что у меня есть много времени, чтобы подумать обо всём и принять хоть какие-то решения. Я... Я просто уже не знаю, что мне делать дальше...

Kaleo — Pour Sugar on Me

— Кто-нибудь из вас смотрел сериал «Бесстыжие»? — спрашивает мисс Кавано в понедельник на уроке по психологии, собираясь прочитать нам лекцию на тему вреда наркотиков, которую её заставил провести директор.

Ребята начинают смеяться и переговариваться, мол, конечно мы смотрели этот сериал, как его вообще можно не смотреть? Я подпираю голову рукой и скучающе смотрю на изображение Фрэнка, одного из главных героев, которого преподаватель запихнула в свою презентацию.

— Отлично. То есть все знают, каким алкоголиком и наркоманом был отец семейства и как плохо он себя вёл...

— Фрэнк был норм чувак! — заявляет Питер, перебивая мисс Кавано.

Девочки начинают шуметь и неодобрительно верещать, и я скучающе наблюдаю за ними. Лично мне Фрэнк никогда не нравился. Он был гениальным и всё такое, постоянно выкручивался из разных дерьмовых ситуаций, пил каждую серию и употреблял различные наркотики, в одном из сезонов он даже почти что умер, но всегда этот персонаж делал всё только для себя. Даже когда он пытался играть любящего отца, Фрэнк всё равно преследовал свои собственные цели, и всё у него вертелось вокруг алкоголя, денег и наркотиков. А его жена, так это вообще слов нет.

— Да, соглашусь, Фрэнк — персонаж довольно своеобразный, — говорит мисс Кавано. — Он гениален, и был бы отличный человеком, если бы не погряз в алкоголизме. За все сезоны он чётко знает сколько выпил литров алкоголя и употребил всевозможные наркотики, и при этом дожил до стольких лет. Но я напому вам, что это, — она указывает на непривлекательного персонажа, изображённого на картинке в презентации, — просто выдумка. Сценаристы могут делать с Фрэнком всё, что пожелают. В реальности же всё совсем по другому. Жизнь зависимого от алкоголя или наркотиков крутится вокруг одной единственной мысли: где бы взять новую дозу.

Женщина замолкает, чтобы дать нам время подумать над её словами, и отходит в сторону своего стола. Она прислоняется спиной к краю и почти садится на столешницу.

— Ему плевать на реальность, на свою семью, на друзей и любимых, на закон и моральные кодексы, — продолжает мисс Кавано. — Он может сделать всё, что угодно, потому что единственное, ради чего он будет жить, это наркотики. Кто скажет мне, что такое зависимость?

Она осматривает класс, скользая взглядом по поднятым рукам, и кивает девочке с первой парты. Та прокашливается, прежде чем ответить.

— Это привычка, привязанность к чему-то, — говорит она.

— Да, — соглашается учительница. — А если говорить про наркотики, то это, можно сказать, заболевание, сопровождающееся ненормальным влечением к наркотическим средствам. А кто скажет мне, что такое ломка и почему это слово назвали именно так?

— Когда человека ломает, после того, как действия наркотиков проходят, — говорит

один из парней, даже не поднимая руку.

— Верно, — улыбается женщина. — Так, а почему это понятие назвали именно ломка?

Мисс Кавано снова осматривает ребят, но в этот раз никто не поднимает руку и не выкрикивает свои догадки. Она смотрит в окно, думая о чём-то, а потом облизывает губы.

— Тело человека каждую секунду испытывает боль, — заявляет она. — Когда мы дышим, двигаемся, прикасаемся к чему-то. Каждую секунду, каждое мгновение всё тело болит, но это настолько незначительно, что мозг просто блокирует эти сигналы и не обращает на них внимания. Согласитесь, было бы проблематично, если бы мы во время движений всегда испытывали боль, или когда прикасались бы к чему-то.

Кто-то на задних партах начинает переговариваться, но мисс Кавано не обращает на них внимания. Она снова на пару секунд замолкает, чтобы собраться с мыслями. Комок бумаги пролетает мимо меня, практически попадая мне в голову, и я хмурюсь. Голова загружена, и я совершенно не горю желанием слушать лекции про вред наркотиков и всяких зависимостей.

— Под действием наркотиков у человека снимаются все барьеры и преграды, которые выстраивает мозг, чтобы позволить нам нормально существовать, — голос женщины усыпляет, и я подавляю зевок. — Однако, потом эффект от препаратов проходит. Но вся проблема в том, что барьеры уже сняты, и мозг не успевает так же быстро восстановить всё на место и справиться со всей информацией, которая попадает в него. В итоге из-за отсутствия этих рычагов, которые всегда сдерживали всё, у человека начинает в буквальном смысле болеть всё тело. Каждая клетка, каждый сантиметр кожи, даже волосы. Его начинает ломать от боли, поэтому это и называется «ломка». Человек испытывает дикие боли во всём теле, которые в обычном состоянии мозг даже не замечает, и из-за этого возникает желание снова принять наркотики. Лишь бы перестало ломать, лишь бы боль прошла. И это замкнутый круг. Ты принимаешь наркотики, тебя начинает ломать из-за боли, ты не можешь этого выносить и принимаешь новую дозу. Тебе хорошо. А потом снова ломка, новая доза.

Я смотрю на мисс Кавано. Интересно. Никогда не думала, что именно из-за этого наркоманы гонятся за дозой. Мне всегда казалось, что им просто хочется опять тех крутых ощущений, который они испытывают под действием препаратов. Я не знала, что их ломает из-за реальной боли, а не из-за желания новой порции «счастья».

— И ещё хочу заметить, что вряд ли Фрэнк из сериала «Бесстыжие» в реальности прожил бы столько лет, — женщина смотрит на картинку. — В среднем те, кто подсядет на тяжёлые, живут от трёх до пяти лет. Кто-то погибает уже через полгода, везучие могут протянуть от десяти до пятнадцати, если употребляют лёгкие наркотики. Причин смерти наркоманов много. Передозировка, несчастные случаи из-за искажённого восприятия реальности, сепсис... это заражение крови. Так же высока вероятность подцепить СПИД или гепатит. Некоторые просто не могут перенести искажённую реальность и завершают жизнь самоубийством. Размышлять можно много...

Она замолкает, чтобы перевести дух.

— В общем, я надеюсь, что донесла до вас всю серьёзность употребления наркотиков. Пиво на вечеринках — это одно дело, а травка и порошок уже другое.

Некоторые смеются, но я даже не улыбаюсь. Никогда не пробовала наркотики и как-то не горю желанием портить себе жизнь.

— Ладно, на этом закончим, — мисс Кавано улыбается и берёт пульт, выключая презентацию. — О чём хотите поговорить на следующем занятии? — она осматривает всех.

Некоторые поднимают руки, и я машинально делаю то же самое. Женщина замечает

это.

— Эмма?

Я опускаю руку и медлю.

— Ну, — неуверенно бормочу я, мысленно коря себя за этот странный и бессмысленный порыв. — Может быть, поговорим про пироманию?

Мисс Кавано вскидывает брови и задумчиво хмурится.

— Пиромания? — она чешет нос. — Это уже ближе к психиатрии, а не к психологии. Хм... Может быть, ты сама сделаешь доклад и расскажешь на следующем занятии? Поставлю баллы за инициативу. А я по ходу тоже что-нибудь добавлю.

Я пожимаю плечом.

— Ладно...

— Отлично! — женщина улыбается.

Пиромания? Серьёзно, Эмма? Ты что с ума сошла? Какая к чёрту пиромания...

Я вздыхаю и прикрываю глаза. Мысли о разговоре с Трейси совсем свели меня с ума...

Radiohead — Idioteque

Занятие по психологии будут только на следующей недели, но за задание, которое мне навязала мисс Кавано, я сажусь сразу же, как только возвращаюсь домой после школы. Я не знаю, почему вообще подняла сегодня руку, чтобы предложить поговорить про пироманию, я ведь с лёгкостью могла загуглить и найти информацию в интернете. Наверное, просто понадеялась, что мне предоставят всё на блюдечке, да и преподаватель более компетентен в этой области, чем я. Доверять каким-то сомнительным статьям во всемирной паутине мне не хотелось.

Теперь же у меня нет выхода.

Нужно написать доклад и к тому же рассказать его потом перед классом.

Я запираюсь в своей комнате, забираюсь на кровать и сажусь за ноутбук. Мне требуется несколько минут, чтобы ответить на сообщения в сети, бегло просмотреть новости, включить музыку и создать документ под названием «доклад по псих. пир.».

Так. Начало положено. Открываю новую вкладку и вбиваю запрос про пироманию. Куча бесполезных ссылок из википедии и миллион однотипных одинаковых статей, от которых нет никакого толку. Выбираю отрывки информации и вставляю в документ, чтобы не потерять, а потом составить из всей этой каши что-то путное.

«Пиромания — это психическое расстройство, характеризующееся непреодолимой тягой к поджигательству. Пироманы совершают поджоги всегда импульсивно, не планируя и в какой-то степени не осознавая собственных действий, при этом они испытывают удовольствие, как от самого процесса поджога, так и наблюдая за пожарами».

Так. Хорошо. Значит, Стив не может контролировать свои порывы, но я это и так знала. Нужно найти что-нинибудь подробное. Почему он не может контролировать, почему появляется это заболевание, что при этом чувствует сам пироман?

«Выявить пиромана довольно несложно по следующим признакам: ранее случавшиеся эпизоды поджогов или попытки устроить пожар без каких-либо мотивов и материальных целей — психиатры станут говорить о заболевании, если человек совершил не менее двух немотивированных поджигательств; все действия по подготовке поджога и непосредственно поджигательству больной совершает очень уверенно с видом знатока; готовясь к поджогу, пироман чувствует волнение и напряжение, которое отступает после осуществления задуманного; больной наслаждается видом огня; пироман постоянно думает о предметах, связанных с огнем, у ребенка этот интерес может проявляться в рисунках, разговорах и играх; человек, страдающий пироманией, может звонить в пожарную службу, сообщая о несуществующих пожарах; пиромана преследуют навязчивые мысли о том, как и где спланировать очередной пожар; наблюдая за пламенем больной может испытывать сексуальное возбуждение».

Каша какая-то. Значит, Стив просто так поджигает всё подряд, получая от этого

удовольствие, без причин и без мотивации, совершенно не контролируя свои действия. При этом он постоянно думает о том, как спланировать поджог. Я думаю о Брауне, о его действиях, о том, как он вёл себя, как постоянно щёлкал зажигалкой. Неужели он тоже каждую минуту размышлял о подобном и сдерживал себя, чтобы не натворить глупостей? Это же так с ума можно сойти, постоянно контролировать себя, чтобы не сорваться.

«У поджогов могут быть самые разные причины, в диапазоне от скуки и вандализма до мести, потому что поджигатель считает себя в чем-то уязвленным. Можно сказать, что это социально неприемлемый способ выражения чувства недовольства и неудовлетворенности. Я уже не говорю о поджогах, связанных с мошенничеством в страховании имущества, поджогах с целью сокрытия следов преступления или суицида, или поджогах в ходе социальных беспорядков (как недавно было в ряде городов Франции). Обычно это разовые явления. А вот пироманы — это нечто другое. Они регулярно испытывают влечение что-нибудь поджечь, потому что они от этого получают удовольствие. Пламя их завораживает, впрочем, как и многих из нас».

Я открываю новые страницы, чтобы найти какую-нибудь путную информацию, но везде лишь определения и непонятные термины. Постоянно пишут только о том, что пироманы не способны сдерживать себя и что они получают удовольствие от огня, их действия импульсивны и необъяснимы.

«Понятно увлечение огнём среди подростков. И тому, по мнению Van de Sande, есть причина: «Уровень тестостерона у мальчиков 14–15 лет за небольшой период времени поднимается в десять раз, и поэтому они ищут опасных приключений и сильных ощущений. Они абсолютно разбалансированы. Кто-то начинает дразнить и допекать сверстников, кто-то фанатично занимается спортом, а кто-то самоутверждается через вандализм и совершение поджогов. Причем делают это они обычно не в одиночку, а в компании.

Такое антисоциальное поведение носит временный характер, успокаивает психолог. «По достижении 20 лет уровень тестостерона уже снижается, а к зрелому мужскому возрасту 30–35 лет его излишки полностью пропадают».

В этом смысле бывает трудно отличить «обычного» поджигателя от пиромана. Потому что когда большая роль в поведении принадлежит гормонам, у специалистов возникают трудности с дифференциацией состояний и их квалификацией».

Я вздыхаю и отрываюсь от изучения материала, чтобы проверить фейсбук. Что если Стив просто переполнен тестостероном? Что, если он поджёт наш дом из-за того, что был обижен на Рори, чтобы отомстить ему? Его мачеха — психиатр. Она запросто могла подделать результаты тестов, чтобы парня признали невменяемым и не посадили в детскую колонию? Но звучит как-то бредово. Трейси же говорила про его приступы, значит, Стиву становится хуже. Он постоянно ходит со своей зажигалкой, чтобы контролировать себя. Да и, скорее всего, в суде должны быть свои психологи, чтобы они смогли выявить заболевание. Вряд ли у мачехи парня были возможности проверить такое.

Нет. Стив Браун пироман. Я уверена в этом на сто процентов.

«Можно сказать, что люди с нарушением импульсного контроля плохо обучены родителями управлять собственным поведением. В асоциальных семьях, в которых злоупотребляют алкоголем и в ходу домашнее насилие, ребёнок не учится необходимости сдерживаться. А если принять во внимание, что такие родители не только плохие воспитатели, но плюс сами демонстрируют недопустимое поведение, то можно представить, что будет с ребёнком с определенной генетической предрасположенностью. Вместе с тем,

не следует думать, что большинство детей из неблагополучных семей обязательно поджигатели или пироманы. Они где-то что-то подожгут, где-то что-то поломают, где-то что-то украдут — всего понемногу. А настоящий пироман — явление редкое».

Стив как-то упоминал, что его мама умерла, когда ему было около одиннадцати лет. Я понятия не имею, какие у него родители и какая обстановка в семье, хотя, судя по Трейси, у них там всё в порядке. Но что было раньше, до того, как отец Брауна женился второй раз? Как умерла мама Стива? Если посудить, то я вообще ничего не знаю, про парня.

«Действительно, формально пиромания подпадает под рубрику DSM «расстройство импульсного контроля». Но нельзя игнорировать и того, что поведение пиромана во многом основывается на глубинных личностных особенностях, и их импульсивное поведение, выражающееся в данном случае в поджогах, следует определенной заданной траектории — нарастающего напряжения. В некоторых случаях это напряжение настолько велико, что человек, в значительной мере сознательно, совершает свое деяние, чтобы «разрядиться», хотя в иных ситуациях он достаточно хорошо со своим напряжением справляется и может собой управлять».

Что-то я не поняла. То они пишут, что это импульсивно и что человек не может управлять своими порывами к поджогам, то говорят, что пироман сознательно что-то делает, чтобы избавиться от стресса. Кому верить-то? Мне нужен настоящий специалист, который разбирается в пироманах, чтобы разъяснить ситуацию, вот только, где же его взять?

«Интересно, что пироманы обычно не подвергают опасности жизни других людей, в отличие от лиц, совершаемых поджоги из мести. Их основная цель — избавиться от чувства гнева и ощущения отверженности со стороны группы сверстников».

Я думаю о своём брате. Точнее, о том пожаре, в котором я погибла бы, если бы Стив не увидел меня в окне и не ринулся спасать. Он не знал, что в доме кто-то был, иначе, зачем бы ему рисковать собой ради другого человека? Зачем он стоял и смотрел на то, как огонь пожирает всё на своём пути? Обычный человек просто сбежал бы, чтобы его не застали на месте преступления, но парень этого не сделал. Стив увидел меня и ринулся в огонь, где получил серьёзные ожоги. Если бы Браун знал, что в доме осталась бабушка, он бы и за ней вернулся.

Если бы Стив Браун хотел отомстить моему брату, он бы устроил пожар в тот момент, когда Джей находился бы дома, но брат Трейси был в курсе, что Рори уехал с родителями в другой город, значит, смысла в подобной мести не было.

«Согласно распространенной в психиатрии точке зрения, устойчивая склонность к поджогам нередко уходит корнями в обстоятельства периода формирования личностных особенностей человека (предположительно первые 4 года жизни). Вероятно, личностное развитие ребенка, который становится впоследствии пироманом, происходило не при самых благоприятных обстоятельствах. Нередко в таких случаях большая роль принадлежит атмосфере в семье, отношению со стороны сверстников (подвергался насмешкам и издевательствам), истории физических злоупотреблений в отношении этого ребенка, а также наличию у него физических недостатков (хромота, врожденные дефекты и т. д.)».

Неужели над Стивом кто-то издевался, когда он был таким маленьким? Как вообще надо относиться к своему ребёнку, чтобы тот в последствии сошёл с ума и стал пироманом? Что же с ним происходило тогда и кто виноват в этом?

Значит, если исходить из логики, что Стив виноват в смерти моего брата, то это будет совсем не так. В смерти Рори виноваты те, из-за кого Браун и стал пироманом. Какая-то

путаница. Как вообще можно винить левых людей, которые понятия не имеют, что сделали?

И почему я снова думаю о Джее? Я же, вроде как, уже пришла к выводу, что винить Стива в смерти брата просто бессмысленно. Бесполезно. Просто череда глупых поступков и событий. Гадать, «а что, если бы», просто глупо. Изменить всё равно ничего нельзя.

Я потираю глаза руками, чтобы собраться с мыслями, и возвращаюсь к материалу.

«В целом эта группа правонарушителей представлена малопримечательными и внешне нормально себя ведущими и нормально функционирующими молодыми мужчинами, проживающими в достаточно зрелом возрасте со своими родителями. Их основная характеристика — социальная изоляция, отсутствие адекватных социальных навыков. С социальной точки зрения, они плохо интегрированы в группу сверстников, у них низкая самооценка, и когда они совершают поджог, они «чувствуют себя настоящим человеком». «Это сделал я», — удовлетворенно говорят они себе, видя статью в газете с описанием пожара. Более того, во время пожара они могут предлагать свою помощь пожарным. Это компенсация их сниженной самооценки. Другой вопрос — почему они выбирают такой способ компенсации? Кто-то употребляет наркотики, кто-то уходит в неразборчивые сексуальные связи, они — поджигают...»

Стива вряд ли можно назвать малопримечательным, ведь он милый и довольно красивый, но вот то, что он плохо ладит со сверстниками и у него мало социальных навыков, это правда. Хотя... в лагере он нормально справлялся с работой вожака, периодически даже шутил и общался со взрослыми, помогал ребятам с палатками и всё такое, но по большей части он где-то пропадал и избегал лишних контактов, когда они не требовались. Парень, с одной стороны, нормально общается со всеми и даже может стать душой компании, но, с другой стороны, старается лишней раз не пересекаться ни с кем. Это странно.

Обычно социальные люди загнанные и вообще стараются не привлекать к себе внимания, с ними как раз и понятно, почему такие становятся пироманами. Им не хватает внимания и значимости в этой жизни, но с Брауном всё иначе. И я не понимаю, в чём вся проблема.

«В рамках системы судебно-психиатрического лечения в Голландии лечение пироманов основывается на методах деликт-анализа (статические факторы риска, динамические факторы риска и управление рисками — «нет излечения, но есть способность контролировать») и деликт-сценария, когда психотерапевт пошагово проходит вместе с пациентом через все переживания и мысли, которые пациент испытывает до-, во время и после совершения деликта. При этом акцент делается на социальной некомпетентности правонарушителя и обучении его иным способам обращения с внутренним напряжением, а также выработке соответствующих навыков».

Слишком сложно для меня, но, думаю, суть я уловила. Врач беседует с пациентом, вспоминая вместе с ним всё, что тот чувствовал, и пытается убедить его в том, что его «метод снятия стресса» неправильный, что избавляться от внутреннего напряжения можно не только с помощью поджогов.

А ещё, пироманию излечить нельзя, но её можно контролировать. Так вот, в чём проблема Стива. Он всё это время сдерживал себя, пытался контролировать свои позывы поджигать всё подряд. Ему в этом помогала зажигалка. И, возможно, я?

Но после всего, что между нами случилось, он снова сломался и потерял контроль. Вот о каких срывах говорила Трейси Кристалл на вечеринке у Нины. Брауну действительно становится плохо.

Голова идёт кругом от информации и странных терминах, и я решаю, что на сегодня достаточно. То, что я прочитала сейчас о пиромании, я, можно сказать, и так знала.

Это неконтролируемое расстройство, из-за которого человек всё поджигает. Оно не лечится, но его можно контролировать. Человек становится пироманом из-за жестокого отношения в детстве, у него проблемы в общении с людьми, и ещё это расстройство не лечится таблетками.

Чёрт, а я и подумать не могла, что парню так нелегко приходится.

— Эмма! — отец зовёт меня, и мне приходится неохотно подняться с кровати, подойти к двери и открыть преграду, чтобы узнать, в чём дело.

— Что? — кричу в ответ.

— К тебе пришли!

Я непонимающе хмурюсь. Пришли? Кто бы мог заявиться ко мне без предупреждения? Обычно все пишут мне заранее, если хотят заглянуть в гости или позвать меня прогуляться.

Я вздыхаю и лениво направляюсь к лестнице, чтобы спуститься на первый этаж и проверить, кто же соизволил прийти ко мне. Может быть, Нина? Хотя вряд ли. Надеюсь, что это не Трейси со своими очередными просьбами помочь её брату. Ну, не знаю я, как помочь ему. Что я должна сделать и почему я?

Я сбегая по лестнице и замираю в коридоре, потому что на пороге моего дома стоит Трис, девушка, которая переспела с моим горе парнем после того, как я с ним поругалась. Я скидываю бровь и скрещиваю руки на груди.

Брюнетка смотрит на меня то ли виновато, то ли презрительно, я не могу понять. Девушка кивает на дверь.

— Выйдем, поговорим?

Трис первая разворачивается и хватается за дверную ручку, открывая преграду и выходя на улицу. Я осматриваюсь в поисках отца, но его нигде не видно. Не особо-то хочется разговаривать с подругой, учитывая всё, что произошло за последние дни. Сейчас, наверное, последуют извинения и просьбы простить её, но я не уверена, что мне вообще это интересно.

Я нелепо надеваю балетки и выхожу вслед за Трис, которая стоит возле крыльца и терпеливо ждёт меня. Закрываю дверь и прислоняюсь к колонне навеса, не собираясь спускаться к собеседнице. Смотреть на неё сверху вниз гораздо приятнее.

— Слушай, Эмма, — начинает девушка. — Я знаю, что бесполезно у тебя просить прощение и всё такое, но... Мы тогда выпили. Много. Да и Майкл сказал, что вы вроде как расстались, так что...

Я прожигаю её взглядом.

— А, то есть, это повод тащить его в постель? — язвительно тяну я.

Она вздыхает и смотрит на меня так, словно я не понимаю элементарную суть вещей, но я действительно не понимаю, зачем Трис всё это время пыталась свести меня с Филлинсом, а потом сама же переспала с ним при удачной возможности. Это как-то... странно что ли. Не знаю.

— Это же вечеринка, — скидывает руки подруга. — Да и все уже говорят, что ты бросила капитана на глазах у команды, обвинив его во вранье. Оставила такого парня одного, будь готова, что кто-то другой решит забрать его себе.

— Ты, например? — скидываю бровь, затем вздыхаю и смотрю на соседний дом, где дети играют в мяч на газоне. — Нина всегда, говорила, что ты та ещё сучка, Трис. Теперь я сама в этом убедилась...

Брюнетка фыркает и негодуяще смотрит на меня.

— Нина? — её голос язвительный. — Может быть, тогда спросишь у неё, почему она тебе не рассказала, что спала с твоим братом?

Я резко смотрю на Трис. Что? Нина была с Рори? Бред.

— Не носи чепухи, — не верю я. — Она бы мне сказала об этом.

Брюнетка коротко смеётся.

— А ты думаешь, почему её не было на похоронах? Она бы не смогла сдерживать слёзы, и ты бы догадалась, — Трис как-то с отвращением смотрит на меня. — Нина трахалась с Рори ещё задолго, как мы с ней разругались. Думаю, тебе будет интересно узнать от неё лично.

Девушка разворачивается и уходит, не говоря больше ни слова, оставив меня в замешательстве на крыльце думать о том, что моя лучшая подруга была вместе с братом и ничего не рассказала. Неужели, это правда? Поверить не могу... Джей же был старше её лет на пять, как... Господи...

Я сбегая с крыльца и быстро оказываюсь возле гаража, собираясь забрать велик и направиться к рыжей, чтобы потребовать от неё объяснений. Надеюсь, что Трис лжёт, потому что у меня в голове просто не укладывается. Нина и Джей вместе? Это просто не может быть...

Billie Eilish — Bored

— Ты была вместе с Рори?! — выпаливаю я, как только Нина открывает дверь своего дома, чтобы впустить меня.

Я мчалась сюда на велосипеде через половину города, совершенно не представляя, что буду говорить и как буду реагировать, если слова, сказанные Трис, окажутся правдой. Это же всё звучит как сумасшествие. Когда, собственно, Нина успела затусить с моим братом и сблизиться с ним настолько сильно, что они переспали? Почему я этого не заметила? Где тогда я была?

Подруга стоит в дверях своего дома и неуверенно смотрит на меня. Она открывает рот, потом закрывает его. Я нетерпеливо жду, когда же девушка начнёт отнекиваться и возмущаться, мол, как ты вообще могла такое подумать, но вместо этого она говорит:

— Зайдёшь? — предлагает Нина, и я сразу же понимаю, что не будет отрицаний и возмущений, потому что Трис сказала мне правду.

Я киваю. Рыжая отступает, чтобы пропустить меня, и я неуверенно переступаю порог.

Я была здесь сотню раз, но ещё никогда на меня так сильно не давил груз обстоятельств, когда я замирала в коридоре, чтобы подождать подругу и пойти вместе с ней в её комнату. Мысль о том, что она была ближе к Джею, чем я, злит и обескураживает.

Мы молча направляемся к её комнате — я слеую позади девушки, вглядываясь в её спину и пытаюсь прожечь в ней дыру, чтобы добраться до самых сокровенных чувств, но моя голова забита разными картинками и мыслями о том, как Нина и Рори проводили время вместе.

Рыжая идёт медленно, словно пытаюсь оттянуть момент, когда придётся оправдываться передо мной, она не смотрит на меня до тех пор, пока дверь за нами не закрывается и пока хозяйка дома не забирается на свою кровать. Я стою на пороге, не решаясь пошевелиться.

— Так, это правда? — неохотно спрашиваю я.

Нина отводит взгляд в сторону.

— Да, — единственное слово, пронзающее моё сердце и разрывающее на кусочки. — Я... Я любила его. Любила Джея.

Я коротко выдыхаю, смотря на свою подругу и до сих пор не веря в то, что она была вместе с моим братом. Даже после её слов всё это кажется настоящим безумием. Может быть, я сплю?

Нина вздыхает и облизывает губы, явно собираясь что-то мне рассказать. Я терпеливо жду, стоя возле двери, словно собираясь сбежать при малейшей опасности.

— Это было где-то за полгода до того, как Рори погиб, — тянет Нина. — Мне было шестнадцать, и как-то с Трис мы затусили с велосипедистами на пляже. Это Трис меня затащила к ним в компанию. Она же тебе рассказала про меня и Рори?

Я киваю.

— Я знала твоего брата, мы ведь часто пересекались с ним у тебя дома, но я никогда не обращала на него внимания. Он был старше, и я даже подумать не могла, что у нас с ним

что-то может получиться, — Нина неопределённо пожимает плечом. — Но когда мы веселились на пляже, я... Я словно влюбилась с первого взгляда. У меня напрочь снесло голову, я... вообще ничего не соображала. А потом мы начали всё больше и больше проводить время вместе и как-то всё завертелось, что... мы начали встречаться. Мы пробыли вместе всю весну, потом Джей уехал служить, и мы общались по интернету. В тот раз это был его последний контракт. Тогда Рори и погиб.

Она смотрит на свои ногти, но я точно знаю, что она даже их не видит. Значит, она любила моего брата даже больше, чем я. Даже не знаю, можно ли вообще сравнить любовь сестры и любовь девушки?

— Видишь это? — Нина показывает на свой шрам на губе.

— Да. Ты говорила, что подралась с Трис из-за парня, — киваю я, совершенно не понимая, при чём тут шрам.

Рыжая невесело улыбается.

— Это был не просто парень, — мечтательно вздыхает подруга, облачиваясь позади себя руками и откидываясь назад. — Это был Джей. Трис тоже положила на него глаз, но твой брат выбрал меня. Это её разозлило, и эта сучка начала устраивать разные выходки, чтобы увести его у меня. Вот мы и подрались. С тех пор нашей дружбе пришёл конец.

Я прикусываю губу, внимательно смотря на Нину. Так, вот по какой причине она разругалась с Трис. Вот, из-за кого нашей дружбе пришёл конец. Нашей четвёрке, нашей банде, нам. А я даже представить такого не могла. Я... Интересно, я единственная, кто не знала подробности?

Окно в комнате открыто, и лёгкий ветерок врывается внутрь, настойчиво теребя тюль. Я стою возле двери, Нина сидит на кровати, и между нами нарастает какое-то отчаянное чувство тоски. По крайней мере мне так кажется. Я не знаю, что мне говорить и нужны ли вообще сейчас слова.

— Трис трахалась с Майклом на твоей вечеринке в пятницу, — зачем-то говорю я.

— Да ла-а-адно, — Нина вскидывает голову. — Вот сучка.

Я пожимаю плечом и немного улыбаюсь. Напряжение, преследующее меня с момента разговора с Трис, постепенно испаряется, и я остываю. И чего я так беспокоилась? Это была личная жизнь Рори, и он явно не горел желанием делиться ею. У него были свои причины, которые я никогда уже не узнаю.

— Прости, что не рассказала тебе, — неожиданно тянет Нина. — Про нас с Джейм. Я боялась, что ты будешь против. Мы хотели вместе сообщить тебе, когда Рори вернулся бы домой, но... Он не вернулся, — она осекается. — А потом всё так завертелось. Ты была в депрессии, и я думала, что если расскажу всё, то тебе станет ещё хуже. А со мной рядом был Шон, и он очень сильно помог мне. Вот у нас и сложилось всё, как сейчас.

Я смотрю на Нину и понимаю, что она вот-вот расплечется. Она втягивает в себя воздух и шумно выдыхает.

— Знаешь, у Рори был кейс, — девушка смотрит на меня. — Он там хранил свои записи. Или дневники, я не знаю. Там вещи, которые дороги ему и всё такое. Как обычно это делают военные. Ключ... — Нина вскакивает на ноги и подходит к своему комоду. Открывает шкатулку, достаёт оттуда что-то и медленно идёт ко мне. Я напрягаюсь всем телом, потому что вспоминаю, что отец искал какой-то кейс брата в гараже, но так ничего и не отыскал. Неужели, это та вещь, о которой сейчас говорит Нина? — Ключ, — она прикусывает губу и протягивает мне цепочку, на которой висит небольшой ключ. — От кейса. Джей просил

сохранить это, пока он не вернётся...

Я забираю ключ, но Нина не отходит от меня. Она обнимает себя руками и всхлипывает.

— Я такая дура, Эмма, — почти плачет девушка. — Я всё думала, где же слышала про Стива Брауна. Это ведь Рори мне рассказывал, — я замираю, потому что всё моё тело перестаёт подчиняться мне. Что она только что сказала? Брат говорил ей о Стиве? — Он... он пытался найти его до того, как уехал по контракту. Пытался сказать, что всё нормально... Что не злится на него. Но Стив исчез. Избегал Джея как мог. Там, в кейсе... Там записи твоего брата. Эмма, он не винил Стива за пожар, он винил себя, за то, что не смог помочь ему с его расстройством. Я вспомнила об этом почти сразу, но ты была с Майклом и всё у тебя налаживалось. Ты слышать про Брауна не хотела, поэтому я не стала тебе говорить. Не стала, потому что пришлось бы рассказать про меня и Рори.

Нина осекается и начинает плакать. Я прикусываю губу, потому что горло сдавливают невидимые тиски и перекрывают дыхание. Судорожно выдохнув, я обнимаю подругу руками и зажмуриваюсь, выпуская на свободу предательские слёзы. Так мы и стоим, две девушки, рыдающие из-за потери одного и того же парня, охваченные горем, но нашедшие друг друга спустя время.

И теперь я вдруг понимаю, что не одна, что есть в этом мире кто-то, кто понимает мои чувства. И этот кто-то всегда был рядом, я его просто не замечала. И сейчас мне даже кажется, что после таких откровений мы с Ниной стали ещё ближе, чем раньше.

Это придаёт сил и желания бороться.

Это придаёт жизни.

Lana Del Rey — Ultraviolence

Я остаюсь ночевать у Нины, потому что возвращаться домой у меня совершенно нет моральных сил. Мы, как в старые времена, допоздна сидим у неё в комнате, пьём вино и разговариваем.

Обсуждаем Трис, Трейси, Мил с её задротами, Майкла Филлинса с командой, своих родителей и прочую чепуху. А ещё вспоминаем Рори Джей. Подруга рассказывает мне, каким он был с ней, как они проводили время вместе, о чём разговаривали. Она говорит это с таким воодушевлением, что мне становится тоскливо и обидно, что я сама не могу так отзываться о своём брате. После его смерти разговоры о нём приносили только сплошную боль.

Я наблюдаю за Ниной и представляю всё, о чём она говорит мне. Каждую их встречу, каждое прикосновение и улыбки, слова, смех, голос. Я вспоминаю, каким Рори был со мной и понимаю, что наши с Ниной воспоминания отличаются лишь тем, что подруга была куда ближе к нему, чем я, в остальном парень оставался таким же, каким я его помнила.

Он был лучше меня. Он был старше, был примером для подражания. Я хотела стать такой же, каким был мой брат, но у меня ничего не получалось. Между нами была пропасть, и догнать Рори я никогда бы не смогла.

Однажды, когда я рассказала ему о своих переживаниях по этому поводу, Джей сказал мне:

— Глупая. Зачем хотеть быть мной, если ты можешь стать ещё лучше, оставаясь собой?

Тогда это казалось мне глупостью, я даже представить не могла, что можно стать лучше брата.

Он был...

Он был весёлым и чертовски умным. Его любили все, и Рори был одним из тех, кому постоянно говорили «чувак, жаль, что тебя не было с нами, без тебя было скучно». Он был одновременно и ребёнком и взрослым, он казался таким крутым и непобедимым. Знал, когда нужно промолчать, а когда полезть в драку. Знал, как обращаться с девушками, знал, как подступить к любому человеку, который вообще не настроен на контакт. Его любили мои родители, мои бабушки и дедушки, соседи и просто знакомые, а мои друзья постоянно говорили мне, какой у меня крутой старший брат.

И я восхищалась им, боготворила и всегда хотела когда-нибудь стать такой же, каким был Джей.

И сейчас, стоя перед дверью его комнаты, я смотрю на белоснежную преграду перед собой и нерешительно сжимаю ключ своими пальцами. Родителей дома нет — это мне на руку, потому что я не хочу, чтобы меня застали на «месте преступления», ведь заходить в эту часть дома строгойше запрещено.

Я прикрываю глаза и вздыхаю, собирая всю свою смелость. Раньше я распахивала эту преграду, даже не постучав, находила взглядом брата и смеялась, когда он бросал в меня подушку и просил убраться из его комнаты, потому что был не одет или же просто хотел

побыть в одиночестве. Обычно в такие моменты он лежал на своей кровати, подложив под голову руку, а второй играя с бейсбольным мячом. На нём всегда была кепка и армейская одежда. Редко можно было увидеть его в джинсах или в брюках с рубашками.

Он всегда улыбался, когда видел меня, даже если был не в настроении. Никогда не злился, лишь шутливо просил меня скрыться с глаз долой. Наверное, я была для него одной из тех назойливых младших сестёр, которые никак не могут оставить в покое своего брата. Как муха, жужжащая под потолком.

Сейчас, вспоминая об этом, я улыбаюсь.

Я прислоняюсь ладонью к двери, словно прося разрешения войти в комнату, а потом осторожно просовываю ключ в замочную скважину и поворачиваю его. Щелчок меня останавливает — я замираю, пытаюсь унять нетерпеливое сердце, медлю, прислушиваясь, будто пытаюсь разобрать звуки вернувшихся родителей, а потом осторожно хватаюсь за ручку и открываю препятствие.

Первый вдох сбивает меня с ног — запах Рори всё ещё витает у него в комнате, пропитывая каждый сантиметр пространства, въедаясь в вещи и разрывая меня на кусочки, потому что я уже забыла, как пахнет брат.

Горло сдавливает, и я с трудом выдыхаю. Второй вдох даётся мне легче, чем первый, — я переступаю порог комнаты и прикрываю за собой дверь, осматриваясь.

Здесь ничего не изменилось. Кровать справа, накрытая покрывалом с армейским узором, над ней полка со статуэтками, книгами и кубками. На тумбочке светильник с наклейками супергероев, шторы плотно занавешены, и в комнате витает полумрак. Стол слева, рядом телевизор и приставка. В углу стоит американский флаг, коробка с какими-то журналами и прочая мелочь. Шкаф возле двери, и внутри, скорее всего, сложена одежда Джея. Я подавляю порыв открыть его и взглянуть на вещи, и прохожу на середину комнаты.

Как давно я здесь не была...

На двери висит плакат с призывом вступить в армию, на стене несколько вырезок и плакаты группы «Muse», «ТФК» и парочка из марвел с Капитаном Америки и с человеком пауком. Здесь всё так же, как было в день, когда Рори уезжал служить. Комната пропиталась одиночеством, пылью и теперь казалась брошенным щенком, которого хозяин решил выбросить на автостраде.

Я подхожу к кровати и замечаю на идеально застеленном покрывале вмятину, словно совсем недавно здесь кто-то сидел. Хотя, может быть, этот след оставил сам Джей, перед тем, как уехал?

Я ещё раз осматриваюсь, ища взглядом кейс, про который говорила Нина. И почему я решила, что он именно здесь? Папа же говорил, что в последний раз оставлял его в гараже. Может быть, мама отнесла его на чердак? Или же...

Я нагибаюсь и заглядываю под кровать, замечая какую-то картонную коробку. Достая её, фыркаю из-за пыли и ставлю на покрывало. Прежде чем открыть её, я забираюсь на кровать и сажусь в позу лотоса. Если мама узнает, что я была здесь, она меня убьёт, но сейчас мне всё равно. Я тут, и это уже не изменить.

Коробка заклеена скотчем, и мне приходится постараться, чтобы распечатать её. Мне кажется, что я открываю какой-то клад, древнее захоронение или гробницу, потому что мои руки не слушаются, а голова идёт кругом. Я сглатываю, прежде чем заглянуть внутрь.

Я ожидаю увидеть всего лишь кейс, про который рассказывала мне подруга, но в коробке гораздо больше вещей. Первое, что я достаю, это армейская кепка Рори. Я сжимаю

её дрожащими пальцами, всматриваюсь в потрёпанный козырёк, а потом надеваю на голову. Улыбка трогает мои губы, и я воображаю, словно я и есть Джей. Он носил эту кепку практически не снимая, она словно часть его, и теперь эта часть надета на мою голову.

Следующая вещь — жетоны. Они звенят в моей руке, когда я подношу их к глазам и начинаю рассматривать.

Вудс Рори Д.

Личный идентификационный номер, чтобы опознать труп.

Первая отрицательная группа крови.

Католик.

Я вспоминаю жетоны, которые носил Стив на своей груди, и меня охватывает грусть. Я вздыхаю и надеваю цепочку на шею, сжимаю металл в руке, а затем трясую головой, чтобы не позволить слезам вырваться на свободу.

Дальше в коробке планшет брата, кейс, нож и несколько вещей, которые он прихватил из армии. Плюс его берцы и форма. Я беру в руки металлический кейс, кладу его к себе на колени и достаю из кармана ключ, который отдала мне Нина. Открыть замок у меня получается только с третьего раза, и когда он, наконец, щёлкает, я напряженно замираю.

Внутри кейса несколько записных книжек и куча запечатанных конвертов. Фотографии, вырезки из газет, какие-то бейсбольные карточки, коробка спичек, полупустая пачка с сигаретами и ещё несколько мелочей.

Первое, что оказывается в моих руках, это фотографии. Я просматриваю их с лёгкой улыбкой на губах, разглядываю брата с друзьями, родителей, меня, даже Нину с Трис, фото великов, песка и прочей чепухи. А ещё я нахожу снимки Стива. На них он с Рори весело улыбается, веселится и смеётся. На одном из кадров ребята стоят в обнимку, перекинув руки через плечи друг друга. Браун в своих любимых очках, Джей с зажатой в зубах сигаретой. Это фото сделано лет шесть назад, может быть даже больше. Парни совсем мелкие.

Отложив в сторону фотографии, я беру в руки блокноты и пролистываю их. Это дневники. Записи моего брата, о которых говорила Нина. Это все его сокровенные мысли и чувства, всё, что происходило с ним, с чем он сталкивался и о чём думал. Это, можно сказать, сам брат.

Читать их сейчас я не собираюсь. Мне нужно время, чтобы собраться с мыслями и решиться на подобное. Это ведь самое сокровенное, что было у Рори, то, что он прятал в кейсе, ключ от которого отдал своей любимой девушке. Не мне, потому что он знал, что я не справлюсь с этой ношей. Он доверил его Нине.

Бегло просматриваю вырезки из газет. Статьи на тему пожаров и поджигателей, есть несколько на счёт Стива и его выходки с нашим домом. Там пишут, что парня признали невменяемым и отправили в лечебницу.

Кладу всё рядом на кровать и беру в руки конверты, просматривая их. На них нет ни адреса, ни отправителя. Лишь имена. Все они плотно запечатаны и, скорее всего, не отправлены.

Роджер Вудс, мой отец.

Эмилия Вудс, моя мама.

Нина.

Эмма.

Я замираю, когда вижу своё имя, и откладываю эти письма в сторону, чтобы потом прочесть их.

Среди всех них есть лишь один конверт с именем Стива Брауна. Я не выдерживаю и распечатываю его своими дрожащими пальцами. Немного корявый почерк Джея расплывается из-за того, что я не могу сосредоточиться, и мне приходится глубоко вдохнуть в себя воздух, чтобы успокоиться. Я начинаю читать. Взгляд скользит по строчкам, и всё внутри начинает сжиматься в плотную сферу, норовя взорваться и разорвать меня на части.

Эти письма Рори писал перед тем, как отправиться на задание в горячую точку. Я понимаю это сразу же, как только начинаю читать. Он писал их на случай, если не сможет вернуться. Если погибнет. Это практически последние слова брата перед смертью. Конвертов так много, потому что парень писал каждый раз новое письмо, а старые складывал в кейс, чтобы никто не смог их прочитать.

Я перечитываю письмо, адресованное Стиву, пять раз, прежде чем решиться найти Брауна и показать ему бумаги. Наспех складываю всё в кейс и закрываю его. Прячу вещи брата в коробку и прихватываю её с собой, прежде чем выйти из комнаты. Я закрываю дверь на ключ, почти бегом бросаюсь в свои владения и прячу коробку под своей кроватью. Мне нужно поговорить с Брауном. Мне срочно нужно найти Стива, иначе всё будет зря.

Suuns — Red Song

Я звоню Стиву, но он не отвечает. Пишу Трейси, но ответ от неё приходит лишь спустя пару часов. За это время я уже успеваю обойти всю квартиру, нетерпеливо перечитать все письма, адресованные мне и даже начать читать один из дневников брата, но мысли пугаются, превращаясь в сплошную кашу, и я практически не могу уловить суть происходящего. Единственное, что я хочу сделать прямо сейчас, показать Стиву письмо, которое написал ему мой брат, но весь мой план рухнет, когда я получаю сообщение от Кристалл.

«Прости, Эмма. Стив не сможет с тобой поговорить. Он в больнице».

«Что случилось???».

«Его поймала полиция во время поджога дома на окраине. Его снова заперли в психиатрии. Я же говорила, что ему становится хуже».

Чёрт возьми, Браун пытался спалить чей-то дом? Что за чертовщина? Поверить не могу. Прошло всего пять дней с момента моего разговора с Трейси... Если бы я раньше. Стоп, Эмма. Возьми себя в руки.

«К нему можно? Мне нужно с ним поговорить».

«Не думаю, что ты чем-то сможешь, но посещения до пяти вечера. Может быть, ещё успеешь. Я могу скинуть адрес».

«Спасибо!».

Я смотрю на время. Почти три часа дня. Так, ладно, если потороплюсь, то смогу сегодня увидеть Стива и показать ему письмо. Надеюсь, это хоть чем-то поможет ему.

Я хватаю письмо и прячу его во внутренний карман кофты, выскакиваю из своей комнаты, спускаюсь на первый этаж, перепрыгивая через две ступеньки, надеваю кеды и вырываюсь на улицу. Забираю из гаража велик и направляюсь по адресу, который прислала мне Трейси. В принципе, я знаю, где находится эта лечебница, вот только никогда там не была да и в ту часть города редко ездила. Но это не проблема.

На байке Рори я добираюсь до нужного места меньше чем за час. Здание больницы трёхэтажное с холодными и отталкивающими серыми стенами, где штукатурка местами потрескалась и осыпалась. Окна и передняя часть здания скрывают деревья, так что, проходя мимо, даже не догадаешься, что здесь психиатрическая лечебница.

Я оставляю велосипед возле входа, прицепляя его замком к перилам, чтобы никто не захотел присвоить его себе, и захожу в холодные давящие стены здания. Меня сразу же встречают застеклённые двери и огороженные помещения, справа от входа за стеклом сидит женщина, которая впивается в меня своими маленькими глазами, словно я нарушаю её частные владения.

Осмотревшись, я подхожу к ней и останавливаюсь возле окошка.

— Могу я увидеть Стива Брауна? Он поступил к вам недавно.

Женщина прищуривается, затем морщится, становясь дико похожей на жабу, и впивается взглядом в монитор компьютера. Минуту она молчит.

— Да. Стив Браун. Поступил в воскресенье с диагнозом импульсивное расстройство. Пиромания. Его можно навестить, но не более чем на пятнадцать минут. Документы, — женщина снова смотрит на меня.

Её голос хриплый и прокуренный, и даже отсюда я чувствую запах тонких ментоловых сигарет.

— Мои? — не сразу понимаю я.

— Паспорт, водительские права, без разницы, — хрипит она.

Спохватившись, я поспешно достаю из кармана паспорт. Хорошо, что я додумалась прихватить его с собой. Женщина забирает его своими кривыми цепкими пальцами и начинает вбивать данные в журнал компьютера. Это длится до жути долго.

Я обнимаю себя руками, нетерпеливо наблюдая за медленными движениями работницы, осматриваюсь, скользя взглядом по нелепым картинам и цветам, больше смаивающим на искусственные, чем на настоящие, и мысленно содрогаюсь, потому что находиться в этом месте чертовски странно.

Женщина возвращает мой паспорт и протягивает бейджик посетителя, после чего она поднимает трубку телефона и кому-то звонит.

— Филл, у нас посетитель к пациенту номер триста восемьдесят один, Брауну. Отведи его в игровой зал и забери гостя, — она кладёт трубку и смотрит на меня. — Подождите пять минут.

Я киваю и отхожу в сторону, чтобы присесть на диванчик для гостей. Он из кожи и противно скрипит, когда я опускаюсь на него. Мысли путаются, и я начинаю нетерпеливо постукивать пальцами по ноге. Сейчас я увижу Брауна. Захочет ли он со мной разговаривать? Будет ли рад, что я пришла? Что, если я сделаю только хуже? Он же из-за меня оказался здесь.

За своими мыслями я не замечаю, как ко мне подходит худощавый парень лет двадцати семи в белой футболке и в белых штанах. Я смотрю на него, не сразу понимая, что он пришёл за мной.

— Вы к Брауну?

— Ага, — я вскакиваю на ноги.

— Пойдёмте, — он осматривает меня с ног до головы и направляется к застеклённым дверям, ведущим вглубь здания.

Я следую за ним, осматриваясь по сторонам. Мы останавливаемся: мой сопровождающий смотрит вверх в камеру и показывает два пальца, после чего электронный замок открывается и позволяет нам войти внутрь.

Коридоры здесь пустые и безжизненные с множеством дверей и поворотов. Стены тошного розово-коричневого цвета, освещение чересчур яркое и неестественное.

— С собой есть зажигательные предметы? — спрашивает парень.

— Нет, — не сразу отвечаю я.

— Спички, зажигалки? Сигареты?

— Нет, — качаю головой, осматриваясь. — Я не курю.

Думаю про письмо брата и спрашиваю:

— Бумага считается? Письмо. Я хотела ему показать это.

Филл, наверное, так зовут моего сопровождающего, смотрит на меня с прищуром, словно я предлагаю ему выкурить самокрутку.

— Нет, не считается, — наконец, говорит парень, и я облегчённо вздыхаю. — Игровая

зона, — Филл останавливается возле двухстворчатых дверей со стёклами в верхней части, отсюда я вижу каких-то пациентов. — У Вас пятнадцать минут. Старайтесь не выводить его из себя, он немного нервный. Хотя он напичкан таблетками, так что беспокоиться не о чем. На всякий случай рядом дежурят санитары.

Я киваю. Филл открывает дверь и пропускает меня внутрь — я неохотно захожу в игровую зону и осматриваюсь. Здесь светло и довольно уютно. Столики с разными играми, вроде шахмат или шашек, лепка пластилина и прочая ерунда. Больше смахивает на детский сад, вот только на окнах решётки, а пациенты в белых одеждах.

Тошная рука Филла прикасается к моей талии, и парень показывает пальцем в сторону человека, который сидит на полу спиной к нам. Его плечи опущены, он сидит в позе лотоса. Я с трудом узнаю в нём Стива.

Не дожидаясь, пока мне разрешат подойти к парню, я решительно огибаю какого-то мужчину, разговаривающего с невидимым собеседником, и подхожу ближе к Брауну. Прежде чем показаться ему на глаза, я стою за его спиной и вглядываюсь в него, словно мысленно пытаюсь заставить его обернуться. Стив что-то неохотно рисует, и когда я делаю шаг в сторону, чтобы увидеть картинку, вижу изображение огня.

Всё внутри меня сжимается — я решительно огибаю Стива и присаживаюсь напротив него. Его лицо усталое и осунувшееся, синяки под глазами, лёгкая щетина, волосы отросли сантиметров на десять. Смотри на него, с трудом можно узнать того парня, в которого я влюбилась в лагере.

— Привет, Стив, — осторожно говорю я, но парень не реагирует.

Я опускаю взгляд на его рисунки, разложенные на полу, и что-то отчаянное сдавливает меня со всех сторон. Сплошной огонь, пламя, пожары. Это пугает и завораживает одновременно.

— Я... — я вздыхаю и снова смотрю на парня. Не знаю, понимает ли он вообще меня, ведь его напичкали таблетками. Он же, возможно, не помнит меня. Или даже себя. — Стив, я не злюсь на тебя, — тихо говорю я, пытаюсь хоть как-то «разбудить» парня. — Точнее, я злилась, но сейчас уже нет... Я знаю, что ты винишь себя в смерти моего брата, но это не так. Я... Я нашла письмо Джея. Оно адресовано тебе.

Я достаю из кармана бумагу и протягиваю её Брауну, только потом понимая, что парень не обращает на меня внимания и вряд ли вообще будет читать письмо. Стив продолжает усердно вырисовывать линии огня ярким оранжевым карандашом. Его взгляд пустой и невидящий.

— Ладно, я сама прочитаю...

Я вздыхаю и разворачиваю письмо.

«Дорогой Стив. Если ты это читаешь, значит, я уже мёртв, а если меня убили, значит, я так и не поговорил с тобой. Ты должен знать только одно: ты не виноват в моей смерти. Я сам выбрал этот путь. И я не испытываю к тебе ненависти. Я искренне люблю тебя как младшего брата, как друга и как любимый порно-журнал (ну, ты понял, о чём я). Ха-ха. Извини. Нет, правда. Прости меня. Я должен был помочь тебе, но не стал этого делать. И я виню себя за это. Это я виноват в том, что ты поджог мой дом, я причина смерти моей бабушки Маргарет. Только я и никто другой. Я был слеп. Я не видел, как мой лучший друг страдал и умирал на моих глазах. Я просто не обращал на это внимания. И теперь я поплатился за это. Я убил себя, убил тебя и всех остальных, раз ты читаешь это письмо. И мне жаль. Я надеюсь, что ты простишь меня, потому что я давно уже простил тебе всё, что

только можно. Прощай, Стив. Твой друг, Рори Джей».

Я замолкаю, поднимаю взгляд на Брауна и замираю, потому что Стив смотрит прямо на меня. Он больше не рисует, но его взгляд всё такой же безжизненный и пустой. Мурашки скользят по моему телу, и разные варианты развития событий проскальзывают в моей голове. От улыбки на губах парня и нашего поцелуя, до с ненавистью сжимающих мою шею пальцев.

— Он не испытывал к тебе ненависти, — тихо говорю я. — Так что перестань винить себя во всех грехах. Пожалуйста, Стив. Я люблю тебя... — зачем-то говорю, но голос срывается, и я замолкаю. — Я... — я прикусываю губу и поднимаю руку, чтобы дотронуться до волос парня, но тот словно каменеет. — Я вытащу тебя отсюда, — обещаю я. — Ты только подожди.

Я кладу письмо поверх рисунков, надеюсь, что оно хоть как-то поможет Стиву в дальнейшем и что он не уничтожит его во время одного из своих срывов. Или как там у него всё проходит? Я не знаю. Я вообще ничего не знаю, и это нужно хоть как-то исправить.

Я поднимаюсь на ноги, потому что Филл уже машет мне с другого конца комнаты, чтобы предупредить, что время заканчивается, но как только я встаю Браун неожиданно хватается меня за запястье. Я замираю, но Стив ничего не делает. Я смотрю на него сверху вниз, и его лицо кажется мне какой-то маской, которую парень никак не может снять. Оно каменное и бессмысленное.

Я нагибаюсь и целую Стива в лоб. Его пальцы слабеют, и рука опускается на колено. Переборов себя, я разворачиваюсь и направляюсь к выходу. Чувство беспомощности и бессилия душит меня, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не расплакаться. Не хочу оставлять его здесь в таком состоянии. Не хочу...

Последний раз обернувшись на Стива Брауна, я вижу его спину и светлые отросшие волосы. Парень одиноко сидит в углу и не обращает ни на кого внимания. Прежде чем покинуть игровой зал, а следом за ним и психиатрическую лечебницу, я решаю для себя, что во что бы то ни стало вытащу Стива в нормальную жизнь. Я помогу ему, как не смог помочь Рори Джей. Я спасу его. Пусть для этого мне потребуется несколько лет, может быть, даже вся жизнь, но я сделаю это.

Я поступлю в колледж на психиатра, буду изучать пироманию и сделаю всё, чтобы Стив больше никогда не страдал. Я сделаю всё, чтобы смерть брата не была напрасной, а иначе в чём вообще смысл моей жизни?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Конец.